Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

1917 1927

КНИГА 10—11

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

КО ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

В феврале 1928 г. к 10-летию Красной армии редакция выпускает специальный юбилейный номер журнала.

Редакция обращается ко всем участникам гражданской войны с просьбой присылать для помещения в журнале фотографии, особо характерные документы и пр.

Все присланное редакция, по использовании, с благодарностью возвратит.

Редакция.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВОЙНА
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ОСОАВИАХИМА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
К. Е. ВОРОШИЛОВА, И. С. УНШЛИХТА, С. С. КАМЕНЕВА,
А. С. БУБНОВА, М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО, Р. П. ЭЙДЕМАНА

1927

№ 10—11 ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ № 10—11

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

Главлит № А-334 Тираж 1.800.

Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции" Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., 11.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ЛЕНИН, КАК ВОЖДЬ ПРОЛЕТАРСКОГО ВОССТАНИЯ

ДЕСЯТИЛЕТИЕ Октября дает возможность оценить с большей беспристрастностью, чем это было возможно непосредственно в период Октября и в ближайшие к нему годы, роль отдельных лиц в этом грандиозном историческом перевороте. Бесспорно на первом плане в деле руководства Октябрьским переворотом, в деле организации его, в деле обеспечения ему успеха стоит коммунистическая партия— партия большевиков. Эту партию можно отделить от какой угодно личности — ее нельзя отделить только от Ленина. Без Ленина трудно представить себе эту партию, ее лицо, ее тактику и ее стремительный рост в 1917 г. Нет такого этапа борьбы партии большевиков за влияние на массы, нет такого этапа борьбы этой партии вообще, который не был бы связан с именем Ленина.

Это имя было ненавистно для всех оппортунистов, для всех противников большевиков. Так, еще в 1913 г. тов. Троцкий, считая, что „все здание ленинизма построено в настоящее время на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитые начала собственного разложения", выдвигал задачу „разрушения самых основ ленинизма, который не совместим с партийно-политической организацией рабочих" [1]). Ленинская настойчивость в достижении поставленной цели, ленинская прямота и решительность в постановке политических вопросов вызывали величайшее раздражение его противников. Для них Ленин был „профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении" (Л. Троцкий). Все знают теперь, на какую высоту вознес именно Ленин марксизм, как метод научного исследования общественных отношений. Это уменье пользоваться методом Маркса раздражало также противников Ленина. „Для него марксизм — не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства. Нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно пред'явить свою партийную совесть" Так характеризовал в первый период революции тогдашний меньшевик Л. Д. Троцкий марксизм Ленина, прикрывая этими озлобленными карикатурными фразами свою собственную неспособность овладеть методом марксистского анализа.

Марксизм для Ленина был не догмой, как он сам не раз говаривал, а „руководством к действию". И в этом отношении — в применении

[1]) Письмо Л. Д. Троцкого к Н. С. Чхеидзе 1 апреля 1913 г. (См. „Ленин о Троцком". Библиотека рабочей молодежи. „Новая Москва", 1925 г. Стр. 217—218).

марксизма к действию — никто не возвысил марксизм до такого величия, до какого возвысила его партия большевиков под руководством Ленина.

В период подготовки к первой революции Ленин тщательнейшим образом регистрирует факты, относящиеся к нарастанию элементов восстания. Он регистрирует эти факты, делая из них решительные и решающие выводы. Партия не может плыть по течению, партия не может быть только свидетельницей стихийно нарастающего движения,— она должна руководить, она должна организовать восстание. Ленин и есть организатор восстания. Когда начались бурные дни 1905 г., Ленин не только регистрировал факты уличных выступлений, переходящих в вооруженные восстания; он серьезнейшим образом изучал военное дело, чтобы применить его в деле вооруженного восстания. В институте Ленина можно найти целый ряд сочинений великих тактиков и стратегов военного дела, испещренных тщательными заметками, подчеркиваниями, примечаниями Ленина. Его наброски к темам статей, относящихся к организации восстания, это гениальные наброски полководца, руководителя, вождя, который умеет отметить не только главное, не только связать с этим главным отдельные моменты, из которых складывается успех и поражение восстания; он умеет подметить тенденцию, направление движения; учитывает массы, которые войдут в движение, могут быть втянуты, должны быть в него втянуты.

Сочетание добросовестнейшего теоретического изучения вопроса с глубоким практицизмом и со столь же глубоким уменьем заглянуть вперед делает Ленина признанным вождем, стратегом партии большевиков не только в дни под'ема движения, но и в дни его упадка во время поражения. В органе большевиков „Вперед", затем в „Пролетарии" и в других большевистских изданиях Ленин привлекал внимание партии к обсуждению таких вопросов, постановка которых вызывала злорадные насмешки у меньшевиков. Меньшевики высмеивали наши разговоры о технической подготовке к вооруженному восстанию. Когда мы говорили о необходимости вооружать рабочих, они отделывались пустозвонными фразами о том, что надо „вооружить массы жгучей потребностью самовооружения". Это говорилось тогда, когда жгучей потребности в самовооружении у рабочих было через край, а практического выхода к этому меньшевики не могли найти, да и не искали серьезно.

Ленин тщательно занимается вопросами военно-боевого дела, военно-боевой техники. Он уделяет исключительное внимание, например, конференции военных и боевых организаций (в Таммерфорсе в ноябре—декабре 1906 г.). Когда из меньшевистского лагеря раздаются похоронные песни, когда Плеханов бросает знаменитое: „не надо было браться за оружие" — Ленин отвечает на это беспощадным вскрытием

наших собственных ошибок, изучением опыта декабря 1905 г., призывом к партии тщательно изучать этот опыт, учесть ошибки, какие мы сделали в этот период.

Первая революция разгромлена. Партия снова глубоко забивается в подполье. Наступает период реакции. Меньшевики поют похоронную песнь, ликвидируют партию. И здесь Ленин, как руководитель боевой партии, как руководитель партии вооруженного восстания, проявляет свойства, необходимые вождю пролетарской революции. Надо уметь отступать. Это Ленин повторяет и в период Брестского мира. Большевик не тот, кто „не дрейфит" в момент величайшего под'ема революции, не тот, кто хорошо дерется тогда, когда все хорошо дерутся, когда все идут на штурм. Большевик не тот, кто в этот момент штурма храбро ведет себя в рядах наступающих. Большевик тот, кто не дрейфит, кто не теряется, кто не впадает в панику, в пессимизм, в раздраженную, неправильную критику своей партии тогда, когда ей приходится отступать, когда ей приходится совершать те или иные, иногда очень глубокие, маневры отступления, с тем, чтобы вновь наступать, сомкнувшись еще более широкими массами, проверивши свои ряды, перестроив их, организовав свою усталую, местами разбитую армию. Таков Ленин. Кругом ликвидаторские, унылые, похоронные настроения, а Ленин исполнен уверенности в том, что мы своей кропотливой подпольной работой, отмежевавшись от полу-друзей справа и слева, резко определим свою линию, снова соберем силы для новой успешной борьбы

Эта четкость, ясность, определенность марксистских положений, выдвигаемых Лениным, отталкивала одних — колеблющихся, слабых, ищущих компромисса, соглашений „внефракционных". Но та же черта привлекала к нему тех, кто связывал крепко себя с судьбой передового авангарда рабочего класса. Ленин никогда не гонялся за тем, чтобы этот передовой авангард был очень многочисленным. Он считал, что в него, в этот передовой авангард, в эти главные кадры, вокруг которых формируется армия, должны войти самые передовые, самые энергичные, самые сознательные элементы рабочего класса. С этими самыми передовыми, революционными, сознательными элементами рабочего класса Ленин готов кропотливо работать в какой-нибудь небольшой школе в Лонжюмо, читать лекции, стремясь выработать хотя бы узкие, но зато крепко сколоченные и подкованные кадры большевиков-ленинцев.

В период нового под'ема эта кропотливая четкая работа Ленина дает себя знать в величайшем успехе революционных наших лозунгов. Ленин снова подсчитывает силы. Он из своего подполья ведет точный учет, — сколько подписчиков „Правды", сколько участни-

ков сборов на „Правду", сколько голосов в союзе металлистов, сколько голосов за большевиков в страховые больничные кассы. Для него все это силы, которые потом обеспечат успех восстания.

Во время империалистической войны Ленин как-будто оставался вначале совсем одиноким. II Интернационал предал, II Интернационал перешел на службу буржуазии. Ленин предпочитает остаться с узким кругом преданных марксизму, преданных пролетариату людей, чем иметь на своей стороне социал-патриотов или колеблющихся, каутскианцев. Больше всего он ненавидит тех, кто занимает срединные позиции; ненавидит центристов, каутскианцев, бешено полемизирует с Мартовым, с Троцким, предостерегает, что самое опасное—это запутаться в эти фразерские формулы, которые выражают „левую фразу — правое дело". Ленин уже в этот период сколачивает силы для организации III Коммунистического Интернационала, которому суждено повести пролетариат всего мира на последний и решительный бой.

Но вот в России поднимается новый вихрь восстания. Шатается царский трон. Образуются советы рабочих и солдатских депутатов. Ленин еще в Швейцарии. Он оттуда в „Письмах издалека" намечает верную, правильную линию. В сложной обстановке борьбы, когда партия выходит на широкую дорогу, когда она начинает собирать разбросанные свои силы, начинает выстраивать свою армию для дальнейшей борьбы, в отдельных отрядах чувствуется еще разноголосица. Отдельные командиры предлагают различные планы действия. Но эта разноголосица чувствуется и дает себя знать *до* приезда Ленина. Все ждут: что скажет Ленин, этот признанный вождь, человек, которому верит вся партия?

И вот Ленин возвращается. Ленин — на броневике у Финляндского вокзала, указывающий дорогу вперед. Это исторический символ Ленина, как вождя пролетарской революции. Он окружен рабочими, окружен матросами. Толпа обывателей настроена против него враждебно. Для них он „агент Вильгельма", для них он приехал в „запломбированном вагоне". Для собравшихся вокруг него рабочих, солдат и матросов, для собравшейся вокруг него старой гвардии большевиков, он — признанный вождь.

Правда, колеблются еще отдельные товарищи, пытаются повернуть партию вспять, отвести ее в сторону от восстания и от опасного, по их мнению, пути. Они боятся, как бы наша революционная армия не осталась слишком изолированной. Они боятся, как бы мы не зарвались слишком вперед. Они боятся трудностей, они не верят в успех социалистической революции. Но армия чувствует себя уверенно, потому что во главе ее Ленин.

Гениальнейшими чертами набрасывает Ленин основную линию партии. Нужен основной план действий в ближайшие недели, месяцы.

Это его „апрельские тезисы". События разворачиваются быстро. Революция шагает гигантскими шагами: в неделю совершает путь десятилетий, в месяцы сламывая препятствия, нагроможденные столетиями. Она, правда, не всегда идет прямой дорогой. Вот июльская волна, а за ней временный разгром партии, временный уход в подполье. Партия большевиков в осаде, партия большевиков обстреливается неслыханной кампанией лжи и клеветы. Но партия большевиков—с Лениным. Она верна его линии, она снова перестраивает ряды, для того, чтобы готовиться к еще более решительным боям. В июле еще нельзя взять власть. Надо изменить лозунг. Временно Ленин советует снять лозунг „вся власть советам". Партия усиливает работу в войсках, партия усиливает через армию, через рабочих связь с крестьянами, партия обращает более серьезное внимание на вопросы, волнующие крестьянство. Партия производит новую мобилизацию сил. Из своего подполья вождь внимательно следит за всей работой партии.

Партия создает свою военную организацию и работа этой военной организации глубоко интересует полководца, вождя восстания — Ленина. В военной организации работают такие люди, как Дзержинский, Подвойский, Невский и др. Ленин следит за успехами организации Красной гвардии, за малейшими изменениями в голосованиях в советах. Но Ленин так же внимательно следит за состоянием фронта противника. Его в не меньшей степени интересуют передвижения на этом фронте, изменения, которые происходят в социальных слоях, еще недавно поддерживавших противника. Фронт противника и особенно его тыл — это тоже об'ект внимания вождя восстания, вождя революции. Он должен этот фронт так же знать, как и свои силы; он должен учитывать состояние тыла противника так же, как он учитывает состояние своего тыла. Он должен знать изменения в настроениях различных социальных слоев тыла противника, как он должен знать эти изменения у себя вокруг.

Ленинская тактика, ленинская стратегия—это не неподвижная прямая линия. Это линия гибкая, маневрирующая. Сегодня на несколько дней еще возможен компромисс с меньшевиками и эсерами. Через несколько дней он уже невозможен. Сегодня выступление

против Корнилова, но **нет еще прямого призыва к восстанию против Временного Правительства.** Завтра, когда крестьянские восстания развернутся, когда возникнет ряд национальных конфликтов с временным правительством, когда большевики в Петроградском, Московском и некоторых провинциальных советах получат большинство, когда есть опасность, что в целях контр-революции будет сдан Питер немцам,— надо торопиться, надо выдвинуть лозунг восстания, и здесь „промедление смерти подобно". И Ленин выдвигает этот лозунг и, помня, что нельзя играть с лозунгом восстания, с этого момента он будет настойчиво изо дня в день, иногда по нескольку раз в день напоминать партии, ее ЦК, ее провинциальным комитетам, всей партийной массе, что „медлить нельзя", что дорог каждый день, каждый час, что „промедление—смерти подобно".

В Центральном Комитете, в главном штабе революционной армии, двое из членов ЦК — Зиновьев и Каменев — не согласны с линией, предлагаемой вождем восстания, не согласны с линией ЦК. Не подчиняясь воле большинства, они переносят спор в отдельные части революционной армии, обращаются к отдельным комитетам, они переносят его — неслыханно! — на обсуждение вне партии через враждебную нашей партии печать. Ленин требует исключения этих людей не только из боевого штаба — из ЦК партии, он требует, чтобы они были выброшены из состава революционной армии. **Для него не существует в таких случаях личной дружбы, личной привязанности. Дело революции, дело пролетарского восстания — для Ленина выше всего.**

„Чем серьезнее практический вопрос, чем ответственнее и „виднее" люди, совершившие штрейкбрехерство, тем опаснее оно, тем решительнее надо выгнать вон штрейкбрехеров, тем непростительнее было бы колебаться из-за прошлых хотя бы „заслуг" штрейкбрехера".

„Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я заявляю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю, и всеми силами и перед ЦК и перед Съездом буду бороться за исключение обоих из партии".

„Ибо руководящая партия, которую жизнь все чаще и чаще ставит лицом к лицу с восстанием, не в силах решать такие трудные задачи, если неопубликованные постановления центра после их принятия оспариваются в непартийной печати и в ряды борцов вносятся колебания и смута" [1]).

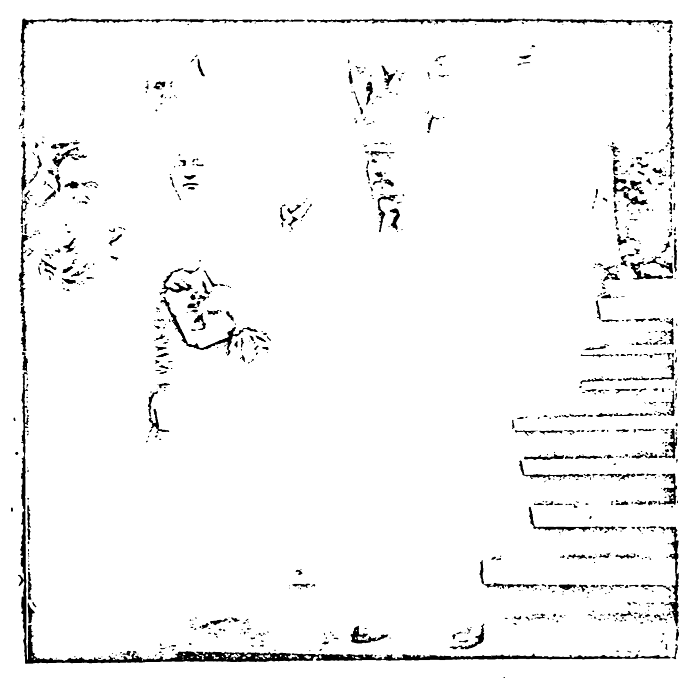
Ленин борется со всякими попытками увернуться от ясной постановки вопроса о восстании, и даже своих ближайших друзей, когда они начинают колебаться, когда начинают слишком большие надежды

[1]) Письмо к членам партии большевиков. Протокол ЦК 20 октября 1917 г. № 27 (см. „Пролетарскую Революцию" за сентябрь 1927 г.).

возлагать на „обволакивающий маневр", на „тихий", легальный способ одержать победу, Ленин критикует беспощаднейшим образом. Надо изучать документы, относящиеся к периоду восстания 1917 г. Конечно, эти уроки Октября надо изучать по Ленину прежде всего, а не по таким „Урокам Октября", которые извращают историческую действительность, которые Ленину отводят ничтожную, жалкую роль где-то на задворках, которые партию отодвигают на задний план, которые игнорируют роль военной организации, роль Красной гвардии, роль массовых пролетарских организаций, с которыми связана была наша партия.

Ленин тем и велик был, как вождь, что он умел учесть значение этих сил, значение партии, как организационного целого, значение партийного аппарата. Без организации, без создания такого аппарата, — гибкого, чуткого, умеющего, когда надо, проводить постановления ЦК, как приказ, — нельзя совершить успешного восстания пролетариата. Без создания военных организаций, без организации передовых кадров рабочих в вооруженную силу, или способную стать вооруженной в момент восстания и действовать, как боевая единица, вокруг которой вырастают борющиеся массы,— восстание не может победить ни в одной стране. Без предварительной подготовки масс, без овладения этими массами через профсоюзы пролетарская революция не может победить ни в одной стране. Без железной дисциплины партии — нельзя победить. Одним из условий победы революционной армии является, поэтому, железная дисциплина революционной партии и пролетариата. Но чем она держится?

„Прежде всего является вопрос, чем держится дисциплина революционной партии и пролетариата? Чем она проверяется.? Чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом; во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой; в-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы сами широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, — неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с одной стороны, не могут возникнуть сразу; они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая,

В. И. Ленин на похоронах жертв Октябрьской революции

в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения".

Так писал Ленин в „Детской болезни левизны в коммунизме" в 1920 г. И это было правилом его поведения, как вождя революционной армии, всю его жизнь,— ибо он никогда не был полководцем без армии. Даже тогда, когда партия наша была малочисленна, слаба, она имела влияние на широкий круг рабочих, на широкие круги трудящихся. Революционная дисциплина нашей партии всегда проявлялась теми признаками, на которые указывал Ленин. Ленин никогда не был вождем узко-заговорщического восстания, как это ему иногда приписывали даже те, кто себя называет иногда большевиками-ленинцами. Для Ленина восстание было искусством, но искусством, которым должны овладеть массы.

Надо изучать Ленина. Изучать его статьи о революции 1905—1907 гг. Надо изучать такие его документы 1917 г., как „Грозящая катастрофа и как с нею бороться", „Удержат ли большевики государственную власть", „Кризис назрел", „Советы постороннего", „Письмо к товарищам", письмо к И. Смилге, и ряд других документов, относящихся к периоду 1917 г., чтобы понять гениальную линию Ленина, как вождя пролетарского восстания. Только тогда можно понять, как Ленин относился к восстанию, как к искусству, как он умел применять эти марксистские требования по отношению к каждому отдельному историческому моменту.

Ленин, как вождь пролетарской революции, имеет международное значение, так же как и опыт Октябрьской революции имеет значение не только для СССР, а для пролетариата всего мира. Кто ставит себе задачей дальнейшую борьбу за победу социализма во всем мире, кто ставит себе задачу борьбы за диктатуру пролетариата в странах капитализма, тот не может не изучать опыт русского Октября. Тот ничего не поймет, если он не изучит произведений Ленина, если он не изучит работы Ленина, не поймет тактики и стратегии, которые применяла ленинская партия и в первую революцию 1905—07 гг. и в революцию 1917 г.

Но пусть каждый помнит, что изучать нужно не только тактику и стратегию пролетарской партии в период революционного под'ема, но надо изучать эту тактику и стратегию в периоды отступления, маневрирования: надо уметь после временных поражений учесть свои собственные ошибки, как это делал Ленин; надо уметь перестроить свою армию так, чтобы она была шире и глубже связана с массами трудящихся, партийными и беспартийными, пролетарскими и непролетарскими; надо уметь выставить не только узкий штаб в качестве руководителя восстания; надо уметь организовать и воспитать революционный класс, пролетариат, чтобы он стал ведущим, руководящим и увлекающим за собой миллионы трудящихся. Надо уметь большевизировать не только партию, надо уметь большевизировать массы.

Величайшим учителем этого искусства, и, поэтому признанным вождем пролетарского восстания в истории социализма бесспорно является Ленин.

г.

К ВОПРОСАМ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

I

ВООРУЖЕННОЕ восстание, как одна из форм классовой борьбы пролетариата, в учении Маркса и Энгельса занимает одно из центральных мест. Железная необходимость и неизбежность применения этой формы на определенной исторической стадии развития классовой борьбы данного народа непосредственно вытекает из всей марксовой концепции развития общественных форм, революционной роли насилия в историческом процессе, роли государства, как орудия классового господства, и концепции диктатуры пролетариата. Отрицание необходимости вооруженного восстания, вооруженной борьбы пролетариата против господствующих классов вообще, неминуемо влечет за собой отрицание классовой борьбы, как таковой, отрицание диктатуры пролетариата и революции и, вместе с тем, извращение марксизма в самых основах и низведение его до отвратительной поповщины.

Опираясь на учение Маркса и Энгельса, Ленин в своих трудах и особенно в книге „Государство и Революция" гениально доказал незыблемость этих основных положений революционного марксизма, игнорируемых и извращаемых до неузнаваемости оппортунистами. С другой стороны, история и позорный крах II Интернационала, особенно история и крах германской социал-демократии и ее отношение к этим (государство, диктатура, восстание) основным вопросам научного социализма со всей категоричностью практически подтвердила выдвинутые Лениным положения.

Роль разносчика оппортунистических извращений марксизма по вопросу о диктатуре пролетариата и его вооруженной борьбе за власть, за уничтожение буржуазного государства и создание на его развалинах своего собственного государственного аппарата, равно как и по всем другим принципиальным положениям революционного марксизма, как известно, принадлежит германской социал-демократии. В то время, как для Маркса „сила всегда была в истории повивальной бабкой старого строя, беременного новым", когда „между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе... и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата" [1]), когда „революция (т.-е. переход от одной общественной

[1]) Маркс. Цитировано по книге Ленина „Государство и Революция". Стр. 82. Изд. Петроградского С. Р. Кр. и Кр. Деп. 1919 г.

системы к другой. Г.) есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек"[1]), в то время, как по Марксу „пролетариат путем насильственного низвержения буржуазии кладет основание своему господству"[2]), когда „в особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей"[3]), а пролетариат должен „сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте"[4]), в это время германская социал-демократия всегда выставляла положение, что переход от капиталистического строя к социалистическому совершится мирным путем, без кровопролития и разрушения государственного аппарата буржуазии и без установления диктатуры пролетариата.

Еще в 1875 г. германская социал-демократия в своем проекте Готской программы по вопросу о государстве, несмотря на опыт Парижской Коммуны и оценку ее Марксом, выставляла, как программный вопрос, не диктатуру пролетариата (и необходимость вооруженного разгрома старой буржуазной государственной машины), а „свободное народное государство, которое должно будет стать на место нынешнего государства, основанного на классовом господстве". Известно, что Маркс и Энгельс жестоко высмеивали это требование, называя его „болтовней о государстве", которую „следовало бы бросить особенно после Парижской Коммуны", и утверждая, что „говорить о свободном народном государстве — есть бессмыслица".

Естественно, что в корне неверное понимание сущности государства немецкими социал-демократами предопределило отсутствие вообще постановки вопроса о диктатуре и вооруженной борьбе за власть в Готской программе партии.

Вопросы эти не были поставлены также и в евангелии II Интернационала — в Эрфуртской программе, принятой в 1891 г. В ней также нет ни слова о диктатуре пролетариата, нет даже вопроса о демократической республике, этой „последней из государственных форм буржуазного общества, при которой должна разыграться последняя решительная борьба" (Маркс).

В комментариях к Эрфуртской программе, Каутский (1892 г.) пытается поставить вопрос о переходе от одного общественного строя к другому и разрешает его в сугубо оппортунистическом духе: „Такой переворот (т.-е. захват политической власти пролетариатом. Г.) может принять самые разнообразные формы, в зависимости от условий, при

---

1) Энгельс. По книге „Государство и Революция". Стр. 58.

2) Маркс и Энгельс. „Коммунистический Манифест". Стр. 34. Изд. „Московский Рабочий".

3) Маркс и Энгельс. Предисловие к „Коммунистическому Манифесту" в 1872 г.

4) Маркс. Письмо к Кугельману 12 апреля 1872 г. Цитировано по книге Ленин „Государство и Революция", стр. 34.

которых он совершается. Он ни коим образом не связан обязательно с насилием и кровопролитием. Были уже случаи во всемирной истории, когда господствующие классы были особенно проницательны, особо слабы и трусливы и, таким образом, добровольно сдавались перед лицом необходимости"[1]). Здесь, правда, в полустыдливой форме, но уже достаточно ясно определяется оппортунистическая позиция германской социал-демократии по вопросу о характере перехода политической власти от буржуазии к пролетариату. Этот переход мыслится Каутскому и социал-демократии в целом не в результате отчаянной вооруженной борьбы, не через диктатуру пролетариата, а в результате мирной и плавной эволюции.

Творцы научного социализма не изменили своих взглядов о роли насилия до конца своей жизни. Легендой о том, будто Энгельс в своем предисловии в книге Маркса „Гражданская война во Франции", написанном им непосредственно перед смертью (1895 г.) и являющимся политическим завещанием Энгельса, изменил свои прежние „бунтарские" взгляды на вооруженное восстание, отказался от методов борьбы 1848 и 1871 гг. и стал сторонником мирной эволюции, легендой, которую распространяли реформисты из германской социал-демократии в течение 30 лет, сейчас, после того, как т. Рязанову удалось получить от Бернштейна подлинный текст предисловия Энгельса, никого не обманешь. **Фальсификация завещания Энгельса нужна была реформистам для того, чтобы прикрываясь его именем, творить свое грязное оппортунистическое дело.** Вся практика германской социал-демократии, на которой нет надобности здесь останавливаться (ее место в системе охраны буржуазного строя давно определено), как нельзя более наглядно это подтверждает. Сейчас уже каждому ясно, что социал-демократия *против* применения насилия пролетариатом по отношению к буржуазии, но она *за* применение насилия буржуазии по отношению к пролетариату.

Из сказанного выше видно, что германская социал-демократия по самым основным вопросам марксизма никогда не была **марксистской** и нынешнее позорное падение ее начинается со времени Готы, Эрфурта и фальсификации трудов Маркса и Энгельса по вопросам о диктатуре, вооруженной борьбе пролетариата и классовой борьбе вообще, по вопросам, являющимся водоразделом, разделяющим в конечном итоге действительных революционеров от всего чуждого революции. Именно в этой связи Ленин говорил: ...„самое главное в учении Маркса — это борьба классов. Так часто пишут и говорят. Но это неверно .. Кто признает классовую борьбу, тот еще не марксист, тот еще может находиться под влиянием буржуазной философии и поли-

[1]) Каутский. Эрфуртская программа. Стр. 86. Изд. „Московский Рабочий" 1922 г.

тики. Марксист — это тот, кто, признавая классовую борьбу, одновременно признает и диктатуру пролетариата. Оппортунизм не признает классовой борьбы в ее самой главной стадии, именно, в переходный период от капитализма к коммунизму, в период низвержения буржуазии. В действительности, этот период есть период острой классовой борьбы, когда эта борьба выражается в неслыханно острых формах и государство этого периода неизбежно принимает новые демократические формы".

Сходя с почвы марксизма по вопросам диктатуры пролетариата и роли государства, германские социал-демократы не могли даже поставить (не говоря о практическом разрешении) вопроса о вооруженном восстании.

Мы остановились на германской социал-демократии и отношении ее к затронутым вопросам потому, что, именно, она являлась и продолжает являться идейной руководительницей всего II Интернационала, и все сказанное о ней в равной мере относится и ко всем входящим в его состав партиям.

II

Ленин не только восстановил марксизм по вопросу о государстве, он практически поставил вопрос о диктатуре, выдвинул его, как боевой лозунг для всего международного пролетариата, Ленин обогатил марксизм тем, что „открыл" конкретные формы диктатуры, в виде советской системы. По вопросу о восстании Ленин еще в 1905 г. со всей силой своего авторитета указывал, что только вооруженное восстание, как самая острая и решительная форма борьбы, в конечном счете может привести пролетариат к победе.

Подводя итоги московского восстания в декабре 1905 г. и резко выступая против „подхваченного всеми оппортунистами" пресловутого изречения Плеханова: „не нужно было браться за оружие", Ленин делает вывод (и учит нашу партию и весь пролетариат), что „надо было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было раз'яснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь, мы должны... агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими „предварительными ступеньками", не набрасывая никакого флера Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего наступления, значит обманывать и себя, и народ" [1]).

Во время же Октябрьского переворота 1917 г. Ленин, как известно, был душой восстания, душой переворота.

[1]) Ленин. Тактика большевизма. Стр. 349.

Г.

Отвечая профессионалам по части извращения марксизма на их обвинения большевиков в бланкизме, Ленин (1917 г.) дает классическую формулировку вопроса о вооруженном восстании и предпосылках его успеха. „Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это, во-первых. Восстание должно опираться на революционный под'ем народа. Это, во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это, в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма". И тут же Ленин добавляет, что „раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, (т.-е. подготовить его политически и военно-политически. Г.), значит, изменить марксизму и изменить революции" [1]).

Здесь в сжатой и общей форме сказано, в сущности, все о предпосылках успешного восстания. Однако, Ленин в „Письме к товарищам" еще более конкретно и более детально указывает разницу между бланкизмом и марксизмом по вопросу о восстании и одновременно подчеркивает те условия, при которых оно может быть успешным. „Военный заговор есть бланкизм, если его устраивает не партия определенного класса, если его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, если на стороне этой партии нет доказанного об'ективными фактами сочувствия большинства народа, если развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, если не завоевано большинство признанных „полномочными" или иначе себя показавших органов революционной борьбы в роде „Советов", если в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, если лозунги восстания (в роде „вся власть советам", „земля крестьянам", „немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров в тайной дипломатии" и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, если передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни,— поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, если экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами" [2]).

---

[1]) Ленин. Том XV, часть 2, стр. 48.
[2]) Ленин. Тактика большевизма. Стр. 370—371.

Ленин неоднократно возвращался к вопросу о необходимости наличия указанных социально-политических предпосылок для успешного проведения восстания (его книга „Детская болезнь“; борьба Ленина с ультра-левым доктринерством на III Конгрессе Коминтерна).

Восстание нельзя рассматривать, как отдельный акт, не связанный с другими моментами классовой борьбы. Оно подготавливается всей предшествующей борьбой классов данной страны и представляет органическое продолжение последней. Вся деятельность революционной партии: борьба за 8-часовой рабочий день, за увеличение зарплаты, социальное страхование, борьба против войны, против капиталистической рационализации и т. д. и т. п. в перспективе должна быть направлена на подготовку и мобилизацию масс к высшей форме борьбы во время революции—восстанию.

Одно дело теоретически фиксировать необходимые предпосылки, при наличии которых возможно успешное проведение восстания, и совершенно другое дело практически оценить обстановку и в зависимости от этой оценки практически решить вопрос о начале восстания. Этот вопрос—вопрос о сроке восстания—имеет исключительное значение. Так, 14 августа 1870 г. бланкисты организовали восстание в Париже. Массы не поддержали повстанцев и последние потерпели поражение. Тремя неделями позже, после разгрома французских войск под Седаном, 4 сентября восстал весь Париж. Ко времени выступления бланкистов брожение в массах было уже большое, разложение правящих классов было налицо. Но не хватало соответствующего толчка для мощного выступления масс. Седан явился таковым.

В июле революционная часть ленинградского пролетариата стремилась выступить и выступила в целях свержения временного правительства. Партия большевиков, во главе с Лениным, предостерегала массы: „еще рано“. Выступление 3—5 июля потерпело поражение. В сентябре же Ленин, несмотря на крупные разногласия в ЦК нашей партии по вопросу о взятии власти, не переставал твердить: „Сейчас или никогда“, „революция гибнет“ — и одновременно дал целый ряд практических директив военно-политического и военно-технического характера, направленных к возможно более успешному проведению восстания. Вот как Ленин в сентябре 1917 г. оценивал общую обстановку: „3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо об‘ективных условий для победы восстания тогда не было:

1) *Не было* еще за нами класса, являющегося авангардом революции. Не было еще большинства у нас среди [illegible]чих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах...

2) **Не было** тогда всенародного революционного под'ема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывает это.

3) **Не было** тогда **колебаний**, в серьезном обще-политическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг—империализм союзный и всемирный, ибо „союзники" стоят во главе всемирного империализма,—**заколебался** между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелко-буржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции с кадетами.

4) Потому . . —4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментом в наших руках, ибо **драться**, умирать за обладание Питера наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого „озверения", такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетелли — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований при участии эс-эров и меньшевиков

Политически мы не удержали бы власти 3— 4 июля, ибо армия и провинция, до **корниловщины**, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина иная.

За нами большинство **класса**, авангарда революции, авангарда народа, **способного** увлечь массы.

За нами **большинство** народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший наглядный признак того, что крестьянство от блока эс-эров (и от самых эс-эров) **земли не получит**. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами **верная победа**, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход" [1]) и т. д.

Из этой, в высшей степени поучительной выдержки из сочинений Ленина, видно, какое громадное значение он придавал вопросам об общеполитических предпосылках успешной организации восстания; лишь в зависимости от зрелости общей обстановки решал он вопрос о начале восстания. Революцию назначить нельзя, но восстание назначить на определенный срок можно, если назначающие пользуются авторитетом масс и умеют правильно оценить обстановку.

Ленин в сентябре ясно видел, что большинство народа идет за партией большевиков, он правильно оценил обстановку и знал, что момент для восстания настал. Учитывая громадную ответственность, которую наша партия имеет перед пролетариатом, он боялся упустить благоприятный момент для восстания, боялся, что обстановка может радикально измениться в пользу правящих классов и оттянуть на

[1]) Ленин. Тактика большевизма. Стр. 350—351.

время захват власти. Вот почему Ленин так уверенно, с такой категоричностью настаивал на немедленном восстании: „сейчас или никогда".

Восстание в широком смысле не есть чисто военное дело; оно в основном и в первую голову есть могучее революционное движение широких масс пролетариата против господствующих классов, по крайней мере, его активной боевой части, даже количественно меньшей части всего пролетариата, но активного большинства в решающий момент и в решающем месте. Военные операции вооруженных отрядов передовой части рабочего класса должны быть организованы из этого движения. Только в таком случае восстание может иметь успех. Самая благоприятная революционная ситуация сама по себе не может обеспечить успеха. Восстание должно быть организовано партией.

В этом смысле Ленин в цитированном нами „Письме к товарищам" после изложения условий политического порядка, обеспечивающих успех восстания, писал: „А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города, мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д." [1]).

Ленин был не только великим стратегом революции, он больше, чем кто-либо, понимал богатый содержанием тезис Маркса „восстание есть искусство" и с величайшей гениальностью применил его в практической борьбе за власть. Только благодаря правильной оценке момента восстания и отношения к нему, как к искусству, т.-е. принятия ряда мер военно-технического и тактического характера, и советам по всем этим вопросам Ленина (см. еще его „Советы постороннего") был возможен Отябрьский переворот.

* * *

История вооруженной борьбы пролетариата различных стран за последние годы дает ряд отрицательных примеров, далеко отличающихся от действий нашей партии в октябре 1917 г. Характерны в этом отношении восстание в Ревеле (1924 г.), мартовское восста-

[1]) Ленин. Тактика большевизма, стр. 353.

Воззвание В. И. Ленина к рабочим, крестьянам и солдатам, написанное им незадолго до Октябрьского переворота

(Факсимиле предоставлено Институтом Ленина)

К РАБОЧИМ, КРЕСТЬЯНАМ И СОЛДАТАМ.

Товарищи! Партия «социалистов-революционеров», к которой принадлежит Керенский, зовет вас в своей газете «Дело Народа» (от 30 сентября) — «претерпеть».

«Необходимо претерпеть» пишет она, советуя оставить власть за правительством Керенского, советуя не передавать власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов. Пусть Керенский опирается на помещиков, капиталистов и кулаков, пусть совершившие революцию и победившие корниловских генералов Советы «претерпят», говорят нам. Пусть «претерпят» до скорого созыва Учр. Собрания.

Товарищи! Посмотрите кругом себя, что делается в деревне, что делается в армии, и вы увидите, что крестьяне и солдаты терпеть дальше не могут. По всей России разливается широкой рекой **восстание крестьян**, от которых обманом оттягивали до сих пор землю. Крестьяне терпеть не могут. Керенский посылает **войска** подавлять крестьян и защищать помещиков, Керенский столкнулся опять с корниловскими генералами и офицерами, стоящими за помещиков.

Ни рабочие в городах, ни солдаты на фронте не могут терпеть этого военного подавления справедливой борьбы крестьян за землю.

Про то, что делается в армии на фронте, офицер Дубасов, беспартийный, заявил перед всей Россией: «Солдаты больше воевать не будут». Солдаты измучены, солдаты босы, солдаты голодают, солдаты не хотят воевать ради интересов капиталистов, не хотят «**терпеть**» того, чтобы их угощали только красными словами о мире, а на деле месяцами оттягивали (как оттягивает Керенский) **предложение мира**, и справедливого мира, без захватов, **всем** воюющим народам.

Товарищи! Знайте, что Керенский ведет опять переговоры с кор-

[illegible]

Ни работа в городах, ни солдаты на фронте [illegible] больше [illegible] борьбы [illegible].

[illegible] на фронте, офицер Дубасов, беспартийный, заявил перед всей Россией: солдаты больше воевать не будут! Солдаты утомлены, солдаты босы, солдаты голодны, солдаты не хотят воевать ради интересов капиталистов, на которых [illegible], чтобы их угощали только красивыми словами о мире, а на деле неделями оттягивали (как оттягивает Керенский) предложение мира и справедливого мира, без аннексий, всем воюющим народам.

Товарищи! Знайте, что Керенский вновь [illegible]

ниловскими генералами и офицерами, чтобы вести войска против Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, чтобы не дать власти Советам! Керенский «ни в коем случае не подчинится» Советам — так прямо признается «Дело Народа».

Идите же все по казармам, идите в казачьи части, идите к трудящимся и раз'ясняйте народу правду:

Если власть будет у Советов, то не позже 25 октября (если 20 октября будет С'езд Советов) будет предложен справедливый мир всем воюющим народам. В России будет Рабочее и Крестьянское правительство; оно немедленно, не теряя ни дня, предложит справедливый мир всем воюющим народам. Тогда народ узнает, кто хочет несправедливой войны. Тогда народ решит в Учред. Собрании.

Если власть будет у Советов, то немедленно помещичьи земли будут об'явлены владением и достоянием всего народа.

Вот против чего борется Керенский и его правительство, опирающееся на кулаков, капиталистов и помещиков!

Вот из-за кого, вот из-за чьих интересов зовут вас «претерпеть»!!!

Согласны ли вы «претерпеть», чтобы военной силой Керенский усмирял крестьян, поднявших восстание за землю?

Согласны ли вы «претерпеть», чтобы дальше затягивали войну, чтобы оттягивали предложение мира, чтобы оттягивали разрыв тайных договор[ов] бывшего царя с русскими и англо-французскими капиталистами?

Товарищи! Помните, что Керенский уже однажды обманул народ, обещая созвать Учр. Собрание! 8 июля он торжественно обещал созвать его к 17 сентября и обманул народ.

Товарищи! Кто поверит правительству Керенского, тот изменник своим братьям — крестьянам и солдатам!

Нет, ни одного дня народ не согласен терпеть больше оттяжек! Ни одного дня нельзя терпеть, чтобы усмиряли военной силой крестьян, чтобы гибли тысячи и тысячи на войне, когда можно и должно немедленно предложить справедливый мир.

Долой правительство Керенского, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну!

Вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов!

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ние в 1921 г. в Германии, восстание в Гамбурге в 1923 г. и два восстания в Шанхае в конце 926 г. и в начале 1927 г. Организаторы этих восстаний не усвоили ленинского „искусства побеждать“, допустили целый ряд ошибок, вследствие чего восстания эти не имели и не могли иметь решающего успеха.

Осенью 24 года политическая обстановка в Эстонии расценивалась, как благоприятная для востания[1]). Правящие классы социал-демократии в достаточной степени дискредитировали себя в глазах трудящихся масс. Страна переживала экономический кризис, тяжело отразившийся на жизненных условиях трудящихся. В армии замечалось революционное брожение. Тем не менее, 1 декабря 1924 г. в Ревеле выступили 230 вооруженных рабочих, кои действовали изолированно от всей остальной революционной части ревельского пролетариата. Организаторы восстания не попытались (или не могли) вывести массы на улицу, не сумели сочетать военные действия своих вооруженных отрядов с революционным движением масс. Основная ошибка эстонских революционеров, геройски сражавшихся с буржуазией, заключается в том, что они слишком переоценили военный момент восстания, слишком переоценили силу своих вооруженных отрядов и недооценили крепость государственного буржуазнго аппарата. Судя по газетным данным, восстание было организовано с слишком незначительными силами посредством внезапного (в 5 ч. утра) удара повстанцев по наиболее важным центрам города (военное министерство, вокзал, телефонная и телеграфная станции и пр.). Но выступление это было внезапно не только для буржуазии, но в известной степени и для пролетариата. Массы не поняли достаточно ясно этого выступления, а потому недостаточно активно поддержали его.

Те же самые ошибки были допущены в Германии во время мартовского выступления в 1921 г. В Германии, за исключением Саксонии, в то время отсутствовала более или менее актуальная революционная ситуация, и тем не менее массы призываются на восстание выступлением отдельной части (саксонской) пролетариата в расчете на то, что ей удастся увлечь за собой весь немецкий пролетариат в целом. Это была крупная ошибка.

---

[1]) Мы считаем, что обстановка в Эстонии в 1924 г. не была достаточно зрелой для восстания: а) В отношении международной обстановки: революция и восстание в Ревеле происходили через год после поражения германской революции, в период так называемого демократического пацифизма (правительство Макдональда). Это обстоятельство не могло повлиять на исход восстания в пользу эстонской буржуазии. б) Революционная партия в Эстонии пользовалась большим влиянием лишь среди трудящихся Ревеля. В остальных городах, особенно в деревне, ее влияние было значительно меньше и, что весьма важно, она не сумела ко времени восстания охватить трудящиеся массы деревни организационно. Среди масс Эстонии не было того отчаяния и разочарования, о которых говорит Ленин. Мы полагаем, что революционная партия Эстонии, назначая срок восстания, переоценила революционность об'ективной обстановки.

При такой обстановке мартовское восстание об'ективно заранее было обречено на неудачу. Выступление это базировалось на осужденной Ш Конгрессом Коминтерна „теории оффензивы", которую Ленин охарактеризовал, как „теорию" путча.

Гамбургское восстание осенью 1923 г., в сущности, показало те же ошибки. Там, в момент восстания выступило около 200—250 вооруженных рабочих. Массы, несмотря на то, что в Гамбурге бастовали десятки тысяч рабочих, также недостаточно активно поддержали свой авангард. Кроме того, восстание в Гамбурге не **поддерживалось восстанием в других революционных центрах Германии**, вследствие чего правительству удалось сконцентрировать в Гамбурге значительные полицейские силы из других городов и заставить прекратить дальнейшие действия восставших.

Наконец, необходимо еще, как отрицательный, с точки зрения назначения срока выступления, пример организации восстания, привести восстание в Шанхае 22 октября 1926 г. и 22-го февраля 1927 г. Там момент восстания (22 октября) был назначен после того, как революционный под'ем шанхайского пролетариата, в сущности, начал спадать[1]). Естественно, что при таких обстоятельствах было мало шансов на то, что повстанцам удастся увлечь за собой массы. Восстание же 22 февраля потерпело поражение на ряду с другими причинами также и вследствие того, что действия повстанцев в Шанхае были недостаточно согласованы с действиями оперирующих в провинции Чжецзян войск Чан-Кай-Ши.

Организаторы и участники этих восстаний, с точки зрения личной храбрости и преданности делу революции, являются революционерами, достойными подражания, и мы, конечно, далеки от мысли осуждать их. Однако, ошибки их должны быть выяснены и учтены для будущих боев.

В качестве положительных примеров организации восстания приведем восстание в Москве в 1905 г., восстание 1917 г. и восстание в Шанхае 21 марта 1927 г.

В 1905 году революционное массовое движение, как известно, началось в форме частных забастовок, на почве экономической и политической, превратившихся затем в общеполитическую стачку с лозунгами: „хлеба, свободы, долой царизм". Из этой стачки выросло (т.-е. было организовано) восстание вооруженных отрядов рабочих. Тысячи рабочих и работниц в той или другой форме принимали участие в активной вооруженной борьбе против войск и полиции. Восстание в Москве носило всенародный характер. В той или другой степени то же самое происходило на Урале, Прибалтике, во флоте и других местах.

[1]) Так, в начале забастовки, в Шанхае бастовало около 200.000 рабочих, а в момент восстания бастующих было наполовину меньше.

Г.

Об условиях Октябрьского переворота нам много говорить не приходится. Общеполитическая обстановка, как это видно из приведенной выше цитаты Ленина, была исключительно благоприятна для восстания. И все же, если бы не был принят ряд решительных мер в отношении разложения царской армии, создания своих собственных вооруженных сил и вообще ряд мер организационно-технического и чисто военного характера, не оценили бы правильно момент выступления,—об успешном проведении переворота не было бы речи. Лишь благодаря энергичным и согласованным действиям Красной гвардии и верных революции войсковых частей в момент, когда революционный под'ем широких народных масс достиг высшей точки, лишь благодаря умелому руководству восстанием со стороны руководящих органов нашей партии, досталась нам Октябрьская победа.

Классическим примером организации восстания является также восстание в Шанхае 21 марта 1927 года. Шанхайский пролетариат несмотря на кровавые поражения двух предыдущих восстаний и неслыханный террор милитаристов, упорно и систематически готовил новое восстание. К 21 марта в Шанхае бастовало 500.000—800.000 рабочих и мелкой городской бедноты (по сведениям ТАСС). Город был занят наемными войсками Чжан-Цзун-Чана и Сун-Чуан-Фана. Но с юга на Шанхай наступали войска Чан-Кай-Ши (который в то время возглавлял национально-революционные войска Ухана). В этот момент вооруженные отряды рабочих наносят поражение реакционным войскам Чжан-Цзун-Чана, нейтрализуют колеблющихся, привлекают на сторону восставших сочувствующие революции части и берут власть. К моменту подхода к городу войска Ухана, Шанхай находился в руках шанхайского пролетариата.

Руководителями этого восстания **правильно был учтен момент** для начала его. С одной стороны, момент небывалого революционного под'ема трудящегося населения Шанхая, с другой—приближение войск Чан-Кай-Ши, наконец, умелые действия вооруженных отрядов по разоружению и нейтрализации войск шандуньского милитариста и войск Сун-Чуан-Фана.

* * *

Из приведенных примеров организации восстаний ясно вытекает основное принципиальное положение: **не военные действия вооруженных передовых отрядов пролетариата могут и должны вызвать активное выступление масс за власть,** как, это пытались сделать организаторы восстания в Ревеле и Германии, **а активное, могучее революционное выступление широких трудящихся масс должно вызвать военные действия вооруженных отрядов; высту-**

пление (по заранее разработанному плану) последних должно быть организовано из движения масс. Срок вооруженного выступления должен быть выбран в такой момент развивающейся революции, когда боевая готовность решающих слоев пролетариата и его союзников — крестьянства и городской бедноты—достигли максимальной степени; когда налицо наибольшее разложение в рядах правящих классов государственного аппарата буржуазии.

III

Мы остановились на принципиальных вопросах общеполитического характера, связанных с успешным проведением вооруженного восстания. Необходимо более подробно остановиться на ряде основных моментов военно-политического и военно-технического порядка в отношении подготовки и проведения вооруженного восстания. Эти вопросы также имеют огромное значение. „Восстание есть искусство“, оно, как и всякая военная операция, не может быть импровизировано, а требует длительной и систематической подготовки его задолго до самого восстания. Без отношения к восстанию, как к искусству, без всесторонней и упорной подготовки его в чисто военном отношении, немыслимо проведение удачного восстания, даже если общеполитическая обстановка во всех отношениях благоприятствует захвату государственной власти пролетариатом. Это особенно относится к старым капиталистическим странам Западной Европы, где буржуазия, благодаря своему длительному господству, сумела создать гибкий и чрезвычайно сильный государственный аппарат.

Революционная партия, всегда, при всякой ситуации, ведя политическую работу среди масс под углом зрения будущего восстания (систематическая работа в армии, завоевание влияния среди рабочих решающих центров политической и экономической жизни страны, среди рабочих военной промышленности и транспорта и т. п.), в первую очередь должна своевременно учесть приближение острой революционной ситуации и своевременно взять курс всей партийной работы на подготовку предстоящего восстания и, что весьма важно,— своевременной организации военных сил пролетариата.

Этот последний вопрос имеет весьма большое значение в обстановке, когда актуальная, непосредственная революционная ситуация создается не в результате войны, а в „мирное время“ (пример:

германская революция в 1923 г.). Одной из причин[1]) поражения германской революции в 1923 г. является то обстоятельство, что слишком поздно был взят курс на подготовку восстания. Наступление революционной ситуации в Германии, несомненно, можно было предвидеть уже в момент оккупации французскими войсками Рейнской области и Рура, ибо именно с этого момента начался политический и экономический кризис в Германии. Именно в это время по инициативе рабочих некоторых районов началась организация боевых пролетарских сотен. Однако, курс на всеобщее вооружение рабочих, курс на вооруженное восстание, был взят лишь во время всеобщей 3-дневной забастовки в августе месяце, свергнувшей правительство Куно. Время было значительно упущено, пролетарские сотни создавались наспех, не успели в достаточном количестве приобрести оружие, работа в армии и полиции велась слабо и это, на ряду с другими причинами, также не могло не повлиять на исход революции в целом.

* * *

Одной из основных и первоочередных военных задач, независимо от политической ситуации, является задача по разложению вооруженных сил буржуазного государства, политическая и организационная работа в армии, полиции, во флоте и в добровольческих организациях буржуазии. Если армия и полиция, хорошо обученные военному делу, вооруженные всеми новейшими средствами борьбы и защиты, с отличным командным составом в лице офицерского корпуса, поддержанные имеющимися в каждой стране вооруженными фашистскими бандами, действительно будут драться против революции, они способны свести ее на-нет, несмотря на прочие благоприятные для победы революции условия.

Если бы в Германии велась систематическая работа в армии и полиции, то командованию вряд ли удалось бы так беспрепятственно двинуть войска рейхсвера для оккупации революционной Саксонии и Тюрингии, как это имело место осенью 1923 г. Если бы в Эстонии осенью 1924 г. закрепилось организационно то влияние в эстонской армии, которое там имелось, то восстание в Ревеле не было бы так быстро подавлено, как это фактически имело место. С другой стороны, если бы в Китае с необычайным упорством не велась работа среди шандунских войск и войск Сун-Чуан-Фана

---

[1]) Мы здесь не касаемся оппортунистических ошибок ЦК ГПК, кои имели решающее значение в поражении германской революции в 1923 г. и о которых так подробно говорил V Конгресс Коминтерна, а останавливаемся лишь на вопросе о революционной военно-политической работе.

расположенных в Шанхае, то не было бы никакой речи о победе шанхайского пролетариата в восстании 21 марта. Если бы „военная организация“ нашей партии и вся партия в целом не вела бы систематической работы в царской армии и во флоте, с целью их разложения и завоевания для революции, то не было бы никакой речи о победе в дни Октября.

Назревание актуальной революционной ситуации в той или другой стране возможно и вероятно не только как результат войны (в результате войны оно неизбежно), оно возможно и вероятно также, несмотря на продолжающуюся временную стабилизацию капитализма, и в обстановке „мирного“ времени. Но в этом случае основные массы рабочего класса не будут иметь оружия; создавать в мирной обстановке свои собственные классовые вооруженные силы, способные разбить неразложившиеся вооруженные силы буржуазии, пролетариату по целому ряду причин не удастся.

Отсюда работа по разложению, на ряду с работой по созданию пролетарских вооруженных сил, речь о которых ниже, в системе подготовки вооруженного восстания имеет исключительное значение.

Опыт вооруженной борьбы в различных странах показывает, что продуктивная работа в армии и полиции, даже при отсутствии революционной ситуации, вполне возможна. Армия и полиция, в известной степени и добровольческие военные организации буржуазии, в большинстве своем укомплектованы из трудящихся слоев населения. Благодаря этому, они, при наличии умелой агитации и пропаганды, не могут оставаться вне влияния партии пролетариата.

В момент же всеобщего революционного под'ема среди них неизбежны колебания между революцией и контр-революцией.

Эти колебания, могущие превратиться и превращающиеся в прямой переход отдельных частей на сторону пролетариата, будут возрастать в зависимости от того, с какой интенсивностью и систематичностью революционная партия будет вести политическую и организационную работу среди них как в период до наступления революционной обстановки, так и особенно во время революции.

Мы не имеем возможности подробно останавливаться здесь на вопросах организационно-тактических методов и приемов ведения этой работы. В каждой стране они будут различны, в зависимости от местных условий: политической обстановки, степени крепости государственного аппарата, революционности рабочего класса, способов комплектования армии и полиции, их состава и пр.

г.

В основном, эта работа должна быть направлена в сторону ведения политической работы по завоеванию симпатий солдатских масс. Деятельность революционных элементов в армии должна быть тесно увязана с повседневной политической работой революционной партии.

Наиболее действительным средством революционизирования буржуазных военных организаций, преграждения вступления в них и откола от них трудящихся элементов, является наличие таких массовых пролетарских полувоенных организаций, как Союз красных фронтовиков в Германии и Революционная Ассоциация бывших фронтовиков во Франции.

На создание таких организаций, где для этого имеются об'ективные предпосылки, революционные партии должны обратить особое внимание.

Однако, несмотря на то, что успешная политическая работа в армии и полиции (жандармерии) возможна, и при умелом и длительном ведении ее задолго до наступления революции может дать весьма положительные результаты, все же разложить всю армию, завоевать ее для революции или же полностью нейтрализовать ее только путем политической работы в ней, разумеется, никогда не удастся. Это было бы вредной иллюзией.

Какие-то части и войсковые группы всегда будут активно драться против пролетариата. Их разложение возможно лишь путем беспощадной физической борьбы с ними.

Мы уже не говорим об испытанных частях, комплектуемых из сынков городской и сельской буржуазии, об отрядах специального назначения как в армии, полиции и жандармерии, так и во всевозможных добровольческих фашистских организациях и группах, основным и единственным назначением коих и является активная вооруженная борьба против революционного пролетариата и с коими пролетариату каждой страны придется иметь дело в активной борьбе за власть.

Разложение и ликвидация этих частей и организаций возможны путем разоружения их силами пролетариата. Отсюда — настоятельная необходимость своевременного создания вооруженных сил рабочего класса.

* * *

Организационные формы боевой организации пролетариата нельзя заблаговременно определить. Для каждой отдельной страны структура ее, вероятно, будет различна. Но одно ясно: отряды эти должны будут базироваться на массы и численно быть большими. Их организационная структура в той или другой степени будет похожа на нашу Красную гвардию, на пролетарские сотни в Германии в 1923 г.

Опыт показывает, что создать и сколотить широкую боевую организацию пролетариата при наличии острой революционной ситуации можно сравнительно быстро. Обычно, время на это измеряется месяцами.

Но быстрое создание боеспособной массовой боевой организации пролетариата возможно лишь при условии наличия в достаточном количестве и в достаточной степени подготовленных в военно-политическом отношении кадров.

Обычно, на практике этому вопросу уделяют недостаточно внимания. Между тем, это есть вопрос огромной важности.

Рабочий класс до взятия власти, по вполне понятным причинам, не имеет и не может иметь достаточного числа своих в военном отношении квалифицированных людей, могущих руководить делом организации боевых отрядов и дружин, обучить их основным приемам военного дела (владеть оружием, усвоить элементарные знания по тактике противника и тактике восстания и пр.) и руководить боевыми действиями их во время борьбы за власть.

Из опыта вооруженной борьбы рабочих в различных странах видно что, как в отношении четкости организации вооруженных отрядов, так и в особенности в отношении действия их во время восстания, повстанцами допускались крупные ошибки, крайне отрицательно повлиявшие на ход восстания в целом. Об'ясняется же это именно тем, что восставшие не имели знающих военное дело руководителей.

Тактика восстания, ввиду целого ряда специфических черт, отличающих ее от обычной тактики регулярных войск, крайне сложна, изучение ее требует долгой и упорной работы над ней. Поэтому, революционная партия, остающаяся до конца верной марксизму, т.-е. относящаяся к восстанию, как к искусству, и пропагандирующая в рабочем классе идею восстания, должна практически поставить перед собой вопрос о воспитании кадров будущих руководителей восстания и так или иначе его разрешить.

Что касается вопроса о создании постоянно существующей организации кадров военных руководителей будущего восстания, организации по своему составу пролетарской, то этот вопрос является спорным. Мы полагаем, что это нецелесообразно как с точки зрения политической, так и с точки зрения экономии сил партии.

* *

Следующим основным вопросом является вопрос о вооружении боевой организации пролетариата. Вопрос этот имеет большое политическое значение. При диктатуре буржуазии пролетариат (в „мирное" время) лишен возможности вооружать себя. Однако, несмотря на большие трудности, все же вопрос этот разрешим.

Г.

Политическая обстановка, при которой вопрос о взятии власти станет вопросом практического осуществления (т.-е. при обстановке быстрого революционизирования трудящихся масс, резких колебаний мелкой буржуазии и неизбежного ослабления государственного аппарата буржуазии), даст пролетариату возможность приобрести оружие путем закупок, разоружения фашистских союзов, захвата отдельных складов и постановки производства оружия (хотя бы и примитивного) для обеспечения своей военной организации вооружением, хотя бы в таком размере, чтобы в момент восстания гарантировать успешную **борьбу за оружие**.

Но и этот вопрос должен быть заранее продуман и своевременно приняты необходимые организационные мероприятия.

Н. КАКУРИН

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ В 1917 г.

ПРЕДЛАГАЕМАЯ вниманию читателя работа является попыткой увязать отрывочный литературный материал об Октябрьских днях в Москве с показаниями непосредственных участников событий и на основе этой увязки дать картину общего развития событий в военной плоскости.

В дальнейшем автор намеревается сделать на основе военно-исторической части своей работы несколько выводов теоретического порядка о природе современного городского боя.

Считая, что политическая сторона событий уже достаточно освещена в трудах участников и руководителей выступления большевиков в Москве и что нового и лучшего в дополнение к уже сказанному и написанному автор дать не может, он ограничивает свой труд в этом отношении лишь обозначением того политического фона, на котором развернулись боевые действия обеих сторон.

Своеобразие печатного материала, которым пришлось пользоваться автору, с исторической точки зрения, заставляет его посвятить несколько слов предварительному обзору источников и его методам пользования ими.

Своеобразие источников заключается в том, что огромное большинство из них является листками отрывочных воспоминаний, в которых у многих авторов перепутались хронологические даты и последовательность событий. Многие, описывая то или иное событые не как очевидцы, допускают ряд невольных ошибок и в фактической стороне дела. Отсюда целый лабиринт противоречий и фактических неточностей, перед которыми часто втупик становится мысль исследователя. Так, например, характерен для многих авторов разнобой в показаниях о начале боевых столкновений. Большинство из них считает началом ночь с 26 на 27 октября. Нам удалось путем сопоставления материалов (исключая из них явные несообразности) и проверки наших выводов у непосредственных участников боев выяснить, что эти столкновения начались вечером 27-го октября (стрельба по команде двинцев на Красной площади) и в ночь с 27 на 28 октября.

Как на пример фактических неточностей, укажем на статью Федотова „Двинцы" (Сборник „Москва в Октябре 1917 г.", изд. Моссовета, 1919 г.), где он утверждает, что огонь по двинцам был открыт с Кремлевской стены; во время этого события Кремль был еще занят 56 пех. полком, большевистски настроенным. Не прав и Ольминский в своей статье „Ход событий" (тот же источник), утверждая, что красная артиллерия

вступила в дело лишь тогда, когда ВРК[1]) пришлось выбирать между жертвой людьми и жертвой кремлевскими зданиями. Первые орудия красной артиллерии появились на Страстной и Скобелевской (ныне Советской) площадях уже около полудня 28 октября и тогда же вступили в дело. Таких примеров можно бы привести и еще несколько. Все изложенное заставило нас с крайней осторожностью отнестись к литературе мемуарного характера, черпая из нее лишь отдельные характерные штрихи и эпизоды для лучшего освещения того или иного уже точно установленного факта.

Основным нашим печатным источником явился сборник „Октябрьское восстание в Москве", выпущенный Московским Бюро Истпарта под редакцией Н. Овсянникова (Госиздат, Москва, 1922 г.).

В этом же сборнике основным нашим материалом явились документы из архива Московского Военно-Революционного Комитета, систематизированные профессором В. Н. Сторожевым.

Всецело присоединяемся к его оценке, что собранный им материал „представляет особенную ценность и необыкновенную неподкупность и свежесть, как писанный в момент боя, когда некогда и не зачем было фальшивить или сочинять, а разве bona fide ошибаться". Рядом с этим основным для нас источником поставим другой, тоже архивный материал, но противной стороны, приведенный А. Аросевым в том же сборнике под названием „Белогвардейские приказы и донесения". К одной категории с этими основными источниками мы относим личные воспоминания, поправки и указания, которыми любезно поделились с нами находящиеся в Москве непосредственные низовые участники событий, к рассказам которых также полностью можно отнести выше приведенные слова проф. Сторожева. Из этих рассказов особенную ценность для нас имели сообщения рядового по положению в те дни участника событий, но заслуживающего полного внимания историка по размеру и значению проведенной им работы и ее практическим достижениям — тов. Н. С. Тулякова.

Не исключаем возможности и наших собственных ошибок и неправильных оценок в настоящей работе, стремящейся из обрывков событий восстановить связный ход в интересах военной науки. Просим читателей и участников отнестись к ним снисходительно, имея в виду, что мы никого не хотим критиковать или осуждать, а работаем в целях возможно полного выявления исторической истины.

I

Причины вооруженного столкновения на улицах Москвы в Октябрьские дни 1917 г. сторонников бывшего вр. правительства и молодой Советской власти в лице Военно-Революционного Комитета г. Москвы

[1]) Военно-Революционный Комитет.

коренятся в той общей политической кон'юнктуре, которая сложилась во всей стране осенью 1917 г., и в решении авангардной революционной партии большевиков взять власть в свои руки, хотя бы силою оружия. Поскольку руководство движущими силами революции находилось в руках большевиков и они использовали их для захвата власти вооруженной рукой в Ленинграде, то ясно, что партийное руководство должно было поставить в порядок исторического дня и в Москве тот же самый вопрос, как только до него докатились отзвуки ленинградских событий.

Но так как сторонники павшей государственной власти в Москве оказались более энергичными и жизнедеятельными, чем в Ленинграде, то они заставили в общем паралитический аппарат этой власти в Москве сделать несколько последних судорожных движений, прежде чем он был окончательно сброшен со счетов истории. Это судорожное цепляние за власть, подпираемую со всех сторон буржуазными и отчасти соглашательскими партиями распадающегося государственного и военного аппарата правительства Керенского в Москве, и явилось непосредственной причиной в местном масштабе вооруженного столкновения на улицах Москвы.

Еще до момента, когда решающее слово было предоставлено оружию, противники оказались сгруппированными по обе стороны политических баррикад. По одну сторону их мы видим образованный городской думой „Комитет общественной безопасности“ [1]) с представительством „демократических“ организаций, выступающий под лозунгом защиты вр. правительства и свои действительные задачи облекающий в очень туманную формулу: „Защиты порядка и безопасности“ и „уменьшения испытаний, которые грозят населению“. По другую сторону находится ВРК, с преобладанием в нем большевиков, готовящийся выступить под лозунгом поддержки Петроградского ВРК. Эти органы являются выразителями политических устремлений общественных сил, которые их выдвинули и на которые они собираются опереться. В этом отношении характерно то большинство голосов, которым прошло в Московском Совете раб. и солд. депутатов учреждение московского военно-революционного органа: оно выразилось в 394 голосах за, при 113 против и 26 воздержавшихся. Отсюда ясно — за ВРК подавляющее большинство солдат и рабочих гор. Москвы. Правда, совет солдатских депутатов местного гарнизона имеет, преимущественно, соглашательскую физиономию. Но он уже оторвался от масс и не выражает их настоящих политических настроений. Конференция представителей Московского гарнизона, собранная ВРК, тотчас же по его образовании, 26 октября, блестяще это подтверждает. Огромным большинством, 116 голосов против 18, она выражает доверие ВРК и, таким образом,

[1]) В дальнейшем сокращенно—КОБ.

закрепляет его позицию в войсках. После этого голосования совет солдатских депутатов старого состава скатывается в ряды тех многочисленных организаций и группировок промежуточного характера

Группа руководителей боевыми операциями со стороны большевиков в Москве.

без всяких корней в массах, которые беспомощно болтались между обеими крайними группировками в течение всего времени борьбы, мешая больше тому, кто обнаруживал большее желание считаться и разговаривать с ними.

Лагерь сторонников вр. правительства результатами голосования ставится в положение полной политической обособленности от широких масс населения. За ним чисто платоническое сочувствие буржуазных и обывательских кругов, могущих разговаривать, но не действовать, да и слишком малочисленных, к тому же, по отношению к поддерживающей ВРК активной части населения и солдат; затем соглашательские группировки, часть студенчества и офицерства и, наконец, военно-учебные заведения. Последние и составляют ту единственную реальную силу, на которую фактически может опереться КОБ.

Таким образом, политически соотношение сил складывается явно не в пользу КОБ. Потенциальные возможности ВРК во много раз превосходят таковые же КОБ. Посмотрим теперь, как рисуется то же соотношение в части той наличной организованной вооруженной силы,

которая по первому требованию одной из сторон может быть пущена в дело. Основными источниками таковой силы для ВРК являются Красная гвардия и полки Московского гарнизона.

Организационная работа по подготовке Красной гвардии по производственным ячейкам и предприятиям велась заблаговременно. Но, повидимому, московская организация встречала большие трения в своей работе, чем ленинградская, по крайней мере в отношении снабжения оружием. Тот материал, которым мы располагаем, позволяет нам сказать, что к началу вооруженного столкновения в Москве боевые ячейки Красной гвардии в Москве были в зачаточном состоянии. Вот, например, некоторые данные фактического порядка. Красногвардейский отряд Бутырского района состоял из 100 человек, в том числе только 50 вооруженных[1]). Этот отряд не имел еще никаких организационных подразделений (десятки, сотни).

Красная гвардия Пресни, повидимому, уже в момент полного развития боевых действий насчитывала в своих рядах 300 бойцов.

Более точными сведениями мы располагаем в отношении Лефортовского района. Согласно рассказа Н. С. Тулякова, рабочие завода „Мастяжарт" из общего своего количества 3500 человек могли выделить вооруженную ячейку только в 70 человек (60 из них были вооружены берданками, данными для охраны завода, а 10 винтовок было получено от солдат самокатного батальона). Численность вооруженных красногвардейцев, выставленных заводами „Ронталер", „Гном и Рон", „Сальмсон" и некоторыми другими, не превышала 150 человек" [2]). Первоначально малый численный состав Красной гвардии об'ясняется исключительно одной причиной — недостатком оружия. Это был в те дни единогласный вопль всей рабочей Москвы. В одном донесении из Красной Пресни указывается, что громадное число рабочих обращается в местный штаб Красной гвардии за оружием. В дополнение к этому письменному источнику Н. С. Туляков рассказывает, что когда рабочим его завода в ночь с 27 на 28 октября удалось обнаружить на Рязанском вокзале три вагона винтовок, идущих на фронт, то ими немедленно вооружилось около 3 тысяч рабочих его завода. К сожалению, мы не располагаем такими же подробными сведениями относительно прочих районов г. Москвы, но имеющихся в нашем распоряжении материалов достаточно для определенных выводов. Они сводятся к следующему: количество Красной гвардии в Москве в дни Октябрьских боев не было величиной постоянной: оно возрастало в про-

---

[1]) Наименование районов делается нами по старым подразделениям Москвы; описание же хода боевых действий мы будем делать по современному плану Москвы с несколькими иными границами районов.

[2]) Эту же цифру мы получаем и из совершенно другого источника, что заставляет ее считать вполне исторически верной. Именно: сохранилась сводка донесений В. Р. К. от 31 октября, в которой говорится о прибытии в этот день красногвардейского отряда из Лефортова в количестве 150 человек.

должение борьбы по мере получения запасов вооружения. Точно установить численность Красной гвардии в различные моменты столкновения едва ли возможно: о нем можно судить приблизительно, и в этом отношении цифру, приводимую Н. И. Мураловым в его исчислении сил обеих сторон, а именно, 3 тысячи красногвардейцев[1]), мы считаем наиболее близкой к действительности, но относим ее именно к началу столкновения; в дальнейшем она должна была увеличиться как притоком вооруженных из самой Москвы, так и из ее окрестностей. Известны, например, распоряжения ВРК от 31 октября Подольскому Совету о приводе в Москву 1000 человек. 1 ноября Мызо-Раевскому ВРК предписано прислать в Москву 500 человек, 28 октября из Клина в Москву прибыло 600 человек и т. д.[2]).

Обращаясь ко второму источнику вооруженных сил революции — частям старой армии, должно сказать, что с первого взгляда в этом отношении для ВРК, казалось, представлялись неограниченные возможности. По данным от конца 1916 г., гарнизоны МВО достигали солидной цифры в 700 тысяч человек (за округлением): из них на Москву падало, считая все госпитали, команды раненых и выздоравливающих, заведения и учреждения, по крайней мере 70—80 тыс. человек [3]).

В течение 1917 г. следует полагать, что эта цифра подверглась незначительным изменениям в меньшую сторону. Основным ядром Московского гарнизона, стоявшего на стороне ВРК, являлись запасные: пехотные полки, артиллерия и некоторые другие части боевого назначения (самокатный батальон). История Октябрьских дней в Москве оставила нам номера полков, принявших активное участие в боевых действиях. Это были: 55-й, 56-й, 85-й, 192-й, 193-й, 251-й пех. зап. полки. Считая в среднем численность каждого запасного полка в 4000 человек, за увольнением, тогда уже последовавшим, людей старших сроков в запас, за убылью дезертирами, больными и пр., получаем цифру в 24—30 тысяч человек. Однако, следует иметь в виду, что, не доверяя Московскому гарнизону, вр. правительство заблаговременно принимало меры к выкачке из него оружия, и к Октябрьским дням 1917 г. полки были на $^3/_4$ безоружны [4]). В еще большей степени разоружение постигло разного рода технические и специальные части. Так, например, парк авиационного склада на Ходынке на 800 человек своего состава располагал всего 14 винтовками [5]). Таким образом, из 30-тысячной основной массы Московского гарнизона, в виде пехотных полков, вооруженных могло выйти не более 5—6 тысяч человек. Учитывая домашний караульный наряд и укло-

1) Сборник „Москва в Октябре 1917 г.“, стр. 56.
2) Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, стр. 197, 249.
3) Эта цифра установлена нами за отсутствием точных архивных данных, как средняя, из бесед с лицами, служившими в то время в штабе МВО.
4) Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, изд. 1922 г., стр. 9, стр. 49.
5) Тот же источник, стр. 217.

нявшихся, „нейтральных“ по малодушию, эту цифру следует еще уменьшить. По свидетельству Н. С. Тулякова, пех. полк в Лефортове мог принять участие в боях всего в количестве 800 штыков. Повидимому, так обстояло дело и в других полках. Но, считая даже, что каждый из них мог дать 1000 штыков, приходим опять-таки к выводу, что количество регулярной пехоты в распоряжении ВРК не могло превысить 5—6 тысяч человек. Внутренние организационные связи в этой пехоте были сильно расшатаны; ее командный состав, за ничтожным исключением, устранился от активного участия в борьбе. Это одна из причин, почему мы в течение дальнейших событий не видим пехотных полков, действующих определенной организационной единицей на определенных боевых участках. Они выделяют отряды, редко в виде рот, а чаще в виде импровизированных соединений, которые вливаются в боевые участки Красной гвардии, перемешиваются с ее личным составом и действуют чаще всего в оперативном подчинении ее начальников. Само собою разумеется, что боеспособность этих войсковых частей заставляет желать много лучшего. Из этой общей массы выделяется команда „двинцев“, большевистски настроенных солдат фронтовых частей, спаянных продолжительным тюремным заключением в Двинске, переведенных в тюрьму в Москве в сентябре 1917 г. и выпущенных из тюрьмы по постановлению Московского Совета. Двинцы явились убежденными и сознательными сторонниками вооруженного выступления и его наиболее активными участниками; они являлись летучим стратегическим резервом ВРК, его опорой и гвардией. Что касается артиллерии, то первоначально часть батарей 1-й зап. артиллерийской бригады держалась нейтрально и усиленно охраняла свои орудия. Таково, по крайней мере, было положение еще 28 октября [1]).

Таким образом, мы склонны считать, что цифра в 15 тысяч вооруженных солдат, приводимая Н. И. Мураловым в его подсчете вооруженных сил сторон на стороне ВРК, должна быть отнесена к заключительному дню восстания [2]); в начале же его ВРК, по нашему мнению, не мог располагать более, чем 7—8 тысячами вооруженных солдат (считая пехотные полки, самокатный батальон, двинцев и прочих). То же самое и в отношении артиллерии: цифра в 6 батарей полевых [3]) (т.-е. около 18 орудий) и несколько тяжелых орудий может быть отнесена только к последним дням борьбы на улицах Москвы.

Сводя вместе все сказанное, мы считаем, что ко времени начала решительных действий, т.-е. к вечеру 27 октября, ВРК мог распо-

[1]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, изд. 1922 г., стр. 28.,
[2]) Сборник „Москва в Октябре 1917 г.“, изд. 1919 г., стр. 56.
[3]) Повидимому, батареи, поступившие в распоряжение ВРК, и выходили все в трехорудийном составе, как это видно из числа орудий, поставленных на Страстной и Советской площадях. В делах ВРК сохранился, например, отзыв к Тверскому ВРК, датированный первым ноября об отправке в Москву 57 и 196 полков и тяжелого артиллерийского дивизиона („Октябрьское восстание в Москве“, стр. 197).

лагать 7—8 тысячами пехоты (солдат), 3 тысячами Красной гвардии и несколькими полевыми орудиями. Ближайшим источником пополнения для ВРК являлась вся прочая неактивная масса московской пехоты, определяемая Н. И. Мураловым, в чем мы с ним совершенно согласны, в 25 тысяч человек.

Размещение этих сил не было приурочено к какому-либо исходному положению, а находилось в зависимости от казарменного расположения частей. По случайному, выгодному для ВРК, совпадению большинство казарм было расположено на окраинах столицы, в рабочих районах, являвшихся жизненными районами для вооруженного восстания.

Исключение в этом отношении составляло расположение 56 пех. полка, который занимал Кремль и, таким образом, находился в социально-враждебном ему окружении городского района, населенного, преимущественно, крупной буржуазией и торговым элементом.

Как мы уже сказали, единственной реальной опорой КОБ могла явиться та часть Московского гарнизона, которая состояла из военно-учебных заведений. Они были тем основным ядром, вокруг которого начали группироваться остальные силы сторонников вр. правительства. При окончательном подсчете, за вычетом нейтральных, в числе которых оказались: 7-й каз. Сибирский полк [1]) и 1-я школа прапорщиков (в Хамовниках) [2]) и полунейтральной 2-й школы прапорщиков, оставленной поэтому для несения караулов в Кремле, после того, как он был захвачен юнкерами, силы КОБ состояли: из Александровского и Алексеевского военных училищ, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й школ прапорщиков, ударного батальона из Брянска (вступил в дело 29 октября), отряда офицеров-добровольцев и отряда студентов-добровольцев, команды артиллеристов-вольноопределяющихся с Ходынки, солдатской секции эсеров и меньшевиков из совета солдатских депутатов (последняя безоружна) и 4—5 броневиков. Военные училища насчитывали в своем составе по 600 юнкеров (кроме того, к училищам было прикомандировано по 150 человек для держания экзаменов), школы прапорщиков—по 600 человек; офицерский отряд добровольцев, преимущественно, из членов союза георгиевских кавалеров, состоял из 150 человек, ударный батальон из Брянска—170 человек [3]), студенческий отряд—600 человек, наконец, вооруженные кадеты старших классов трех кадетских корпусов в Лефортове—300 человек. Суммируя эти цифры, не считая 2-й школы прапорщиков (и принимая для школ прапорщиков среднюю численность в 500 человек), получаем 4720 бойцов, а вместе со 2-й школой—5220 бойцов. Допуская

[1]) 31 октября он оформил свой нейтралитет подписанием особого соглашения с ВРК (сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 197).
[2]) Сборник „Москва в Октябре 1917 г.", стр. 33.
[3]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 80.

что численность офицерского и студенческого отрядов была значительна и учитывая еще мелкие части и команды в виде вольноопределяющихся с Ходынки, прислуги броневиков и пр., будем считать, что общее число активных бойцов КОБ не превышало все-таки 6 тысяч человек [1]).

В лагере сторонников вр. правительства офицерский отряд играл ту же роль, что отряд двинцев у ВРК. Он являлся ударным резервом и выполнителем отдельных поручений, требовавших энергии и находчивости. Но в отличие от команды двинцев, которая не претендовала на исключительное положение и права, а стремилась лишь к самоотверженному выполнению своего долга перед революцией, офицерский отряд, состоявший из фанатических и непримиримых противников революции, в процессе борьбы стремился стать на положение преторианской гвардии. Его представители терроризировали окончательно командующего войсками полковника Рябцева, который в конце-концов должен был оградиться от них часовыми. Потенциальные возможности увеличения своих сил имелись и у КОБ, правда, в несравненно меньших размерах, чем у ВРК. Дело в том, что в Москву в изобилии стекалось офицерство с фронта. Были и свои многочисленные кадры командного состава, оставшиеся не у дел после перехода полков Московского гарнизона на сторону ВРК. Нам думается, что количество тех и других было никак не меньше, если не больше 10 тысяч человек. Эта масса была распылена, неорганизована и в общем пассивна. Однако, при заблаговременной организации и даже мерах принуждения, КОБ мог бы пополнить свои силы за счет этой массы. Однако, такой возможности ни КОБ, ни военное командование не предусматривали.

По территориальному признаку главное ядро сил КОБ группировалось ближе к центру столицы, находясь, таким образом, во внутреннем положении по отношению к силам ВРК.

Обращаясь к сравнению сил обеих сторон, отметим, что численное превосходство было на стороне ВРК, но не в такой мере, чтобы сделать все шансы борьбы совершенно безнадежными, тем более, что военное командование первоначально могло надеяться на увеличение своих сил извне. 28 октября командование округом и московский

---

[1]) Данные о составе военно-учебных заведений нам любезно сообщил тов. Масленников, назначенный по утверждении Советской власти в Москве комиссаром по расформированию военных школ.

Наш подсчет сильно расходится с таковыми же Н. И. Муралова, который определяет силы К. О. Б. в 10 тысяч человек, правда включая в него соглашательские секции совета солдатских депутатов (которые не были вооружены). Возможно, что под прикрытие военных школ набралось еще тысячи с три народу, но во всяком случае это не был боевой элемент. Нечего и говорить, что подсчет Пече, определяющего силы К. О. Б. в 75—80 тысяч человек хорошо вооруженного офицерства и юнкеров плюс большое количество хорошо вооруженной буржуазии, явно несообразен (сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 50).

городской голова Руднев получили телеграммы: первый—от наштаверха Духонина о направлении в Москву с юго-западного фронта гвардейской кавалерийской бригады с артиллерией, а второй—от командующего западным фронтом Балуева о намерении его прислать в Москву артиллерию. По расчетам ставки эти части должны были прибыть к столицу 30 октября [1]). Независимо от этих сил полковник Рябцев мог рассчитывать на помощь и из пределов подчиненного ему округа. Дело в том, что в Калуге с конца сентября месяца утвердился отряд полковника Брандта в составе 17-го Нижегородского драгунского полка, нескольких сотен казаков с броневиками и ударниками. Этот отряд разоружил местный гарнизон и взял под свое влияние местный совет. Он держался платформы вр. правительства, и часть сил его могла быть использована в Москве [2]). Однако, насколько нам известно, командование округом не предпринимало никаких особых мер для установления связи с Калугой.

В политическом отношении войска ВРК, несомненно, превосходили войска КОБ своей сознательностью и волей к победе, но в организационном отношении преимущество было на стороне войск КОБ; главной их массе предстояло сражаться в составе своих постоянных организационных единиц и со своим командным составом.

В отношении снабжения боевыми припасами преимущество опять переходило на сторону ВРК. Главные склады огнеприпасов находились на окраинах города, там, где раньше всего утвердилась власть ВРК, и склады огнеприпасов перешли в его руки. Снабжение огнеприпасами противной стороны от начала и до конца носило случайный характер. Войска вступили в дело, имея при себе лишь носимый и возимый запас патронов. Когда он иссяк, прибегли к случайному снабжению, организуя набеги на грузовиках на наиболее доступные склады. Количество добываемых таким образом огнеприпасов не превышало нескольких десятков тысяч патронов за один раз.

В конечном выводе, не затрагивая вопроса о целесообразности борьбы с политической точки зрения, так как с этой стороны положение представлялось безнадежным, что, как будет видно дальше, ясно сознавали полковник Рябцев и некоторые чины его штаба, под военным углом зрения шансы в предстоящей борьбе, особенно для ее начального периода, для обеих сторон складывались более или менее одинаково, так как двойное превосходство в силах на стороне ВРК уравнивалось лучшей организацией и боевой подготовкой войск КОБ. От искусства командования зависело в полной мере использовать эти свои преимущества, а недостаток численности возместить искусной группировкой своих сил, экономией их, упреждением противника в действиях и быстротой последних.

[1]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 184.

[2]) Ударный батальон, прибывший из Брянский вокзал 29 октября, повидимому, принадлежал к составу этого отряда.

II

Ареной столкновения вооруженных сил обеих сторон явилась Москва и, преимущественно, ее район, лежащий внутри Садового кольца. Прежде чем переходить к изложению хода дальнейших событий, постараемся отметить характерные черты этого района под углом зрения той задачи, которую обеим сторонам предстояло разрешить в нем. Особенности планировки Москвы заключаются в сохранении характера старого города-крепости, кольцеобразно разраставшегося вокруг центрального редюита — Кремля. И хотя давно исчезли укрепления белой стены (кольцо бульваров) и земляного вала (садовое кольцо), но до сих пор оставшиеся на их месте эспланады в виде садового кольца (кольцо Б) и бульварного кольца (кольцо А) прорезают тесно застроенные кварталы, пересекаемые несколькими радиальными артериями (Тверская, Петровка, Неглинный проезд, Лубянка, Мясницкая и пр.) и целою сетью неправильных и узких улочек и переулков. Дома, выходящие на стороны кварталов, обращенные к этим эспланадам, выравнивались вдоль них по линии ранее существовавших стен. Проезды, соединяющие кварталы, расположенные эспланадами, совпадают с местами прежних крепостных ворот. Поэтому все они лежат в более или менее одинаковом удалении друг от друга, а выросшие за последнее время в проездах парные массивные дома, выдвигающиеся из общей линии домов, примыкающей к эспланадам, можно сравнить с капонирами в крепостных рвах, предназначаемых для флангового обстрела рвов. Занятие таких домов по линии бульварного кольца давало обороняющемуся две выгоды: во-первых, в его руках оказывались ключи от главных радиальных улиц, ведших внутри города к Кремлю; во-вторых, так как все эти дома находятся во взаимной огневой связи, являлась возможность занимать их в виде узлов сопротивления и держать под фланговым перекрестным огнем всю бульварную эспланаду между ними, препятствуя противнику перебегать через бульвары и накапливаться внутри квартала, лежащего в промежутке между проездами. Наконец, бульварная эспланада являлась достаточно широким пространством для удобного использования броневых машин и могла служить удобным рокадным путем связи, особенно при использовании проходящей по ней трамвайной линии.

Все вместе взятое чрезвычайно облегчало условия обороны бульварного кольца сравнительно малыми силами, тем более, что концы его подковы упирались в р. Москву, а, кроме того, промежуток между ними замыкался центральным редюитом в виде Кремля. Этот последний в современных условиях борьбы являлся не более как историко-фортификационной игрушкой, очень живописной, но совершенно бесполезной.

Кольцо Садовых улиц (кольцо Б) не давало таких выгод обороняющемуся при занятии одной из сторон его. На нем отсутствовали фланкирующие постройки (за исключением разве Сухаревой башни), но зато обилие площадей на нем (Сухаревская, Кудринская, Смоленская и пр.) давало удобства для организации обороны и действий броневиков. Наконец, эспланадой для Кремлевско-Китайгородских стен являлась комбинация Театральной и Лубянской площадей, соединяемая перемычкой старого Лубянского проезда, при чем роль фланкирующего Театральную площадь капонира, держащего под фланговым огнем все подступы к думе, где пребывал КОБ, со стороны Большого театра и Петровки, играло массивное здание гостиницы „Метрополь".

Для наступающего оба кольца А и Б имели значение рубежей, по которым он мог бы выравнивать свое движение и на которых мог бы накапливать свои силы для очередного броска вперед, а обилие узких и неправильных уличек в промежуточных кварталах облегчало скрытое накапливание к этим рубежам.

Военное значение этих рубежей и отдельных пунктов на них обеих сторон выявилось уже в ходе самой борьбы, когда они властно притянули к себе силы обеих сторон и образовали целый ряд местных фокусов борьбы, на которые и распалось вооруженное столкновение обеих сторон.

Большая разница в высотах отдельных строений, обилие церквей, и построек, удобных для обороны на все стороны, неправильная планировка уличек и переулков, сквозные дворы — все это способствовало крайнему распылению сил борющихся сторон в пространстве и образованию целого ряда чрезвычайно мелких фокусов борьбы, что в свою очередь обусловливало крайне переменчивый характер течения боя и обилие случайностей.

Ни то ни другое не может войти целиком в рамки нашей работы. Мы можем ограничиться лишь обзором борьбы в главнейших фокусах. Эти фокусы возникли последовательно в ходе борьбы и представляются нам в виде следующих узлов борьбы: 1) Дорогомилово-Смоленский узел (Дорогомиловский мост, Смоленская и Сенная площади с прилегающими к ним с обеих сторон уличками и переулками Красно-Пресненского и Хамовнического районов, Кудринская площадь); свои местные фокусы в нем: Хамовнический Совет и казармы 5-й школы прапорщиков. 2) Воздвиженско-Остоженский узел, район которого определяется названием его главных радиальных улиц; главным фокусом в нем является здание Штаба МВО. 3) Узел Никитских ворот, замыкающий крупную радиальную артерию в виде Большой Никитской улицы и командующий в обе стороны прилегающими участками бульваров, — наименьший по своей пространственности, но выделяющийся чрезвычайно упорным характером борьбы за него. 4) Узел Моссовета

(Скобелевская площадь с прилегающими переулками по обе ее стороны). 5) Сретенско-Лубянский узел, определяемый неправильным четыреугольником улиц и площади: Лубянская площадь, ул. Лубянка до Сретенских ворот; бульварный участок Мясницких ворот и эти последние, Большая Мясницкая ул. Главным фокусом в этом узле явилась городская телефонная станция, находящаяся в Милютинском переулке. 6) Наконец, тыловым узлом борьбы явился узел гостиницы „Метрополь". Как видим, все эти узлы лежали в центральном городском районе и в сравнительно небольшом расстоянии друг от друга (узлы Никитских ворот и Моссовета, Сретенских и Мясницких ворот). Они привлекли на себя главные силы борющихся сторон, и борьба за них и составляет, в сущности, все внутреннее боевое содержание Октябрьских дней в Москве. Несмотря на то, что ни та ни другая сторона не увязывала действий вокруг этих узлов в едином общем плане, боевое взаимодействие атакующих и обороняющихся сил было определено самим положением этих узлов в пространстве. Борьба за них привлекла на себя революционые силы Красно-Пресненского, Хамовнического, Сокольнического районов[1]), а также часть сил Замоскворецкого, а впоследствии и Бауманского районов. Последний имел свой собственный узел борьбы, первоначально связавший почти все его силы, в виде Алексеевского военного училища и прилегавших к нему помещений трех московских кадетских корпусов. Это обстоятельство заставляет нас рассмотреть боевые действия в Бауманском районе вне связи с общим ходом событий внутри обоих эспланадных колец.

Теперь нам необходимо вновь обратиться к действиям обеих сторон, определявших их исходное положение и группировку сил, рассмотреть те ближайшие военные цели, которые они себе ставили, а также планы действий, посредством которых мыслилось достигнуть осуществления этих целей. Политическая сторона событий, ход переговоров, не прекращавшихся до момента первых выстрелов, и борьба обеих сторон за общественное мнение масс освещены с достаточной полнотой в тех печатных источниках, которыми мы пользовались. Учитывая основную цель нашего труды, мы ограничиваемся здесь лишь чисто военной стороной дела.

Окончание конференции Московского гарнизона 26 октября кладет начало первым шагам ВРК в области подготовки к действиям. Параллельно с ней начинают работать и районные ВРК. Они мобилизуют свои силы, и первоначально, т.-е. к вечеру 26 октября, этих сил оказывается настолько мало, что районам приходится пока думать о принятии мер необходимой предосторожности. В наиболее неприятном положении чувствует себя Бауманский район, имеющий в рай-

[1]) В определении районов мы руководствуемся современным планом г. Москвы изд. 1926-27 гг. и будем его придерживаться и в дальнейшем.

оне Лефортова неприятного соседа в виде Алексеевского военного училища и кадетских корпусов. Ревком завода „Мастяжарт“[1]), помещающийся на самом заводе, спешно окапывается; роются окопы у Яузского моста, в начале Ладожской, Немецкой и Ирининской улиц. Заставы и патрули Красной гвардии выставляются во все стороны от завода.

Такая же работа происходит, повидимому, и на других заводах района. Вероятно, около этого же времени Сокольнический район также приступает к созданию себе опорного пункта в районе Сухаревой башни. На нее втаскивают пулеметы, вокруг роют окопы и гарнизоном этого узла сопротивления являются 4 роты одного из расположенных в районе Сухаревки полков (либо 192, либо 251[2]). Рабочие Красной Пресни приступили к мобилизации своих сил еще в ночь с 25 на 26 октября, когда местный партийный комитет перешел в помещение фабрично-заводского комитета Прохоровской фабрики, организовал ВРК и приступил к организации боевых отрядов. Насколько эта работа подвигалась успешно, видно из этого, что уже к вечеру 26 октября Красная Пресня была прикрыта патрулями Красной гвардии по линии Б. Грузинской ул., Зоологического сада и Конюшковской ул.[3]) Не так заметно продвигалась работа в Замоскворецком и Хамовническом районах. Отрывочные сведения позволяют судить, что местных сил там было очень мало и линия обеспечения района пошла, естественно, по течению р. Москвы от Крымского моста до Чугунного, при чем узлом сопротивления, более или менее надежно обеспеченным, на этой линии явились городская электрическая станция и Б. Каменный мост, охраняемые отрядом рабочих этой станции (численность нам неизвестна). Лишь 28 октября вечером к ним присоединилась рабочая дружина с завода Михельсона (численность нам неизвестна) и 50 солдат 55 пех. полка[4]). Малочисленность Красной гвардии Хамовнического района не помешала ему проявить свою активность еще с утра 25 октября, когда отряд красногвардейцев занял местное почтово-телеграфное отделение. Ничтожное количество имеющегося в распоряжении оружия (дюжина старых винтовок) заставило первоначальное все усилия обратить на сбор оружия, что выполнялось посредством разоружения отдельных военных[5]). Таким образом, можно считать, что уже к вечеру 26 октября естественным путем в результате самодеятельности масс и непосредственного руководства начали обозначаться первоначальные группировки красных сил и линия их обеспечения в более или менее от-

[1]) Рассказ Н. С. Тулякова.
[2]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, стр. 217.
[3]) Сборник „Молодая Пресня в Октябре“, изд. 1923 г. стр. 26, 27.
[4]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, стр. 137.
[5]) Предыдущий источник, стр. 126—128.

четливых формах, а иногда лишь просто в виде насыщения какого-либо района патрулями Красной гвардии (Хамовники). Это же оформление красных сил поставило перед центральным ВРК задачу, стремление к разрешению которой и привело к завязке вооруженной борьбы. Угрожающий недостаток оружия давал себя знать с первых же шагов организации красных вооруженных сил. Случайные источники не могли удовлетворить всей потребности. Организованным путем можно было получить оружие в достаточном количестве только из Кремлевского арсенала. К нему устремляются мысли ВРК. В ночь с 26 на 27 октября, отдав распоряжения о приведении полков Московского гарнизона в полную боевую готовность, но не выводя еще на улицы и не давая им никаких определенных заданий, ВРК решает усилить большевистский гарнизон Кремля еще одной или двумя ротами 193 п. полка (Хамовники) и под их обеспечением произвести 27 октября выемку оружия из арсенала. Выполнение этой операции должно начаться с раннего утра 27 октября.

Для уяснения хода дальнейших событий обратимся к действиям военного руководства противной стороны. Их мы излагаем не на основании каких-либо материалов, печатных или архивных, а на основании рассказа одного из чинов бывшего штаба МВО. Поэтому в нашем рассказе могут быть вполне понятные неточности, может быть даже фактические неверности, но все-таки он является единственной пока, доступной для историка нитью, по которой можно проследить первоначальные действия противной стороны, а главное—мотивы их и пролить определенный свет на позицию высшего военного командования в развернувшихся событиях. Пока ВРК проводил гарнизонную конференцию, а КОБ изливался в речах и постановлениях в здании думы, командующий войсками МВО полковник Рябцев собрал заседание высшего командного состава в одном из Кремлевских дворцов, т.-е. в самой гуще расположения большевистски настроенного 56 пех. полка.

Совещание вполне определенно установило полную ненадежность всего Московского гарнизона (за исключением военных школ и училищ) в случае необходимости использовать его для каких-либо активных действий в каком угодно направлении. Однако, необходимость в этом еще не мыслилась. Политическая сторона назревавших событий представлялась участникам совещания, как фракционная распря двух крыльев Совета, которая будет изжита внутри Совета. Принципиально решено было итти за тем крылом Совета, которое стояло на платформе поддержки вр. правительства, и военное содействие последнему мыслилось в виде не более, как красивой военной прогулки по городу нескольких внушительных, нарядных и подтянутых батальонов юнкеров. Их появление на улицах Москвы должно было смягчить и утишить разгоревшиеся страсти обеих сторон. Никаких решений о плане

предстоящей борьбы, возможность каковой совершенно исключалась, о занятии тех или иных важных пунктов принято не было. Все предварительные распоряжения свелись к приведению надежных войск в состояние необходимой готовности при возникновении вблизи их казарменных помещений беспорядков. Поэтому было приказано: на случай предстоящей военной демонстрации стянуть к центру города Алексеевское военное училище и 3-ю и 4-ю школы прапорщиков. 1-я и 2-я школы[1]), как менее надежные, совсем не брались на учет, а 5-я и 6-я получили задачу патрулирования вокруг мест своего расположения.

Приняв эти решения уже поздно вечером 26 октября, совещание было готово разойтись, но тут выяснилось, что солдаты 56 полка не желают выпускать участников совещания[2]). Этот инцидент был быстро улажен путем разговора по телефону Кремля непосредственно с ВРК, пребывавшим в Моссовете, и вся головка военного управления г. Москвы была выпущена на свободу.

На утро 27 октября создалось следующее оригинальное положение в центре столицы. К Кремлю стягивались Алексеевское военное училище, 3-я и 4-я школы прапорщиков. Располагались они: в Манеже, в гостинице на Тверской между Моховою и Иверскими воротами, в гостинице „Метрополь" и Городской думе, выставляя караул ко всем воротам Кремля и вокруг мест своего расположения. Внутри Кремля уже находилась рота 193 п. полка; в свою очередь изнутри Кремля у всех ворот стояли караулы 56 пех. полка. За этой двойной стеной караулов, взаимно враждебных, в Кремлевском дворце продолжал пребывать главный руководитель военного округа в ожидании прибытия к нему представителей ВРК для продолжения переговоров. Здесь, конечно, приходится удивляться не создавшемуся положению в виде какого-то слоеного пирога, а тому обстоятельству, что заряженное враждебное оружие, наведенное друг на друга в столь близком расстоянии, разрядилось громом первых выстрелов только около 21 часа вечера 27 октября.

Опуская все хорошие известные и точно установленные подробности переговоров военных руководств обеих сторон за весь день 27 октября, перейдем прямо к окончательному исходному положению сторон к ве-

---

[1]) Постоянной штаб-квартирой 2 школы прапорщиков являлся г. Ярославль. Нам не удалось установить, когда именно и для каких целей она была подтянута в Москву и где в ней квартировала.

[2]) Этот инцидент требует, конечно, дополнительной проверки. Вполне точно установлено, что подобный случай произошел с самим Рябцевым 27 октября (см. воспоминания Аросева, Ярославского и др.) Тут возможно, конечно, совпадение обоих случаев во времени. Но нам кажется, что наш очевидец твердо устанавливает совершенно отдельный и нигде еще не отмеченный факт, имевший место именно 26 октября, иначе задержанные до вечера 27 октября в Кремле начальники военных школ не смогли бы уже утром 27 октября привести свои школы к Кремлю. Что касается Рябцева, то он либо остался ночевать в Кремле, либо вновь вернулся туда с утра 27 октября.

черу 27 октября и завязке боя, после чего только можно будет говорить о планах сторон, так как последние, как мы скоро покажем, оформились не до завязки столкновения, а после него.

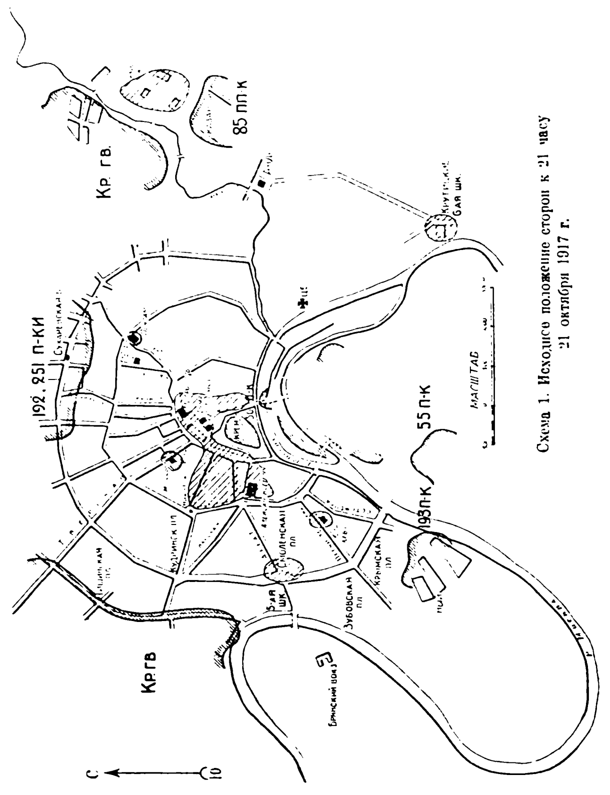

Схема 1. Исходное положение сторон к 21 часу 21 октября 1917 г.

В 19 часов ВРК вторично выпустил Рябцева из его Кремлевской ловушки, к которой он испытывал какое-то необ'яснимое влечение. Положение сил обеих сторон в это время рисуется грубо в следующем виде: в Кремле готовящийся к обороне 56 полк (рота 19 полка, повидимому, успела вернуться в свои казармы днем 27/X

он полуобложен юнкерскими караулами двух военных училищ и двух школ прапорщиков; главные силы этих школ располагаются в Александровском военном училище (где начинает импровизированно создаваться какой-то руководящий штаб), в Манеже, Думе и гостиницах, в начале Тверской и на Театральной площади; их дозоры по Б. Никитской, Воздвиженке, Петровке, Неглинному проезду доходят до Бульварного кольца и появляются на Лубянской площади, Маросейке.

Примерно, по Садовому кольцу начинает намечаться линия будущего обложения этих сил красными. Но пока нет еще резкого разграничения враждебных сил в пространстве. Между ними одиноким островом брошен Моссовет, охраняемый частью команды двинцев в 450 человек, приведенный туда в 16 часов тов. Федотовым по приказанию управляющего делами ВРК тов. Розенгольца. Кроме того, у Моссовета, где пребывает ВРК, находится еще человек 50 солдат 85 пех. полка[1]). Кроме того, отдельными группами и партиями и даже одиночным порядком, повидимому, пока в порядке личной инициативы, прибывают красногвардейцы с различных фабрик и заводов (Н. С. Туляков указывает, что там были и рабочие с завода Мастяжарт). Эта толпа переполняет здание Моссовета, начинает выливаться на площадь, заполняет соседние дома и постепенно распространяется вниз по Тверской. Патрули и дозоры красногвардейцев и солдат густо заполняют Тверскую и Б. Дмитровку до выхода этих улиц на Моховую и Театральную площадь и, таким образом, и здесь между обеими враждующими сторонами, постепенно начинает устанавливаться тесное боевое соприкосновение. Там пребывает центральный ВРК. В полосе рабочих районов и в свою очередь отдельными островами вкраплены: казарменные районы 5-й школы на Смоленском, патрули которой доходят до Кудринской площади по Новинскому бульвару и далее вниз до Конюшковской улицы, где они вступают в соприкосновение с патрулями Красной гвардии; 6-й школы в районе Калужской заставы в Крутицких казармах (Замоскворечье) у караульной части Алексеевского училища и трех кадетских корпусов в Лефортове. Эти части, оторванные от своих главных сил, образуют в дальнейшем отдельные очаги борьбы, действующие вне всякой связи со своими главными силами и без всяких заданий со стороны своего высшего командования.

Отсутствие всякой логики в расположении правительственных войск является лучшим доказательством глубокого и искреннего убеждения полковника Рябцева и генерал-квартирмейстерской части штаба МВО о бесполезности и нецелесообразности вооруженной борьбы. Иначе бы штаб округа, даже в отсутствии Рябцева дал бы более

[1]) Эти данные любезно сообщены нам тов. Федотовым.

точные указания о предстоящих задачах начальникам 5-й и 6-й пех. школ и гарнизону Лефортова [1]).

Слабохарактерный и безвольный полковник Рябцев, попав в думу, оказался там под влиянием КОБ, своего помощника по политической части поручика Ровного (правый эсер), представителей офицерского союза георгиевских кавалеров и даже юнкерских комитетов. Можно считать, что с этого времени фактическое управление ходом операций вырывается из рук Рябцева и переходит в руки наиболее крайне настроенных элементов в лагере правительственных войск. Эти элементы вырабатывают планы и проекты действий, при чем штаб МВО отходит совершенно на задний план, они же выдвигают из своей среды выполнителей этих проектов, которые в свою очередь подбирают себе ближайших исполнителей и помощников. Начинается импровизация управления путем создания случайных органов и выдвижения случайных лиц и даже формирования случайных отрядов и отрядиков. Поэтому, в последующем трудно будет установить начала какой-либо военной целесообразности и закономерности в действиях главной группы правительственных войск.

В 19 часов Рябцев, под влиянием своего окружения, резко обрывает по телефону переговоры с ВРК, пред'являя свой ультиматум об очищении Кремля и самоупразднении ВРК и давая на размышление 10 минут времени. Это предложение отвергнуто ВРК. Почти тотчас же наступает завязка боевых действий, однако, повидимому, совершенно неожиданно для обеих сторон. Дело в том, что для усиления положения ВРК в Моссовете еще в 15 часов дня туда было приказано прибыть второй половине команды двинцев из Озерковского госпиталя, расположенного в Садовниках. Эта команда в количестве около 300 человек замешкалась и уже в темноте следовала к Моссовету, кратчайшим путем, через Красную площадь. Здесь она подверглась обстрелу с кремлевских стен (как до сих пор утверждают оставшиеся в живых участники этого происшествия, а вернее всего со стороны юнкерских караулов у Кремлевских ворот), а затем была атакована резервом юнкеров. Произошла свалка, доходившая до рукопашной.

---

[1]) Оставление 5-й и 6-й школ в постоянных местах своего квартирования, нарушая, на первый взгляд, требование о сосредоточении своих сил, особенно если они немногочисленны, с военной точки зрения все-таки находит известное об'яснение. 5-я школа находясь в районе своего расположения, могла держать в своих руках Дорогомиловский мост, обеспечивая связь с Брянским вокзалом. Последнее было важно для командования, учитывая наличие в Калуге отряда Брандта, 6-я школа, находясь бок-о-бок с Симоновскими складами огнеприпасов, могла сохранить их для пользования правительственных войск. Но, повидимому, 5-я школа не получила никакой задачи, и безусловно никакой задачи не получила 6-я школа, что подтверждается вполне точно и рассказами чинов МВО и рассказом Н. С. Тулякова, которому при сдаче председатель Комитета школы об'явил, что она не имела ни связи, ни задач от высшего командования.

Сильно пострадавшая (ее потери исчисляются в 45 чел.) команда добралась до Скобелевский площади. Так завязались боевые действия в Москве.

Обстрел двинцев содействовал более ускоренному нарастанию под'ема революционной стихии. Он повлиял на решимость колеблющихся и медлящих и бросил их в ряды революционных бойцов. Не малую роль в подготовке победы сыграл и следующий фактор, который до сих пор еще, насколько нам известно, не был отмечен никем из описывавших московские события, но который по своему удельному весу заслуживает полного внимания историка. Москва с пригородами насчитывала до 275 тысяч женщин, организованных в союз солдаток. Несомненно, что агитация такого количества жен, матерей, сестер и невест, направленная к одной цели, должна была сильно влиять на решимость бойцов. В течение последующих дней мы видим представительниц союза солдаток на улицах и на площадях столицы и в ее казармах и госпиталях. Они то агитируют и возбуждают, то обследуют госпитали и наблюдают за содержанием раненых в уличных боях, то заняты заботами о продовольствии семей сражающихся. Их деятельность должна быть поставлена в число немаловажных данных, обеспечивших конечный исход борьбы.

Архивные дела ВРК сохранили нам „общий план революционной армии". Он не датирован и мы предполагаем, что время его составления относится к 27 октября, а может быть он возник и после первых выстрелов на Красной площади. План состоит из 4 пунктов, к которым в дальнейшем прибавлено еще два. По своей лаконичности этот документ не может быть пересказан, а должен быть приведен полностью.

Вот его содержание [1]:

1) Все военные действия направляются к одному центру.

2) Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3) Не упускать из виду, что тылы для районов не безопасны и что может явиться возможность операций революционной армии вне Москвы.

4) Действия решительные и энергичные.

Дополнительные пункты:

5) Наивозможно меньшее пролитие крови.

6) Охрана безопасности населения.

План по существу и по форме является директивой, ставящей лишь конечную цель действий и представляющей широкую инициативу ее исполнителям в отношении способов ее выполнения и постановки себе частных задач. Учитывая взаимное относительное положение сторон, следует признать, что направления для движения революционных масс были указаны совершенно правильно. Общая обстановка в отно-

[1]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 198.

шении возможности прибытия к противнику подкреплений извне была учтена и на это было обращено внимание районных ВРК. Большего от центрального ВРК нельзя было и требовать. Общие выражения директивы свидетельствуют, что руководители ВРК вполне правильно понимали кинетику стихийного движения масс и свою роль в ней по направлению этого движения по тем руслам, которые в конечном итоге привели бы эти массы в тесное взаимодействие в главном решающем пункте. Составление сложных стратегических и постановка сложных промежуточных задач повели бы только к постройке карточных домиков стратегической фантазии.

Обращаясь к плану противной стороны, послушаем голос ее историка П. Н. Милюкова. Вот что говорит он об идейном центре сопротивления белых — Александровском военном училище [1]):

„Туда стекалось к юнкерам и офицерство (его, как видели, было очень мало), желавшее принять участие в борьбе с большевиками, и горячая студенческая молодежь. Первая стратегическая задача, которая была тут же поставлена, — было занятие командующих позиций и важнейших пунктов: Кремля, почты, телеграфа, телефона. Второй задачей являлось окружение Скобелевской площади, где заседал Совет“. Эти строки Милюкова подтверждают вышесказанное нами о том, что руководство оперативной стороной борьбы сразу же выпало из рук Рябцева и его штаба (последний, повидимому, ничего решительно не имел против этого) и перешло в руки импровизированного военного совета, обосновавшегося в Александровском военном училище. Мало того, эта картина, нарисованная Милюковым и подтверждающая наше утверждение, дополняется следующим характерным документом из дел архива ВРК. Он гласит следующее: „Дежурный член Керишев [2]) из союза булочников сделал нам заявление: на состоявшемся собрании юнкеров в Александровском училище постановлено: сегодня ночью (речь идет, очевидно, о ночи с 27 на 28/X. Н. К.) занять Кремль и арестовать Революционный Комитет. Действия начать немедленно“ [3]).

План белых в выше приведенной реакции не является по существу разработанным планом военных действий, а выражает лишь общую идею их. Не разбирая его по существу, в виду его неполноты, отметим лишь одновременное преследование им нескольких важных целей: захвать Кремля, захват ВРК, захват почты и телеграфа, захват телефонной станции. Соотношение сил не позволяло такой роскоши в постановке себе задач и должно было вызывать и вызывало разброску

---

[1]) Сборник „Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев“. ГИЗ, 1926 г. П. Н. Милюков—„Низвержение временного правительства“, стр. 257.

[2]) Повидимому попал на собрание юнкеров конспиративно или слышал от участников.

[3]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, стр. 198—199.

и без того скудных сил в пространстве и неудачу в выполнении некоторых задач. По своей относительной важности в связи с общей обстановкой существенно важными задачами для белых являлись: захват Кремля с точки зрения их собственной безопасности; захват Скобелевской площади со зданием Моссовета, что срывало начавшее налаживаться общее управление у красных и должно было сильно подействовать на них в моральном отношении.

Все прочие задачи можно было отложить или повременить с их выполнением. Следовало заранее пойти на известные жертвы в виду уступки красным здания почт и телеграфов (Мясницкие ворота) и даже телефонной станции (Милютинский переулок); в крайности отдельным набегом можно было постараться разрушить ее, а все силы и внимание сосредоточить на Кремле и Скобелевской (ныне Советской) площади.

III.

Выстрелы на Красной площади положили начало окончательному развертыванию сил обеих сторон. Некоторые члены центрального и местных ВРК направляются по казармам — поднять полки и поставить им боевые задачи. Известно, что поздней ночью с 27 на 28 из Лефортова к Моссовету приходит большая часть 85 пех. полка[1]). 193 пех. полк в Хамовниках, поднятый около полуночи в ночь с 27 на 28, собирался крайне неохотно и, наконец, отложил свое выступление до утра. Лишь днем 28 октября кружным путем удалось привести к Моссовету три роты этого полка[2]). О Сокольническом районе известно, что главные силы 192 и 251 пех. полков он решил предоставить в распоряжение центра[3]). Можно установить, что какие-то части этих полков, в частности 251-го, в ночь с 27 на 28 октября выдвинулись к Варварским и Ильинским воротам и занимали их в течение ночи, а затем, повидимому, разошлись[4]). Другие части этих полков, по всей вероятности, имели дело с частями юнкеров, на-

---

[1]) Из рассказов тт. Федотова и Тулякова.

[2]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 128—129. В статье Федотова „Двинцы" (Сборник „Москва в Октябре 1917 г.", стр. 27) есть указание на то, что 55-й пех. полк также пришел к Моссовету. Из других источников известно, что главные силы этого полка действовали с Хамовническим районом на Остоженке и Воздвиженке. Сам тов. Федотов в беседе с нами не подтвердил своих сведений о 55 пех. полку. Поэтому мы склонны думать, что у Моссовета были лишь отдельные люди или партии этого полка.

Пече в своих воспоминаниях указывает, что из Бауманского района к Моссовету были еще отправлены в ту же ночь три роты телеграфно-прожекторного полка, две роты 661-й ополченской дружины в отряд Красной гвардии—всего 600 человек („Октябрьское восстание в Москве", стр. 114).

[3]) Сборник „Москва в Октябре 1917 г.", стр. 120.

[4]) Там же, стр. 184—187.

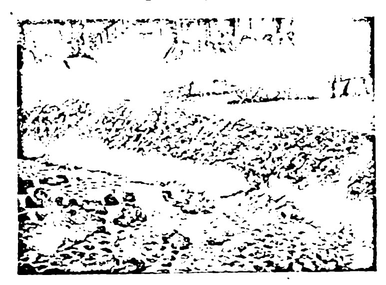
ступавшими от Лубянской площади по Лубянке и Мясницкой. Чрезвычайная скудость сведений о Сокольническом районе во многих случаях заставляет нас итти путем догадок. Во всяком случае, в ночь с 27 на 28 октября район Моссовета настолько насытился защитниками, что они густо заняли все дома вниз по Тверской, до бывшей Лоскутной гостиницы включительно, помещения и дворы Моссовета и организовали усиленное патрулирование по всем окрестным улицам и переулкам. Таковы единогласные показания всех тех участников событий, с которыми лично нам пришлось беседовать и которые идут совершенно вразрез с впечатлениями Виноградской в ее статье „Трагический момент"[1]), взятой Милюковым за основу изложения событий в лагере красных в ночь с 27 на 28 октября. Мы должны признать, что положение, далекое от трагизма, могло быть более или менее тревожным лишь до прибытия 85 пех. полка, в результате действительно первоначально выдвинутого вперед положения ВРК с его отрядом в отношении всех прочих его сил, но прибытие 85-го полка содействовало закреплению этого положения.

Таким образом, белые упустили разрушить центр управления красных, так как их преимущественное внимание устремилось в эту ночь на овладение зданием почты и телеграфа и телефонной станции. Для овладения районом Скобелевской площади если и была сделана попытка, то, повидимому, очень слабая. Ряд разбросанных в печатных материалах заметок указывает на просачивание юнкерских партий со стороны Б. Никитской ул. по переулкам к зданию Моссовета. Примерно на средине этих улиц и переулков наступательные попытки юнкеров были приостановлены красными дозорами и партиями, и в таком положении дело замерло до 28 октября.

Более энергично действовали белые по Лубянской площади для захвата почты и телеграфа и телефонной станции. Здесь наступал сильный отряд в составе юнкеров и офицеров; численность его, к сожалению, нам неизвестна. Тесня перед собою красных (повидимому; отдельные партии и отряды солдат 192 и 251 полков и местной Красной гвардии), он к утру на 28 октября вышел на бульварное кольцо, от Мясницких до Сретенских ворот, оба эти пункта включительно. После упорного 4-часового боя он овладел телефонной станцией в Милютинском переулке, занятой караулом 56-го пех. полка. Почти одновременно белые захватили здание почты и телеграфа, но были днем 28 октября выбиты оттуда частями 251-го пех. полка и отрядами Красной гвардии. Здание телефонной станции они захватили крепко, оставив там сильный гарнизон в 116 человек[2]). Они приступили сразу же к укреплению своего положения. Устроили проволочные заграждения и баррикады из громадных катушек для на-

[1]) Сборник „Москва в Октябре 1917 г.".
[2]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 226.

Счастливая для белых случайность, избавившая их от необходимости штурмовать Кремль, позволила им сосредоточить все усилия на взятии Скобелевской площади. На этот раз они старались ликвидировать узел сопротивления красных в районе Моссовета охватом его с двух сторон. Они успешно нажимали на тыловую коммуникационную артерию этого узла—Тверскую улицу—по Тверскому бульвару и Бол. Гнездниковскому переулку и в то же время броневиками пытались заскочить на Скобелевскую площадь по Столешникову переулку со стороны Бол. Дмитровки[1]). Один белый броневик даже успешно проник на Скобелевскую площадь. В эти часы, пока еще не появилась запоздавшая артиллерия с Ходынки, ВРК действительно пережил критические часы, так как его резервы за ночь и утро рассосались в пространстве и теперь не превышали 200 бойцов[2]), связь ВРК с районами оказалась почти совсем нарушенной, так как юнкерский отряд, заняв градоначальство (против Богословского переулка) делал небезопасным и сообщение через Страстную площадь; возникала мысль о переносе центра управления в другое, более безопасное место[3]).

Окопы на Лубянской площади.

Однако, благоприятный для красных перелом обстановки уже близился.

После полудня появились на Скобелевской площади три орудия, приведенные тов. Смирновым с Ходынки[4]); их расставили по одному у выходов с площади на Тверскую улицу на Столешников переулок.

Первый выстрел был сделан по гостинице „Националь" (1-й дом Советов), где успел было утвердиться противник. Повидимому, одновременно с прибытием артиллерии на Скобелевскую площадь, стала на позицию одна батарея и на Страстной площади[5]) три орудия[6]).

Прибытие артиллерии и ее первые выстрелы внесли следующую перемену в обстановку. Атаки противника на Моссовет прекратились

---

[1]) Тот же источник, стр. 57.
[2]) Там же, стр. 81.
[3]) Там же, стр. 34.
[4]) Пече в своих воспоминаниях указывает, что артиллерия на Скобелевскую площадь прибыла к 16 часам дня. По общему ходу дел считаем, что это должно было произойти раньше; не позже 14 часов (сборник „Октябрьское восстание в Москве" стр. 53).
[5]) Тот же источник, стр. 215.
[6]) Там же, стр. 220.

и подступы к нему со стороны Моховой ул. и Столешникова переулка были прочно заперты, партии противника, стремившиеся просочиться на Тверскую со стороны Бол. Никитской, были отогнаны.

После нескольких орудийных выстрелов было взято градоначальство, чем обеспечивалось в руках красных обладание их тыловой линией подвоза и связи в виде Тверской ул.

Краснопресненский район также получил в свое распоряжение два орудия [1]). Таким образом, после полудня 28 октября в районе Садового кольца у красных вступило в дело уже 8 орудий.

Опираясь на поддержку своих двух орудий (поставленных, повидимому, первоначально у Зоологического сада), Красная гвардия Краснопресненского района, среди которой вкраплены отдельные части 193 полка, переваливает через рубеж Садового кольца и начинает подвигаться к Бульварному кольцу, захватывая в своем продвижении крайние радиальные улицы—Поварскую и Тверскую; здесь, повидимому, отряды Краснопресненского района перемешиваются с отрядами ВРК, развивающими свое наступление от Страстной площади и вдоль Тверского бульвара на Никитские ворота. Последние являются уже опорным узлом белых; они задерживают выход красных на линию Бульварного кольца и сами развивают продвижение по Поварской улице. Борьба, с самого начала принимающая групповой характер, начинает все более дробиться в пространстве; мелкие партии и даже отдельные стрелки обеих сторон просачиваются в поисках обхода главной магистрали борьбы — Поварской — в переулочки по обе ее стороны и проникают на Арбат (улица), который, однако, остается слабо насыщенным ими, так что более крупные отряды белых могут еще свободно проникать по нему до Смоленского рынка. Другой задачей сил Краснопресненского района является выход на Новинский бульвар, захват Смоленского рынка с расположенной на нем школой прапорщиков и Дорогомиловского моста. Стремление к достижению этих задач привело к образованию самостоятельного фокуса борьбы в районе Смоленского рынка, где 5-я школа в этот день преследовала, повидимому, также свою частную задачу по захвату Хамовнического совета на Плющихе. Поэтому фронт боевых столкновений распространился по линии Новинского бульвара и доходил до Дорогомиловского моста, перекидываясь отсюда по второстепенным переулкам на Зубовскую площадь и идя далее вниз по Зубовскому бульвару. Здесь Хамовнический район, усиленный 55 пех. и частями 193 пех. полка, вел борьбу с юнкерскими отрядами, подвигавшимися по Пречистенке и Остоженке и имевшими своим опорным пунктом МВО. На всем этом пространстве бой принял длительный и затяжной характер без особо ярких эпизодов и без значительных успехов для той и другой сторон.

---

[1]) Там же, стр. 214.

Результат борьбы свелся к некоторым территориальным достижениям для красных, в руки которых перешли полностью кварталы между Садово-Кудринской и Тверским бульваром, а также Кудринская площадь; 5-я школа удержала в своих руках Новинский бульвар и здесь фронт красных шел по линии переулков, выходящих на этот бульвар с его западной стороны, а затем по Проточному и Прогонному переулкам переходил к Дорогомиловскому мосту, который красные занимали маленьким отрядом в 20 человек красногвардейцев [1]); затем, повидимому, линия фронта шла так, как мы указали выше, ибо в этот день силы Хамовнического района были еще связаны борьбой за интендантские склады на Крымской площади и за лицей Каткова (ныне Институт Красной профессуры).

Если на всем вышеуказанном фронте борьба носила неопределенный характер, то несомненный успех имели красные в Сокольническом районе. Они приостановили продвижение белых, отбили у них здание почтамта и прочно утвердились на линии бульварного кольца. Отдельными точками в руках белых на этом кольце оставались дом на бульварном проезде между Сретенкой и Лубянкой (он сгорел в последующие дни; ныне на его месте сквер) и ресторан „Эрмитаж" на Трубной площади (ныне дом Крестьянина), где утвердилась партия юнкеров [2]); последнее обстоятельство заставляет допустить, что в этот день обе артерии — Петровка и Неглинный проезд — были еще доступны для белых. Менее всего у нас сведений за этот день о Замоскворецком районе. Повидимому, в этот день он не проявил особых наступательных попыток. Ограничиваясь удержанием в своих руках рубежа р. Москвы и голов мостов через нее на своем берегу. Возможно, что от переброски значительных своих сил на городской берег р. Москвы его удерживало наличие еще неликвидированной 6-й школы прапорщиков в Крутицких казармах. Баумановский район попрежнему был занят осадой Лефортовского узла сопротивления белых. В этот день он произвел частную операцию по разоружению команды вольноопределяющихся инженерного полка, пребывавшей в одном из домов вблизи Введенской площади и хотя и державшей нейтралитет, но возбуждавшей подозрение. Под угрозой наведенного с Введенской площади орудия команда в 11 часов утра 28 октября выдала оружие и разошлась [3]).

Итак, в день 28 октября ни одна из очередных задач белых не была разрешена ими, если не считать случайного перехода в их руки Кремля. Им не удалось в этот день ликвидировать ни одного из узлов сопротивления красных. Мало того, последние уже успели связать оперативную свободу белых почти на всем фронте борьбы и выиграть про-

1) Сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 77.
2) Сборник „Октябрьские дни в Москве", стр. 242.
3) Рассказ С. Н. Тулякова.

странство. Но главные достижения красных заключались не в этом, а в продолжающемся нарастании волны их сил. Выплескиваясь из рабочих районов эта волна вливалась в радиальные артерии, ведущие к центру столицы, заполняла их, разливалась по соседним переулкам и образовала новые звенья в кольце обложения белых, обвод которого начался уже определенно вырисовываться. В последующие дни этот процесс примет еще более резко выраженный характер и, наконец, силы наступающего, вливающиеся в крупные радиальные артерии и просачивающиеся по узким уличкам и переулкам, вновь сольются в общую массу под стенами Кремля.

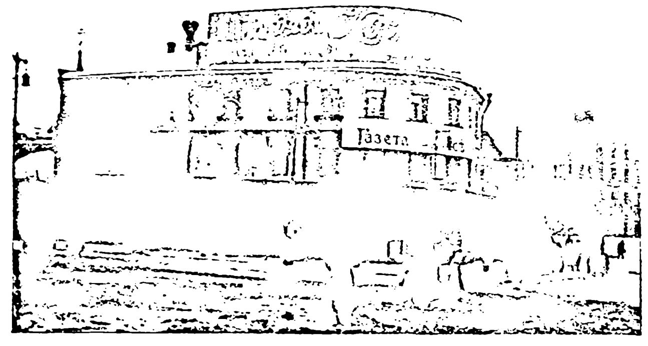
Судя по характеру действий белых в день 29 октября, можно предположить, что КОБ и лица, фактически руководившие в этот день общим ходом операций, поставили себе целью открыть сообщение с Александровским (ныне Белорусским) и Брянским вокзалами, действуя по линии наименьшего сопротивления, каковая ими мыслилась проходящей через Кудринскую площадь.

Основания к такому образу действий были. Припомним, что на 30 октября белые могли ожидать прибытия подкреплений на эти вокзалы с фронта и из Калуги. Они не знали еще, что в этот день уже ВРК мог иметь сведения от приезжавших в Москву из Смоленска отпускных солдат об остановке в районе Смоленска гвардейской кавалерийской бригады, двинутой на Москву, о последовавшем ее разоружении или по крайней мере нейтралитете[1]). Нам не удалось установить, были ли увязаны в общем плане на 29 октября действия 5-й школы с действиями остальных сил белых, но, повидимому, некоторое совпадение в действиях, как это видно из последующих действий, имело место.

Таким образом, действия обеих сторон на 29 октября характеризуются методическими стремлениями красных к сжатию своего кольца обложения, и стремления белых прорвать это кольцо в направлении Кудринской площади и через нее выйти по Садовой к Александровскому вокзалу. Поэтому главную тяжесть боя в этот день пришлось выдержать на себе Краснопресненскому району. Развивая свой удар по Новинскому бульвару, Бол. и Мал. Никитским, Поварской и Бронным улицам, белые вновь прорываются на Кудринскую площадь, при чем в руках красных остаются лишь кусочек Кудринской площади и Вдовий дом. Однако, контр-атакой красные восстанавливают положение и заставляют белую волну вновь отхлынуть в те улички и переулки, из которых она вылилась было на Кудринскую площадь. На всех остальных направлениях и участках белые сдают под натиском красных. В этот день в их руки переходят интендантские склады и Катковский лицей на Крымской площади в Хамовниках, и головные

[1]) Сборник „Октябрьские дни в Москве", стр. 249.

их отряды вливаются на Пречистенку и Остоженку, оттесняя юнкеров к середине Пречистенки и к Зачатьевскому переулку на Остоженке. Здесь, повидимому, начинает устанавливаться взаимодействие и с Замоскворецким районом, так как на Остоженке появляются отряды 55 пех. полка. Продвигаясь по Петровке, красные выходят к зданию Большого театра и вступают в перестрелку с гарнизоном „Метрополя". Сокольнический район прорывается по Лубянской и Мясницким улицам, оттесняя белых на Лубянскую площадь. Телефонная станция в Милю-

Дом на углу Б. Никитской ул. и внешнего проезда Никитского бульвара после боев.

тинском переулке, занятая белыми, оказывается отрезанной и окружённой и все усилия красных теперь направляются на взятие этой станции. В районе Моссовета красные упрочивают свое положение, прогнав белых из Чернышевского переулка и заставив их очистить Газетный переулок. В узле Никитских ворот завязывается упорная борьба, при чем враждующие стороны разделяются пространством в несколько десятков шагов. Красная артиллерия в этот день проявляет усиленную деятельность. Ее выстрелы направляются на Никитские ворота, Александровское военное училище, Кремль, гостиницу „Метрополь" и Городскую думу. Передовые партии красных захватывают Малый театр.

Создавшееся к концу дня 29 октября положение являлось угрожающим для белых. Их силы были исчерпаны, усиления их не последовало, наличного количества сил оказалось недостаточно, чтобы разорвать начинавшее душить их оперативную свободу кольцо обложения красных. При продолжении борьбы должна была уже начаться агония

их сопротивления. Но здесь вторично случай пришел на помощь, продлив на некоторое время их агонию. Под влиянием настояний союза железнодорожников (Викжель) ВРК пошел на перемирие [1], которое, будучи подписано вечером 29 октября, вступало в силу на сутки с полуночи 29 октября до полуночи 30 октября. Обе стороны так тесно сцепились во взаимной борьбе, страсти были настолько раздражены, что для большинства непосредственных руководителей и исполнителей акт перемирия остался пустым звуком и борьба, то вспыхивая, то замирая, продолжалась и в эти сутки. Для военного историка акт перемирия важен для более или менее точного установления линии фронта обеих сторон. Показания всех наших источников в этом отношении единогласны. Фронт белых устанавливался по следующей линии: 2-й Ушаковский переулок, часть Остоженки, Полуэктов переулок, Пречистенка, Мертвый переулок, Старо-Конюшенный, Криво-Никольский, Бол. Молчановка, проходной церковный двор и переулок против него лежащий, Хлебный переулок, пересечение Никитского бульвара у изгиба, Калашный пер. до половины, Малая, Средняя и Бол. Кисловки, Воздвиженка, Моховая, поворот по правой стороне за часовней (ныне снесена. Н. К.) Охотный ряд, северо-западная и восточная часть гостиницы „Континенталь", проезд между гостиницей Тестова, сквер у Кремлевской стены, проезд между гостиницей „Метрополь" и Театральным плацем, Третьяковский проезд.

Линия красных шла: Катковский лицей, Остоженка, Еропкинский переулок, Левшинский, Денежный, Никольский, Криво-Арбатский, Борисоглебский, Поварская, продолжение Ржевского переулка на север от Поварской, Скатертный, Медвежий, Мерзляковский; линия пересечения Б. и М. Никитских через проезд церкви Вознесения, Спиридоновка, Спиридоньевский переулок, Мал. и Бол. Бронная, Богословский переулок, юго-западная сторона дома градоначальства, пересечение на расстоянии 20 сажен от Б. Никитской ул. переулков Леонтьевского, Чернышевского, Брюсовского, Газетного, Долгоруковского, Георгиевский пер., Спасский переулок, западная и южная сторона Большого театра [2]).

В этом протоколе обращает на себя внимание отсутствие демаркационных линий для обеих сторон вверх от Большого театра в сторону Лубянской площади. Одно из лиц, подписывавших протокол, об'яснило нам, что это сделано потому, что выше не было сил ни той, ни другой стороны. На самом деле это не так; известно, что красные занимали Малый театр, а белые „Метрополь" и Лубянскую площадь.

[1]) Опускаем политическую сторону вопроса и мотивы обеих сторон, побудившие их к переговорам. Они изложены с исчерпывающей полнотой во всех печатных источниках. Скажем только, что мы не согласны с утверждением Милюкова, что ВРК подписывал перемирие в целях выигрыша времени. Этот выигрыш был нужен не ему, а противной стороне.

[2]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 201.

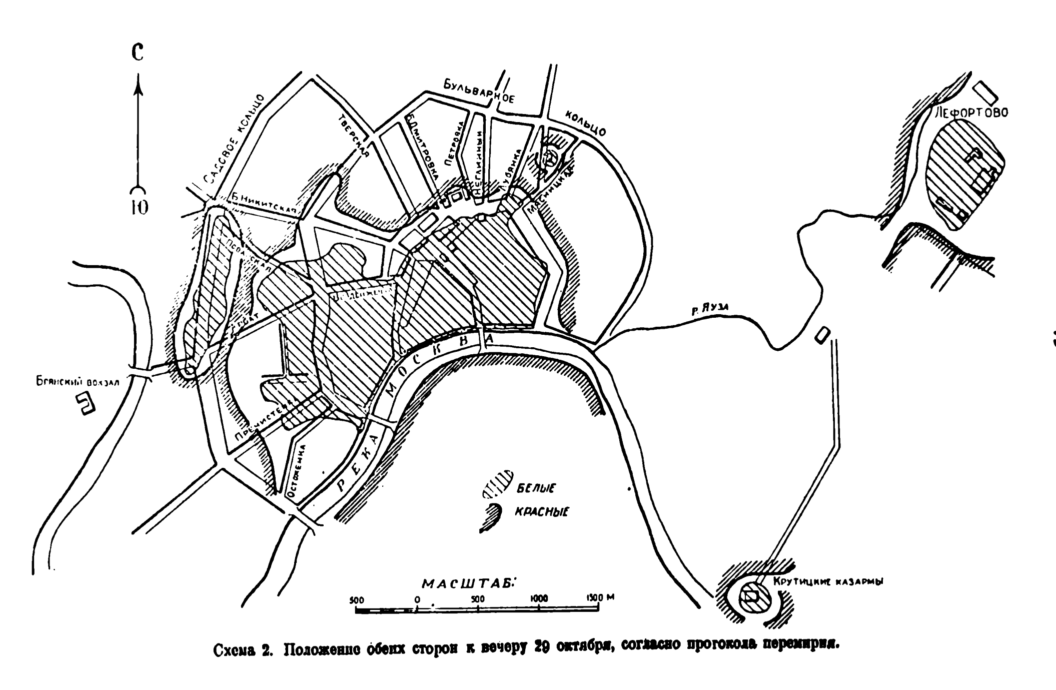

Схема 2. Положение обеих сторон к вечеру 29 октября, согласно протокола перемирия.

Поэтому мы считаем, что далее линия белых шла от „Метрополя" по Китайгородской стене, охватывая Лубянскую площадь и вновь перейдя на Китайгородскую стену, огибая ее и идя по линии р. Москвы, до смыкания своего с южной демаркационной линией, установленной для белых. Этот протокол давал общее, но не исчерпывающее понятие о положении обеих сторон; узел Никитских ворот, согласно условий, лежавший в нейтральной зоне, продолжал оставаться фокусом упорной борьбы обоих противников.

Тонкая перемычка красных разделяла между собой район Пречистенки и Остоженки, занятых белыми, от Новинского и Смоленского бульваров, на которых продолжала держаться 5-ая школа прапорщиков.

Однако, несмотря на отдельные очаги сопротивления белых в районах, уже густо насыщенных красными (Лефортовский узел, 5-ая школа), положение их являлось уже безнадежным. Всеми предшествующими усилиями им не удалось прорвать кольца обложения и даже обеспечить себе связь с районом Смоленского рынка, так как единственная более или менее доступная для них линия связи, в виде улицы Арбата, постоянно насыщалась мелкими партиями красных и они должны были периодически очищать ее от последних.

Подписание перемирия не повлекло за собой прекращения боевых действий, а лишь относительное затишье в них. Обе стороны не прекращали борьбы за Никитские ворота и совершали свои перегруппировки. В ночь с 29 на 30 октября небольшой отряд белых (15 человек) открыл по Арбату сообщение с Брянским вокзалом, прогнав с Дорогомиловского моста примерно такой-же силы отрядик красногвардейцев (20) человек) и провел в Александровское училище, высадившийся на Брянском вокзале, ударный батальон [1]). В ту же ночь обе стороны вошли в настолько тесное соприкосновение у Никитских ворот, что перестрелка и стычки между ними не прекращались. Красные (мелкими партиями по 5—10 человек) заняли верхние этажи домов по правой стороне Б. Никитской (если стать к ней лицом от Моховой) большой дом кн. Гагарина (ныне на его месте памятник Тимирязева и сквер) и старую Никитскую аптеку. Белые засели в домах противоположной стороны и в театре „Унион" и с утра 30 октября стремились закрепить свое положение в районе Никитских ворот, выбив красных из домов по правой стороне Б. Никитской. Но главной целью их действий являлся дом кн. Гагарина. Борьба за этот дом составляет все внутреннее содержание боевых действий обеих сторон в районе Никитских ворот во все последующие дни до прекращения боевых действий. К 16 часам 30 октября белые выбили красных из домов по правой стороне Б. Никитской, прилегающих

[1]) Предыдущий источник, стр. 77.

к Никитским воротам; они заняли Старо-Никитскую аптеку, но тут их продвижение было остановлено огнем с шестого этажа дома Гагарина.

Для характеристики потерь интересны цифры потерь обеих сторон при взятии белыми дома на Б. Никитской против Калашникова переулка. Белые потеряли убитыми 4-х человек (из них 3 офицера); красные 4-х человек, заколотых штыками за сопротивление (1 офицер и и 3 солдата), и трех пленными [1]). Взять дом Гагарина в этот день

Дом князя Гагарина у Никитских ворот после боев. В настоящее время на этом месте сквер и памятник Тимирязеву.

белым не удалось. Зато красные в этот же день окончательно утвердились по всей Тверской, вниз от здания Моссовета, и их партии проникли даже до Иверских ворот [2]).

Все эти действия, возникавшие, очевидно, по инициативе отдельных частных начальников и даже бойцов, преследовали цель улучшения и выправления своего положения на отдельных участках.

Гораздо большее значение и притом в общем масштабе имела сдача Лефортовского узла сопротивления белых, последовавшая днем 30 октября. Это событие развязало значительные силы красных Баумановского района и те шесть 42-лн. гаубиц, которые вели бомбарди-

---

[1]) Тот же источник, стр. 78.
[2]) Там же стр. 242.

ровку этого узла. С 31 октября эта артиллерия и вооруженные силы Баумановского района появляются уже в Сокольническом районе и в Замоскворечьи. Нам в точности известно использование двух из этих орудий, направленных под командой тов. Н. С. Тулякова и под прикрытием 20 красногвардейцев к Андроньевскому монастырю для обстрела Кремля. Он прибыл к монастырю около 16 часов и открыл огонь по Спасским воротам Кремля. Остальные четыре орудия были использованы, повидимому, в Сокольническом районе [1]). Затянувшееся сопротивление телефонной станции заставляло спешить покончить с нею. Ее положение в узком переулке чрезвычайно затрудняло обстрел ее артиллерийским огнем. По крайней мере так гласило донесение без даты комиссара 1-й зап. артиллерийской бригады [2]).

Совершенно неизвестно, какие цели ставило себе белое командование в общем масштабе на 31 октября. Повидимому, в этот день оно не имело в виду ничего иного, кроме активной обороны, при чем наиболее оживленный характер операции носили в районе Арбата и Смоленского рынка с прилегающими бульварами. Здесь в течение дня 31 октября белые восстановили вновь по улице Арбату свою связь с Смоленским рынком, очистили от красных прилегающие переулки и Новинский бульвар., закрепили за собой Дорогомиловский мост, на Поварской задержали красных у первого переулка от Кудринской площади [3]). Артиллерия Краснопресненского района в количестве 3-х орудий, стоявшая в районе Зоологического сада и Кудринской площади, не могла помешать белым. На Пречистенке и Остоженке борьба приняла затяжной характер, при чем на Остоженке красным удалось лишь прочно закрепиться в Зачатьевском переулке. Но зато во всех прочих районах перевес ясно склоняется на сторону красных. На Тверской улице красные отбросили белых к Иверской часовне; последние устроили окоп на Красной площади поперек проезда в Иверские ворота, идущий от бокового входа в городскую думу к зданию Исторического музея, поставили в нем два пулемета и задержали дальнейшее продвижение красных. В этот же день красные прочно закрепили за собой все выходы на Театральную площадь и приступили к артиллерийскому обстрелу телефонной станции. Покровка и Маросейка были полностью в руках красных, также, как и Лубянская площадь, к которой стягивались подкрепления красных из Баумановского района. В Замоскворечьи в руки красных перешли Крутицкие казармы. Они были взяты угрозой артиллерийского обстрела. По рассказу Н. С. Тулякова рабочие Рогожско-Симоновского района просили его помочь им ликвидировать 6-ую школу. Он под'-

[1]) Там же, стр. 223. Упоминается еще о двух орудиях из Лефортова.
[2]) Там же, стр. 241.
[3]) Тот же источник, стр. 223.

ехал к ней со своими двумя орудиями и предложил комитету школы сдаться, что последний и исполнил.

Единственно пролитая при этом кровь было самоубийство одного из членов комитета. Покончив со школой, Н. С. Туляков вновь отправился со своими орудиями к Кремлю и занял позицию у церкви Никиты мученика на Швивой горке. Отсюда он прямой наводкой бил внутрь Кремля по малому Николаевскому дворцу, по Спасским воротам, где стояли пулеметы белых, по угловой каменной башне и подбил одно траншейное орудие белых, выставленное ими между Чудовым монастырем и колокольней Ивана великого.

31 октября ВРК удалось увязать действия Замоскворецкого района с действиями прочих районов. В этот день ВРК ставил ему задачу занять угол Волхонки и Ленивки и район музея изящных искусств. Таким образом, можно считать, что к концу дня 31 октября было закончено обложение белых в Китай-городе и Кремле. Но им удалось удержат все свои позиции и даже частично улучшит их в секторе между Бол. Никитской ул. и Остоженкой, при чем наиболее прочным оказывалось их положение в районе, занятом 5-й школой прапорщиков.

День 1 ноября прошел под знаком завершения успехов красных в Китайгородско-Кремлевском районе и ряда частных успехов белых в выше упомянутом секторе. Это, однако, не спасло в общем безнадежного положения белых. Здесь, несмотря на усиленный артиллерийский огонь красных, белые повели атаку на дом кн. Гагарина. С крыши церкви Вознесенья они били по нему из пулемета. Начальник гарнизона этого дома прапорщик Гнедов слал ряд тревожных донесений непосредственно в ВРК, требуя помощи. Уже в 9 часов утра он просил подкрепления человек 200. В 11 часов он требовал немедленного содействия. В своих последующих донесениях угрожал отступлением и даже сдачей [1]). Неизвестно, получил ли он подкрепление или нет, но около полудня белые выбили Красных из дома Гагарина, принудив их уйти в дом на углу Малой Бронной и Тверского бульвара. Впрочем, в 13 часов дом Гагарина загорелся, что увеличило пожарище в районе Никитских ворот, так как еще накануне, т.-е. 31 октября, горел угловой дом Коробковой (ныне восстановленный дом служащих государственного банка). Море огня на некоторое время разделило сражающихся.

Борьба в районе Смоленского рынка в этот день приняла характер встречных столкновений. В этот день Хамовнический и Краснопресненский районы частью своих сил стремились ликвидировать сопротивление 5-ой школы. Хамовнический район вел наступление по Плющихе, а Краснопресненский вниз по Новинскому бульвару.

[1]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, стр. 243, 245.

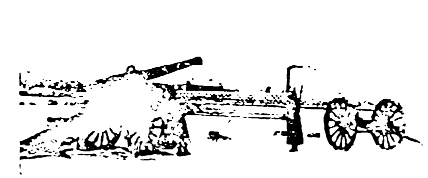
видимому, первоначально 5-я школа утратила часть своих позиций. По крайней мере, сводка донесений ВРК за 1 ноября свидетельствует о захвате красными Дорогомиловского моста, продвижении их до церкви Бориса и Глеба на Поварской и появлении партий красных на самом Смоленском рынке с одновременным занятием ими Трубниковского переулка. Но положение резко изменилось в пользу белых, когда на Смоленском рынке появились около 17 часов дня броневики, вероятно, прорвавшиеся с Арбатской площади. Они открыли огонь по Новинскому бульвару и даже прорывались до Прохоровской фабрики [1]). В ночь с 1-го на 2-е ноября начальник штаба Краснопресненского района Златоверов доносил ВРК об отсутствии у него резервов, просил подкрепление (по возможности, 100 человек), указывая, что на него юнкера направили все свои силы, и сообщал, что за день он выдержал четыре атаки [2]). К утру 2-го ноября, расчистив при помощи броневиков в течение ночи близлежащие переулки, белые опять утвердились на Дорогомиловском мосту, Смоленском рынке, Трубниковском переулке и Собачьей площадке [3]). Положение красных во всем этом секторе в ночь с 1 на 2 ноября определилось следующими пунктами: конец Плющихи (у выхода на Смоленский рынок), Неопалимовский переулок, сторона Смоленского бульвара от Неопалимовского переулка до Зубовской площади, Зубовский бульвар, Пречистенка до каланчи, Остоженка до середины [4]).

[illegible] Военно-Революционный [illegible]
[illegible] прекратить стрельбу по [illegible]
[illegible] и перенести огонь на [illegible]

[illegible] Военно-Революционного Штаба [illegible]
Секретарь [illegible]

Приказ об обстреле Кремля.

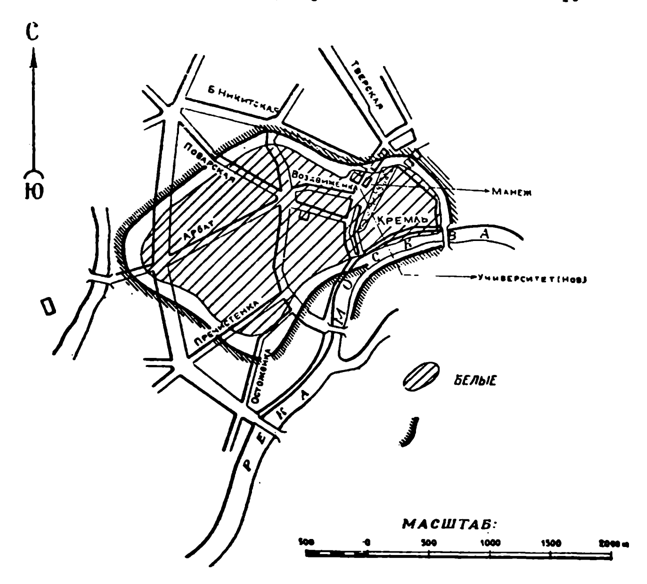
На остальном участке боевого фронта за этот день произошли следующие события: в Замоскворецком районе красные поставили тяжелую артиллерию на Воробьевых горах и

Артиллерия близ Крымского моста, обстреливавшая Кремль.

[1]) Тот же источник, стр. 226, 227. [2]) Там же, стр. 214, 258. [3]) Там же, стр. 234, 256.
[4]) Там же, стр. 211.

пристреливались по Кремлю [1]). Повидимому, в этот день красные развернули и ввели в дело свою артиллерию, которую мы приблизительно определяем в 18 полевых, 6 42-лн. японских гаубиц и 2 тяжелых (вероятно, 6") орудия. В Лубянском районе красным сдалась телефонная станция в Милютинском переулке; ее защитники в количестве 116 человек были взяты в плен [2]). Красные поставили два 42" орудия в

Положение обеих сторон 2 ноября 1917 г. при подписании капитуляции белых.

переулке за Большим театром и били из них прямой наводкой по городской думе и по „Метрополю“.

Боевые действия 2-го ноября можно охарактеризовать, как штурм последних позиций белых. Они покинули пожарище Никитских ворот, но своим огнем не допускали красных утвердиться на нем. Они продолжали удерживать в Пречистенско-Смоленском районе все позиции, на которых их застала ночь с 1 на 2 ноября, но зато не могли удержать напора красных, начавшегося с раннего утра в Китайгородско-

[1]) По словам Н. С. Тулякова там было два орудия.
[2]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве“, стр. 226.

Кремлевском районе. Здесь уже с 7 часов утра утвердившиеся в торговых рядах на Красной площади красные вели пулеметный огонь по зубцам Кремля, а красная артиллерия била по Боровицким воротам. Белые удерживали еще в своих руках собор Василия Блаженного, где у них был пулемет, и две церкви на Никольской, мешая продвижению красных вдоль улицы. „Метрополь" продолжал упорно сопротивляться, несмотря на обстрел его артиллерийским огнем с 6 утра. Только около полудня он был оставлен защитниками, вслед за тем в 13 ч. 25 м. были заняты красными городская дума и Исторический музей. В 14 часов красные, наступая по Кремлевскому переулку и по Моховой, повели наступление на новый университет и на Манеж. Овладев новым университетом, они к 17 часам дня вели наступление на старый университет, но в это время последовала капитуляция КОБ на основе разоружения белой гвардии. Этим актом закончилась вооруженная борьба на улицах Москвы в октябре—ноябре 1917 г.

В нашей работе мы старались восстановить картину стихийного под'ема и творчества масс так, как она рисуется на основании уцелевших архивных материалов, мемуаров участников и устных рассказов тех очевидцев и низовых деятелей событий, с которыми нам удалось побеседовать. Наше впечатление о стихийности процесса, составленное по печатным материалам, нашло полное подтверждение с их стороны. И если в этом стихийном движении все-таки усматривается известная военная закономерность его, то здесь мы можем усмотреть приложение на практике старого изречения Кляузевица, что все военное искусство есть не что иное, как применение здравого человеческого смысла в области войны. Заслуги ВРК заключается, на наш взгляд, в том, что он указал на правильные пути в виде простейших линий, ведущих к единой цели, и предоставил массам применять на этих направлениях свой здравый коллективный смысл. Иного, как дать общее направление стихийному движению масс в желательное русло, ВРК сделать не мог, учитывая, что организационные возможности для захвата всего движения в определенные рамки (после чего лишь можно говорить о решении каких-либо оперативных задач) у ВРК отсутствовали. Вполне правильно он ограничил свою роль в оперативном отношении постановкой общей конечной цели и общими указаниями, сделав главный уклон своей работы на стороны организационную и агитационную.

Положение для руководства противной стороны складывалось иначе. Оно располагало сравнительно небольшой, но прочно организованной вооруженной силой. Хотя общая обстановка исключала всякую возможность победного исхода борьбы, но, решившись на нее, военное руководство должно было провести ее так, чтобы извлечь наибольшую пользу из своих сил и средств. Силы оказались разбросанными в пространстве, при чем две сильных школы прапор-

ДОГ[illegible]ВО[illegible]

между Военно-Революцiонным[illegible]

ной Безопасности, 2 Ноября [illegible]

1. Комитетъ Общественной Безопас[illegible]

ствованiе.

2. Бѣлая гвардiя возвращаетъ оружiе и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенномъ ихъ званiю оружiи. Въ Юнкерскихъ Училищахъ сохраняется лишь то оружiе, которое необходимо для обученiя. Все остальное оружiе юнкерами возвращается. Военно-Революцiонный Комитетъ гарантируетъ всѣмъ свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрѣшенiя вопроса о способахъ осуществленiя разоруженiя, о коемъ говорится въ п.2, организуется комиссiя изъ представителей Военно-Революцiоннаго Комитета, представителей командного состава и представителей организацiй, принимавшихъ участiе въ посредничествѣ.

4. Съ момента подписи мирнаго договора обѣ стороны немедленно отдаютъ приказъ о прекращенiи всякой стрѣльбы и всякихъ военныхъ дѣйствiй съ принятiемъ рѣшительныхъ мѣръ къ неуклонному исполненiю этого приказа на мѣстахъ.

5. По подписанiи соглашенiя всѣ плѣнные обѣихъ сторонъ немедленно освобождаются.

Договор между Военно-Революционным Комитетом и Комитетом общественной безопасности, подписанный 2 ноября 1917 г.

щиков (5-я и 6-я) не получили никаких задач. 5-я школа вышла из положения, сама ставя себе задачи, а 6-я школа явилась совершенно бесполезной для белых зрительницей борьбы. Наличные силы КОБ были ослаблены огромным караульным нарядом.

Городскую думу, где заседал КОБ, охраняли чуть ли не две школы прапорщиков (3-я и 4-я). В казначействе на Воздвиженке содержался караул в 70 юнкеров[1]). При наличии организованного органа управления (Штаб МВО) прибегли к творчеству каких-то импровизированных штабов. План действий не был выработан заблаговременно. Задачи возникали последовательно и разрешались по мере возникновения, при чем отсутствие твердости и единства в руководстве вело к постановке себе непосильных или не соответствовавших задач. Погоня за почтамтом и телефонной станцией была не под силу белым и не целесообразна при малом количестве их живых сил. Между тем, в ночь с 27 на 28 октября они свой главный удар ведут в том направлении, упуская единственный, уже не представившийся после случай сорвать начавшее налаживаться управление красных. И в последующие дни белые действуют растопыренными пальцами в различных направлениях, стремясь для чего-то захватить вокзалы. Последние были бы все равно захвачены направленными к ним подкреплениями и без их помощи, если бы эти подкрепления дошли до Москвы. Не имея артиллерии и готовясь к продолжительной борьбе, все свои усилия следовало, по нашему мнению, сосредоточить на этой последней цели и на занятии такого положения, которое дало бы возможность сохранять выгодное тактическое положение при переговорах. Это было бы достигнуто сосредоточением всех правительственных сил в районе Смоленского рынка, Брянского вокзала с созданием опорной позиции в луке р. Москвы с флангами, опирающимися на ее берега. Отсюда можно было стараться захватить всю артиллерию на Ходынке не анархическим путем, как это сделали несколько вольноопределяющихся, а организованным путем. Из района Брянского вокзала можно было легче опереться на Калугу и даже установить с нею взаимодействие. Припомним, что район Смоленского рынка так до конца и остался в руках белых; правда, при создавшейся группировке сил, когда районом преимущественного сосредоточения белых сил явился Кремлевский район, красные также обратили преимущественное внимание на последний, уделив меньше внимания району Смоленского рынка.

В настоящем очерке мы дали общую военно-историческую канву событий и несколько наиболее существенных выводов оперативного порядка. Нам остается не менее обширный труд по подведению тактического итога событий и извлечению из него выводов теоретического порядка, что мы постараемся сделать в одной из следующих наших работ.

[1]) Сборник „Октябрьское восстание в Москве", стр. 83.

Р. ЭЙДЕМАН

ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ В ИРКУТСКЕ

(Воспоминания участника)

В БОЛЬШИНСТВЕ районов и городов Средней Сибири (Енисейская и Иркутская губернии) Октябрьский переворот произошел безболезненно, являясь логическим развитием всего хода предшествовавших событий. В одном из наиболее крупных пролетарских центров Средней Сибири, в Красноярске, еще задолго до переворота большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов уже фактически являлся единственной реальной властью в городе. Конечно, комиссары Временного правительства формально существовали, но занимались они лишь писанием циркуляров, которые никем не выполнялись. Так же безболезненно произошел переворот и в Канске, где в это время пришлось работать и пишущему эти строки. Канский совдеп, в котором подавляющее большинство составляли большевики и максималисты, осуществлявшие между собою блок, еще в мае месяце об'явил себя единственной властью в городе и уезде. Впоследствии, из чисто практических соображений (губернские органы Временного правительства пригрозили финансовой блокадой), была введена должность комиссара Временного правительства. Комиссаром был об'явлен председатель Об'единенного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов тов. Коростелев — большевик, впоследствии погибший при чехо-словацком перевороте. Фактическим же хозяином и в городе и в уезде вплоть до Октябрьского переворота оставался Об'единенный Совет.

В этих двух городах — Канске и Красноярске — находились довольно значительные гарнизоны; в частности, в Канске стояли два запасных полка. Настроение этих гарнизонов было вполне революционным — за советы и за мир. Исключение составляли лишь казацкие части Красноярска и небольшие группы фронтовиков толка Керенского (поднявшие было в ноябре „бузу" в городе Канске против Совета).

В значительно худшем состоянии оказался Иркутск — крупнейший торговый и политический центр Средней Сибири, находящийся на границе Дальнего Востока. Для понимания хода событий в Иркутске мы считаем необходимым несколько остановиться на характеристике его экономики и населения. В экономике города Иркутска в дореволюционное время главную роль играл торговый капитал. Это об'-

ясняется географическим положением самого города, находящегося, во-первых, на единственном пути, ведущем к Ленским приискам и в далекую Якутию с ее охотничьими и рыбными промыслами, приисками и т. д.; во-вторых, вблизи Манчжурии и Внешней Монголии. Иркутск, как все города восточных окраин, игравших в царской России роль колоний, был насыщен значительным контингентом бюрократии и служилой интеллигенции. Политическое значение Иркутска для целого края подкреплялось еще и раположением в нем штаба Иркутского военного округа, сыгравшего впоследствии не малую роль в декабрьских событиях.

После февральской революции около штаба округа, в связи с нарушением нормального питания фронта людским пополнением, стали скопляться значительные группы офицеров, числившихся в резерве штаба округа. Впоследствии среди них было не мало и корниловцев. Здесь следует припомнить, что перед Корниловским восстанием с фронта в тыл были двинуты значительные группы реакционно настроенных офицеров, под предлогом отдыха и замены их не побывавшими на фронте. Правда, данный процесс насыщения тыла реакционными элементами армии еще мало вскрыт нашей литературой, но, надо полагать, что насаждение офицеров корниловского и правоэсеровского толка в наиболее решающих гарнизонах шло повсеместно. Под этим углом, повидимому, рассылались и отдельные группы унтерофицеров-фронтовиков, появившихся в июле и августе в наиболее революционных гарнизонах Сибири. Резерв офицеров Иркутского военного округа впоследствии в декабрьских событиях сыграл немаловажную роль.

Промышленность города Иркутска находилась в зачаточном состоянии. Она была представлена несколькими мыловаренными и кожевенными заводами и такими предприятиями временного характера, как различные мастерские военного времени. В общей сложности, если не ошибаюсь, в 1917 году в Иркутске насчитывалось, включая и железнодорожных рабочих, не более 6—7 тысяч пролетарского населения, при чем в нем была значительная группа рабочих, связанных с каким-нибудь домашним хозяйством, в роде собственного домика на окраине. Ясно, что эта горсточка пролетариата на общее количество населения в 120.000 человек, в большинстве состоявшего из мещанского и чиновнического элемента, могла приобрести руководящую роль в развитии революционных событий лишь в том случае, если оказалась бы налицо достаточно сильная большевистская организация. Но этого как раз и не было. Руководители иркутской большевистской организации придерживались тактики единства российской социал-демократической рабочей партии. Взаимные обязательства большевиков и меньшевиков, заключавшиеся в том, чтобы не вести фракционной работы и сохранить единство партии, приводили к отсутствию у

большевиков твердой, четкой собственной линии. Агитация большевиков, в большинстве случаев, носила принципиально-программный характер, без необходимой действенности и актуальности. Зато значительно свободнее чувствовали себя меньшевики. Из-за нежелания решительно порвать с меньшевиками, большевистская организация, вплоть до сентября, имела сравнительно небольшое влияние на массы, в том числе и на гарнизон. Между тем, 4 запасных полка и 718 дружина—весь солдатский гарнизон города Иркутска, мечтавший, как и все гарнизоны, о мире и демобилизации, стихийно протестовавший против войны, представлял собою благодарную почву для четкой и заостренной большевистской агитации. Этой агитации не было. В одно время гарнизон даже пошел за анархическим Солдатским Союзом, весьма шумным и болтливым, но неспособным организовать возмущенную стихию для революционных действий.

В сентябре месяце, кажется, в связи с отправкой новых войск на фронт, иркутский гарнизон был близок к восстанию. Однако, восстание не было поднято,—анархический Солдатский Союз, кроме шума, ни на что другое не оказался способным. Гарнизон без особого труда был разоружен эсеро-меньшевистскими властями.

Наиболее многочисленной в Иркутске до сентября была партия эсеров, впитавшая в себя значительные слои иркутского мещанства и опиравшаяся на имевшиеся в Иркутске три школы прапорщиков, юнкерское училище и казачий дивизион. Левые элементы среди эсеров были численно слабы и весьма нерешительны.

Интересно отметить еще то обстоятельство, что иркутские совдепы (военный, рабочий и крестьянский) вплоть до последних перевыборов, происшедших в начале ноября, существовали раздельно. Это вполне соответствовало политике эсеров и меньшевиков, державших курс на буржуазно-демократическую революцию, и поэтому не заинтересованных в закреплении союза основных движущих сил[1]). Эсеры и меньшевики тут, как-будто, исходили из принципа: „разделяй и властвуй“. При таком раздельном существовании советов, конечно, нельзя было думать об обеспечении за пролетариатом руководящей роли в событиях.

Только с конца сентября, когда происходит раскол иркутской РСДРП, большевики начинают более решительно вести свою самостоятельную политику[2]). Влияние эсеров и меньшевиков резко идет

---

[1]) В печати мне пришлось встретить утверждение, что и в Канске совдепы существовали раздельно. Это не верно. Еще в мае или даже в апреле в Канске был создан Об'единенный Совет, составленный из представителей всех трех советов и являвшийся высшей властью в уезде и городе. Его можно рассматривать лишь, как общий президиум советов.

[2]) В конце сентября иркутская организация большевиков была подкреплена т. Б. Шумяцким, представителем ЦК, командированным для работы в Иркутск. Б. Шумяцкий—один из активных работников большевистского Красноярска.

Письмо, написанное В. И. Лениным 10 октября 1917 г. из Выборга, где жил Ленин на нелегальном положении, к тов. Смилге в Петроград. В письме Ленин форсирует вопрос о вооруженном захвате власти. Фамилия адресата по конспиративным соображениям была вырвана.

Фот. предоставлена Институтом Ленина.

на убыль. Четко выдвигаемые лозунги большевиков находят широкий отклик в гарнизоне и рабочих массах. Иркутский комитет большевиков сразу же, в конце сентября, приступает к созданию военной организации (Военка), ставящей своей задачей закрепление влияния партии в гарнизоне. Военка управляется при помощи делегатского корпуса, составленного по принципу широкого представительства от солдатских низов (по 4—5 человек от каждой роты), и Бюро, избранного солдатскими делегатами. Военка ставит перед собой чисто политические задачи. Вопросы, связанные с подготовкой восстания и техникой его проведения, как бы остаются в тени. Основной задачей Военки было — добиться перевыборов военного совета, непопулярного в солдатских массах, считавших его основным виновником (как оно и было) сентябрьского разоружения. Другим лозунгом Военки, весьма популярным в гарнизоне, было требование о возвращении оружия. Результаты работы Военки сказались быстро. Военный Совет, состоявший в громадном большинстве из приверженцев эсеров и меньшевиков, упорно сопротивлялся перевыборам, и к концу сентября и началу октября уже представлял собою верхушечную организацию, ни в коей мере не отражавшую подлинного настроения масс. Военка же, а вместе с ней и партия большевиков, буквально, в течение нескольких дней стали популярнейшими организациями среди иркутского гарнизона. Гарнизон заволновался, зажил нервной, напряженной жизнью предоктябрьских дней...

Одновременно большевики начали решительную кампанию и за перевыборы Рабочего Совдепа, также своим составом уже не отражавшего происшедшего полевения масс. Интересно отметить, что в Иркутске существовало как-будто своеобразное разделение труда между соглашателями: Военный Совет находился на попечении эсеров, а Рабочим Советом интересовались, главным образом, меньшевики. Рука руку моет...

Значительную роль в подготовке Иркутска к восприятию Октябрьского переворота сыграл I Всесибирский С'езд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, открывшийся в Иркутске 10 октября. Основное участие в этом с'езде приняли красноярцы, иркутяне и канцы, приславшие наиболее многочисленные делегации. Другие районы были представлены слабее. Красноярцы (из числа их отмечу тт. А. Окулова, Б. Шумяцкого, В. Яковлева) составили ядро большевистской фракции на с'езде, весьма активно и решительно выступавшей и фактически с самого начала с'езда ведшей на своем поводу об'единенную фракцию левых эсеров и максималистов (на с'езде была довольно многочисленная группа максималистов из канцев). Наиболее многочисленной фракцией оказались большевики, проведшие значительную подготовительную работу не только в Иркутске, но и по всей Сибири. Меньшевики и эсеры пытались сорвать с'езд, выдвигая положение,

что с'езды советов должны составляться пропорционально количеству населения и что поэтому нужно дать на с'езде большинство представителям крестьянства. Эсеры, повидимому, предполагали, что представителями крестьянства должны были являться члены их партии, оказавшиеся на с'езде хотя и в весьма значительном количестве, но все же в меньшинстве. Этот аргумент эсеров был провален большинством с'езда.

Первые заседания прошли в весьма напряженной обстановке. При обсуждении общеполитического доклада, который, если не ошибаюсь, был сделан тов. Окуловым, меньшевики и эсеры, возглавляемые эсером Тимофеевым, наседали с дерзостью и апломбом государственных партий. Особенно неистовствовал Тимофеев. Однако, по первому вопросу значительным большинством голосов была принята резолюция, предложенная большевиками, четко выдвигавшая предложение о захвате власти советами.

Тимофеев, помимо официальных выступлений, пытался воздействовать и на отдельных представителей об'единенной фракции левых эсеров и максималистов. Тут я припоминаю свой разговор с Адой Лебедевой, видной работницей Красноярска, впоследствии большевичкой, зверски растерзанной во время чехо-словацкого переворота. К моменту I Всесибирского С'езда Ада Лебедева по существу была уже настоящей большевичкой, но над ней формально еще довлели некоторые традиции, а отсюда — нежелание расстаться со своей эсеровской скорлупой. Оказалось, что Тимофеев, с глазу на глаз, взялся агитировать Аду, упрекая ее в измене народничеству и т. д.

— Под конец назвал меня большевичкой,—рассказывает Ада.

— Ну, что ж?—спрашиваю.

— Пожалуй, он прав. Мы сейчас значительно ближе к большевикам, чем к нему.

Примерно так же держал себя и другой лидер лево-эсеровской фракции тов. Лозо, также приехавший из Красноярска (впоследствии большевик, талантливый руководитель партизанского движения на Востоке, предательски убитый японцами, якобы сохранявшими на Востоке нейтралитет). Канская группа максималистов твердо стояла за безоговорочный блок с большевиками. Это приводило, несмотря на колебания, которые испытывали при голосовании отдельные члены об'единенной фракции эсеров и максималистов, к тому, что резолюции фракции большевиков неизменно принимались большинством голосов с'езда, хотя эсеры и меньшевики в свою очередь и мобилизовали на с'езде все свои „живые силы“.

При обсуждении второго вопроса дня с'езда — докладов с мест (если не ошибаюсь, доклад от Иркутска был сделан Тимофеевым, от Красноярска — Глафирой Теодорович, от Канска — Р. Эйдеманом) — острый спор разгорелся вокруг разоружения иркутского гарнизона.

Советское большинство с'езда с полной беспощадностью вскрывало контр-революционную сущность этого поступка со стороны эсеровских властей города Иркутска. Тимофеев пытался было представить дело в таком виде, что усмирение не носило никакого карательного характера: мол, было дано всего 2-3 выстрела шрапнелью на высоких разрывах и полки сложили оружие. В дальнейших событиях контрреволюционность этого разоружения подтвердилась полностью.

Остальные вопросы с'езда, как вопрос о рабочем законодательстве и рабочем контроле, были обсуждены уже в более спокойной обстановке, так как в середине с'езда меньшевики и эсеры демонстративно покинули его.

Значение с'езда заключалось не только в его работах по установке общей линии политического поведения для Сибирских советов и обмене опытом, но и в революционизирующем влиянии с'езда на иркутский пролетариат и солдатский гарнизон. На с'езде, в качестве гостей, присутствовали солдаты и рабочие, слушавшие, затаив дыхание, большевистских ораторов и громом аплодисментов покрывавшие их выпады против иркутских меньшевиков и эсеров. Большевистская фракция организовала во время с'езда несколько больших солдатских митингов. Делегаты раз'езжали по казармам и предприятиям. Рабочие и солдаты Иркутска в эти дни жили напряженной жизнью, революционизируясь не по дням, а по часам.

I Всесибирским С'ездом был выбран Центральный Исполнительный Комитет (Центросибирь) во главе с тов. Шумяцким. В этот комитет, если не ошибаюсь, вошли тт. Янсон, Эйдеман (заместитель председателя Центросибири), Трилиссер, Лазо, Окулов и др. Положение Комитета в Иркутске оказалось чрезвычайно тяжелым. Он не имел даже постоянного помещения для заседаний и кое-как приютился во втором этаже помещения Географического Общества. Телеграф отказывался принимать телеграммы за подписью Центросибири. Попытки поставить свой печатный орган в течение длительного срока, кажется, чуть ли не до конца ноября, оказались безрезультатными: типографии находились под влиянием эсеровских комиссаров, бойкотировавших Центросибирь и не допускавших печатание ее органа.

Мне лично в Центросибири пришлось проработать всего несколько дней, так как вскоре я был вызван обратно в Канск, где в это время происходили выборы в Учредительное Собрание и назревали некоторые события в гарнизоне. В начале декабря, когда я собрался было уже отправиться в Петроград на открытие Учредительного Собрания, в Канск, как снег на голову, свалилось сообщение о восстании юнкеров в Иркутске. Незадолго до этого сообщения вернулись из Иркутска наши представители (во главе с максималистом тов. Соловьевым), которые обрисовали хотя и далеко не благополучную, но все же успокоительную картину о развитии событий в Иркутске,— у нас всех были надежды на возможность избежания вооруженного конфликта.

Характерный штрих для того времени. В конце ноября в Иркутске тяжело обстояло дело с продовольствием. Хлеб в течение нескольких дней поднялся в цене в два раза. Работники продовольственных органов Временного правительства саботировали переворот. Канцы, командированные в Иркутск в связи с некоторыми затруднениями в Канском уезде (отсутствие кожи, спичек, соли и т. д.), ставят военно-революционному комитету ультиматум: хлеб будет дан только в обмен на мануфактуру, соль, кожу, спички и т. д. Хлеб—у канцев; фабрикаты—у иркутян. Военно-революционному комитету Иркутска не остается ничего другого, как согласиться на ультиматум и послать кожу,два вагона спичек, соль и т. д. После этого канцы дают телеграмму о посылке хлеба.

На деле весь ход событий в Иркутске с полной неизбежностью вел к гражданской войне. Известие об Октябрьском перевороте в Петрограде эсеры и меньшевики встретили открытым саботажем. Находящиеся под влиянием эсеров и меньшевиков совдепы приняли петроградские события к сведению, как эпизод, который должен себя изжить. Печать, находившаяся в руках эсеров и меньшевиков, запугивала массы сообщениями об успехах Керенского, Каледина и т. д., создавая представление о непрочности Октябрьского переворота. Однако, в первых числах ноября (кажется так) в Иркутске происходят перевыборы Военного (солдатского) Совета и Совета рабочих депутатов. Перевыборы дают подавляющее большинство большевикам.

19 ноября происходит об'единенное заседание Совета рабочих и военных депутатов, которое, примерно, против $^1/_3$ голосов, проводит резолюцию за поддержку Октябрьского переворота и создает Военно-Революционный Комитет. Последний, обратившись к населению с воззванием о переходе к нему всей полноты власти, приступает к захвату государственных учреждений, направляя в них своих комиссаров. Эту меру военно-революционного комитета чиновничество, руководимое эсерами и меньшевиками, встречает открытым саботажем. Руководимое профессиональным союзом государственных чиновников (читай: профессиональным союзом саботажа), пользуясь щедрой денежной поддержкой из темных источников, чиновничество отказывается работать с комиссарами Военно-Революционного Правительства; на работе остается лишь незначительное меньшинство из числа наиболее революционно-настроенных элементов.

Почти одновременно с возникновением Военно-Революционного Комитета, по почину городской думы, создается „Комитет спасения революции", возглавляемый эсерами и меньшевиками. В этот комитет входят партии меньшевиков и эсеров, Губернский Совет крестьянских депутатов и др. организации. Формально этот комитет представляет коалицию соглашательских, т.-е. так называемых социалистических партий. На деле, как показывают дальнейшие события, он

является ни чем иным как крикливой вывеской, под прикрытием которой организуется самая настоящая, махровая контр-революция. „Комитет спасения революции“ опирается на имеющиеся в Иркутске три школы прапорщиков, „не зараженные большевизмом“, на военное училище и казачий дивизион. При военном училище создается штаб во главе с полковником Скипетровым, георгиевским кавалером,— популярным среди офицерства. Этот штаб приступает к организации дружин самозащиты из офицеров запаса и буржуазных сынков. В этой работе полную поддержку штабу оказывают такие организации, как „Союз георгиевских кавалеров“, „союз домовладельцев“ и т. д. Словом, штаб „Комитета спасения революции“ развивает энергичную работу по подготовке вооруженного выступления юнкеров.

Во второй половине ноября полковник Скипетров и несколько наиболее активных участников штаба были арестованы Военно-Революционным Комитетом. Однако, под давлением „Союза георгиевских кавалеров“ и других организаций — Военно-Революционный Комитет освобождает арестованных, не желая дать повода к вооруженному выступлению.

Положение в Иркутске становится напряженным,— с одной стороны, существует Военно-Революционный Комитет, об'явивший себя единственной властью в городе, но фактически еще полнотой этой власти не обладающий, с другой стороны, „Комитет спасения революции“, выдвинувший в качестве основной своей задачи борьбу с большевизмом за защиту буржуазного порядка и имущества граждан (какой жест в сторону буржуазии!). Существование такого двоевластия долго немыслимо. Либо одна из сторон должна уступить, либо кризис неизбежно должен разразиться вооруженной борьбой.

Надо отдать справедливость эсерам — они не пренебрегали никакими средствами для обессиления и подрыва основных баз Военно-Революционного Комитета. Так, в начале ноября (правда, до официального создания „Комитета спасения революции“, но под руководством эсеров и меньшевиков), штаб Иркутского военного округа издает приказ об увольнении по домам 10% солдат из гарнизона. Эта мера преследовала одну цель — ослабить все революционизирующийся гарнизон. Естественно было ожидать, что из усталого, измученного гарнизона, пользуясь этой 10% нормой, уйдут наиболее активные и недовольные элементы. Большевикам с большим трудом удалось убедить солдат отказаться от этой провокационной милости округа.

Большевики, развивая значительную политическую работу по подготовке рабочих и солдатских масс, в то же время недостаточно готовились к вооруженной борьбе.

Красная гвардия находилась в зачаточном состоянии и формирование ее шло слабо. Солдаты в ответ на требования вооружить их — получили оружие неосновного образца, не помню уже каких систем.

Пулеметы и ручные гранаты совершенно не были возвращены им. Патроны имелись в незначительном количестве. Военка, занимаясь вопросами политической организации солдат, уделяла недостаточное внимание подготовке вооруженного восстания против юнкеров. План четкий и ясный, на случай выступления юнкеров, отсутствовал. Все это впоследствии сказалось отрицательным образом на развитии вооруженной борьбы.

Такое положение в Иркутске сохранялось до 8 декабря — дня вооруженного выступления юнкеров. Формальным поводом, вызвавшим выступление, послужил отказ Военно-Революционного Комитета в ассигновании средств на выпуск юнкеров, отказ в оформлении выпуска и производства в офицеры и требование самороспуска школ. Это ударяло по карману юнкеров. У них создалось весьма напряженное настроение. Эти настроения были умело использованы эсерами и меньшевиками. Конечно, юнкера выступали не во имя под'емных денег, а во имя всех „прекрасных" лозунгов демократии—защита Учредительного Собрания, Временного Правительства и т. д. События в Иркутске начались нападением, правда, легко отбитым красногвардейцами, на Белый Дом, где были сосредоточены все советские учреждения. Этих первых выстрелов было достаточно, чтобы в напряженной иркутской обстановке они гулким эхом отозвались во всех казармах, предместьях, в центре и на окраинах... Началась гражданская война.

Как я уже указывал, мы, канцы, такого исхода событий в Иркутске, приблизительную картину развития которых я только-что обрисовал, не ожидали. Положение рисовалось нам, правда, трудным, но вместе с тем никто из нас пока не предполагал возможности вооруженного выступления юнкеров против Военно-Революционного Комитета и Центросибири. Во всяком случае мы, канцы, никаких предупреждений в этом смысле ни от Центросибири, ни от Революционного Комитета не получали. Связь действовала отвратительно. Мы считали, что положение постепенно улучшается и никаких особых мер на случай вооруженного выступления не принимали. Нас всех в то время занимали такие вопросы, как структура советской власти сверху донизу, организация нового суда и т. д., а военные вопросы сами по себе как бы отошли на задний план. К формированию Красной гвардии из железнодорожников, рабочих мукомолен и единственного маленького заводика было приступлено, кажется, еще в октябре, но это дело продвигалось вперед медленно, да и особого внимания ему не оказывалось. Запасные полки, переполненные, главным образом, старшими возрастами—сорокалетниками и старше—жили уже в это время одной мечтой: скорее домой, скорее обратно к земле.

Телеграмма о выступлении юнкеров, полученная нами, была послана со станции Инокентьевской, верстах в 7 от Иркутска (кажется, за подписью тов. Шумяцкого). Просили о высылке подкрепления—

и только. Никакой ориентации о положении в Иркутске телеграм не давала.

У нас создавалось впечатление, что Иркутск уже захвачен юнкерами, а наши пока отсиживаются в районе станции Инокентьевской. Такой вывод мог у нас напроситься еще и потому, что в районе станции Инокентьевской была расположена 3-я школа прапорщиков, которая в общем ничем не отличалась от остальных школ. Решено было действовать. На другой день к вечеру нам уже удалось сколотить и погрузить отряд в составе, примерно, трех рот по 120—150 человек в роте (большего собрать не удалось). Кое-кто в запасных полках подымал галдеж: „Обещали мир..., а теперь зовут на войну".

Отряд наш представлял собою организацию совершенно случайную — сбор людей из разных рот и полков, только сейчас сведенных в отряд. Пулеметов мы не имели, ручных гранат тоже было мало. Офицеров было всего 2—3 человека (взводами и ротами командовали унтер-офицеры). Во главе отряда был поставлен капитан С., именовавший себя большевиком, но человек для Канска новый, недавно прибывший с фронта. Личность С. до сих пор для меня не ясна. Он выдавал себя за старого большевика, но соответствующих документов, подтверждающих его партийный стаж, у него не было. Сам по происхождению финн или швед, человек мало разговорчивый, он весьма неохотно делился с нами своими воспоминаниями о прежней революционной работе. Его скупость на слова мы об'ясняли чертами его характера. Уже впоследствии мне пришлось слышать о С. ряд нелестных отзывов и сомнений; говорили даже, что его прежняя служба каким-то образом связана с полицейщиной. Но должен со всем беспристрастием сказать, что в предоктябрьские и в Октябрьские дни этот человек держал себя замечательно и был вне всяких подозрений. Его судьба в конечном счете мне тоже неизвестна. По одним данным он убит во время чехо-словацкого мятежа, по другим — уехал в Швецию и оттуда не вернулся. Единственно, чем наш отряд был достаточно обеспечен, это — продовольствием (благо ехали из богатого крестьянского района; кроме того, мы уже знали, что в Иркутске дело с продовольствием обстоит не совсем благополучно).

Большинство солдат вступили в отряд добровольно; поэтому настроение вначале держалось бодрое. Все, за малым исключением, рвались в бой. Но нас сильно смущала слабая боевая подготовка большинства личного состава отряда. Значительную часть отряда составляли возрасты, недавно призванные на службу, еще не побывавшие на фронте, естественно, плохо подготовленные, имевшие весьма смутное представление о бое, да еще о таком трудном, как бой в городе. Да и сами мы, руководители, к этому делу, признаться, были мало подготовлены.

В виду невыясненности положения, мы выгрузились на станции Иннокентьевской, не доезжая Иркутска. Здесь нам уже удалось связаться со штабом, руководившим борьбой. Наши предположения о выступлении школы прапорщиков, находившейся в районе станции Инокентьевской, оказались ошибочными. Тут я позволю себе несколько остановиться на весьма интересном эпизоде, связанном с этой школой. Как мы потом выяснили, 8 декабря, когда в городе уже началась вооруженная борьба, школа прапорщиков на станции Инокентьевской, очевидно, в виду плохой связи и отсутствия достаточной ориентировки о ходе событий в городе, продолжала сохранять колеблющийся, враждебный нам нейтралитет. Это было установлено советским штабом. В школу прапорщиков ночью с 8-го на 9-е был направлен т. Шумяцкий, который с большим риском для жизни пробрался в помещение школы. Начались митинги, уговаривания переговоры. К полудню 9 декабря школа согласилась демобилизоваться при условии выплаты юнкерам около 200 р. под'емных денег, выдачи обмундирования и т. д. Тов. Шумяцкий принял эти предложения, и школа была срочно погружена и отправлена. Такой шаг штаба красной стороны надо признать вполне целесообразным. При борьбе с восстанием в городе искусство руководителей заключается не только в умении бороться с уже выступившими частями противника, но и в умении нейтрализовать, оторвать от него колеблющиеся войсковые части, каких в условиях восстания всегда будет не мало.

На станции Инокентьевской нам уже удалось связаться со штабом, руководившим борьбой. Во главе его стоял, по чину подпоручик или поручик, бывший эсер тов. Дмитриев, энергичный, настойчивый человек, сосредоточивший в своих руках руководство военной стороной борьбы. В штабе же работали т.т. Янсон, Шумяцкий и другие. Мы получили приказание немедленно выступить на фронт.

Обстановка оказалась далеко не такой страшной, как рисовалась вначале. Железнодорожная станция с прилегающим пригородом, также и единственный понтонный мост через Иркутск, находились в наших руках. Восставшие действовали крайне вяло; не был достаточно использован элемент внезапности. Только этим можно об'яснить, что станция и мост оказались незахваченными. С первых действий восставших выявился преимущественно оборонительный характер их действий. Юнкера захватили, при том весьма мало организованно, центральную часть города и, ограничиваясь лишь отдельными налетами, не проявляли большого стремления к расширению своей сферы. Их положение ухудшалось еще тем, что наш отряд, осажденный в Белом Доме продолжал держаться (сдался этот отряд лишь незадолго до перемирия), пока окончательно не иссякли силы и патроны оборо-

няющихся; героическая защита Белого Дома заслуживает отдельного исследования.

В Белом Доме находился ряд ответственных работников Иркутска (т.т. Трилиссер, Постышев, Швецов, Зотов и др.). Обороной Белого Дома руководили два офицера-большевика — Зотов и Блюменфельд. Гарнизон Дома достигал всего 150 человек, вооруженных винтовками, револьверами, но не имевших гранат и пулеметов. За время 8-дневной осады юнкера несколько раз пытались штурмом взять Белый Дом, но их атаки неизменно отбивались героическим гарнизоном, терпевшим недостаток в патронах и продовольствии. Связь с Белым Домом поддерживалась при содействии нашего пролетарского Красного Креста, широко развернувшего свою работу во время борьбы с юнкерами (во главе Красного Креста стояла тов. Иогансон, проявившая себя, как прекрасный организатор и героический участник этих дней). В общем ходе событий оборона Белого Дома сыграла немаловажную роль. Нахождение в тылу юнкеров нашего гарнизона не могло не отозваться сковывающе на их маневроспособности, в то же время парализуя в известной мере действия и на участках. Вообще, в уличной борьбе отдельные опорные пункты, занимаемые стойким гарнизоном, руководимые мужественными начальниками, продолжающие держаться даже в тылу расположения противника,— будут всегда играть чрезвычайно важную роль в определении исхода борьбы.

Впоследствии нам стали ясны причины таких недостаточно энергичных действий юнкеров. В деле спровоцирования юнкеров на восстание не малую роль сыграло лживое обещание о поддержке, которую должны были оказать забайкальские казаки. Ожидание этой поддержки и придавало всему восстанию характер активной обороны. Основное правило всякого восстания — активность и еще раз активность, не оборона, а наступление, при этом достигающее крайнего предела своей стремительности, требующее напряжения всех сил восставших,— это основное правило не было соблюдено восставшими. В этом сказалась обреченность восстания.

Но все же, несмотря на такой оборонительный характер действий юнкеров, наше положение в Иркутске было чрезвычайно тяжелым. Часть наших сил составляла слабо вооруженные и еще слабее подготовленные отряды запасных частей, мечтавшие о мире, обещанном им Октябрьской революцией, весьма неохотно шедшие на борьбу с юнкерами. Большинство бойцов кое-как обращалось с винтовкой, знающих же ручную гранату, одно из основных средств уличного боя, и умеющих обращаться с нею было чрезвычайно мало. Самое главное — на нашей стороне не было ни одного пулемета. Этот недостаток несколько возмещался артиллерией. Вся она была на нашей стороне. Но действия ее были крайне стеснены климатическими условиями: река Ангара, благодаря своему весьма быстрому течению, не

замерзла; над городом поэтому все время стоял густой туман при 30—40° мороза. Это мешало наблюдению. Артиллерия не имела возможности сбивать очень удачно расположенные пулеметы юнкеров, а вела обстрел по площадям. Значительная часть артиллерии, помещенная на правом берегу Ангары в направлении железной дороги, стреляла с расстояния от 3 до 4 верст. Я не помню ни одного случая, чтобы орудия были использованы в этих боях для стрельбы прямой наводкой по обнаруженным огневым точкам и опорным пунктам противника. Поэтому, артиллерия, дезорганизовывая своим беспрерывным обстрелом тыл юнкеров, при всей ее добросовестной стрельбе все же не давала должного эффекта для перехода к непосредственным боевым столкновениям. Положение юнкеров облегчалось еще тем, что они занимали центр города, действуя по внутренним операционным линиям и быстро перебрасывая свои резервы на наиболее угрожаемые участки. Наконец, в руках юнкеров оказалось несколько бомбометов, весьма удачно ими примененных для борьбы с нашими опорными пунктами. В иркутских боях бомбомет показал себя, как прекрасное оружие для использования в уличных боях.

Поздно вечером, не помню какого числа, канцы вступили в город. Когда мы проходили мост, над нашими головами с воем проносились снаряды. В тумане, окрашивая его в розовый цвет, зловеще колыхалось зарево пожара: горел город, пламенем был об'ят и знаменитый Второвский пассаж, и кровавыми пятнами этот туман дрожал, падал в Ангару. Батальон шел молча, сохраняя ногу, но в напряженности его движения уже чувствовалась плохо скрываемая внутренняя тревога случайной, неорганизованной части.

Наш штаб, руководивший борьбой, находился недалеко от моста, кажется, в здании женской гимназии. В штабе мы встретили т.т. Янсона и Шумяцкого. При тусклом освещении керосиновых ламп и свечей (электричество уже не действовало) лица казались серыми, измятыми, глаза воспаленными от бессонных ночей. Сам штаб представлял собою учреждение весьма импровизированное. Как мы потом выяснили, он фактически возник лишь в первый день восстания. Никакого аппарата штаб не имел; естественно, в нем не было и четкого разделения чисто оперативных функций (оперативная служба, разведка и т. д.). В основном всей оперативной работой руководил т. Дмитриев, которого дергали без конца и без жалости отряды, дравшиеся на фронте, и прибывавшие в штаб люди. Надо прямо удивляться изумительной энергии и выносливости этого человека, сумевшего в такой обстановке все же руководить ходом борьбы в военном отношении. Находившиеся при штабе представители партии, Военно-Революционного Комитета и Центросибири, исполняли обязанности политического и организационно-снабженческого порядка; они же организовывали отряды, энергично приводили в порядок бегущих с фронта и т. д.

Импровизированность штаба чувствовалась на каждом шагу. Фронт не был разбит на сектора, поэтому отдельные отряды сносились непосредственно со штабом. Насколько припоминаю, техническая связь с отрядами у штаба отсутствовала. Не была поставлена и ординарческая служба. Связь на мотоциклах и автомобилях, весьма ценная в уличной борьбе, совершенно не применялась. Основной формой связи являлась посылка делегатов штаба в части и обратно. Такое отсутствие связи было мыслимо лишь в тогдашней обстановке, когда все войска красной стороны об'единялись одним порывом — подавить юнкеров, во всяком случае, не дать им возможности расширить район восстания. В пределах этого понимания общей обстановки все начальники проявляли свою самостоятельность и инициативу.

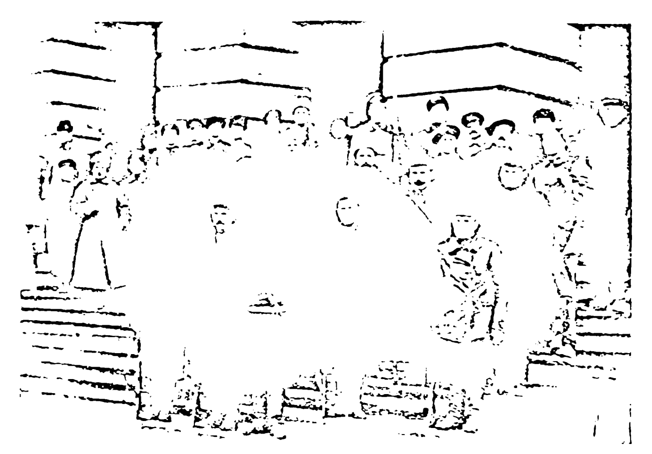
Конечно, поставленный в такие условия штаб не мог иметь и не имел полной картины того, что творилось на фронте.

Но, вместе с тем, он был тем единственным организующим центром, который двигал в бой части, организовывал новые, формировал подкрепления, боролся с бандитизмом, вдохновляя на бой... Это был один из тех штабов, который, с точки зрения военного искусства, должен быть раскритикован жесточайшим образом. Это был штаб восстания, штаб революционных действий, когда быстро развертывающаяся обстановка не дает времени для отшлифовки деталей... Наш батальон получил боевую задачу и тронулся. Задачей батальона являлось — пробраться на соединение с осажденным гарнизоном Белого Дома.

Эту задачу отряд не выполнил. Как и следовало ожидать, начальствующий состав и солдаты обнаружили полное неумение действовать в условиях уличного боя. Юнкера крепко заняли цепь опорных пунктов на участке отряда и держали под пулеметным и ружейным огнем перекрестки улиц. Наступательный порыв отряда разбился после того, как он несколько раз нарвался на шквальный огонь юнкерских пулеметов. Отряд залег, частью засел в домах. Началась нудная перестрелка с юнкерами.

Причины такого неуспеха Канского отряда, в частности, следует искать и в том, что ни командование, ни отряд не были достаточно знакомы с расположением города. Командный состав перед тем, как повести отряд, не достаточно ознакомился с расположением противника, с характером отдельных построек, с планировкой улиц и т. д. Между тем, самый процесс вступления войск в бой в уличной борьбе значительно сложнее, чем в полевой войне.

Когда пишущий эти строки вернулся в штаб, последний уже переходил на новое место, более удобное для управления. Здание опустело. Часа в 2 — 3 ночи где-то вблизи затарахтел пулемет. В здание штаба стали прибывать одиночные люди как из Канского отряда, так и из других. Многие из них приносили в глазах страх и в словах панику. Мы с капитаном С. отправились на проверку участков. Капи-

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Октябрьский переворот в Петрограде. Красная гвардия у Смольного.

тан С., повидимому, благополучно добрался до своего участка. Наша же группа, с которой шел и я, буквально, в нескольких шагах от штаба, пробираясь гуськом вдоль стены, почти грудь с грудью столкнулись с разведчиками юнкеров. Затрещал пулемет. Кое-кто из наших оказался раненым. Где основные наши силы мы точно не знали. Осталось одно — отступать к зданию штаба.

Обороняться мы решили, заняв второй этаж здания.

Сюда сбилось много панически настроенных людей, которые только мешали. Вся картина дополнялась темнотой. Кое-как удалось расставить нескольких бойцов и гранатометчиков около окон. Вблизи лестницы разместилась группа во главе с одним черемховским рабочим, прекрасным гранатометчиком.

Несколько минут тревожного ожидания. И вот, уже начинается перебежка юнкеров над берегом Ангары. Куда они идут? Очевидно к мосту... Началась перестрелка. Юнкера забрасывали нижний этаж гранатами. Казалось, что верхний этаж, в котором мы находились, проваливается. Юнкерский пулемет, ворвавшись в окно, жадно щелкал в пустом нижнем этаже.

Черемховец, отогнав от лестницы несколькими метко брошенными ручными гранатами группу наиболее смелых юнкеров, перебегал от окна к окну, с неимоверной сноровистостью и быстротой бросая гранаты. У юнкеров могло создаться впечатление, что здесь, во втором этаже, засела целая группа гранатометчиков. Оставаться так дальше

в здании нельзя. Надо организовать вылазку. Как поднять на это, как организовать набившихся в комнаты и коридоры вооруженных людей, беспомощных в своей растерянности?

В темноте обстреливаемого здания тревога и смятение. И организующая воля смелых, нетеряющихся бойцов. И силуэт дерзкого черемховца в просвете окна.

По коридорам и комнатам мечется сестра из пролетарского Красного Креста.

— Стыдитесь! Кто вы, солдаты или бабы?... Нюни распустили.

Слова женщины заражают своей бодростью, заставляют подниматься и вылезать из углов наиболее растерявшихся.

И сама в числе первых, в числе смельчаков выскакивает на товущую в предрассветном тумане улицу.

За этим смелым авангардом все, кто в темной панике набились в здание штаба, вихрем вырвались на улицу и устремились к мосту. Этот вихрь ста пар обезумевших ног в предрассветном тумане создавал впечатление какой-то дикой, озверелой атаки. Юнкера, продвинувшиеся было к мосту, подались в сторону.

В здании, прикрывая вылазку, осталось всего несколько человек, в числе их — черемховец-гранатометчик (черемховский забойщик) из красногвардейского отряда. Оставшиеся решили отступить организованно. Светало... Но туман еще более густой, чем ночью, стоял над городом, скрывая все в 40—50 шагах от нас. Все же юнкера нас заметили. Когда трое или пятеро из нас хотели покинуть разрушенное, с выбитыми стеклами, опустевшее здание, пулеметный ветер захлопнул перед нами дверь.

Юнкера повторили вылазку. Положение ухудшалось тем, что здание начала обстреливать наша артиллерия, и при этом весьма удачно. Мы, стоя у лестницы и окон, стреляли.

Но... откуда этот едкий дым? Слезятся глаза, трудно дышать. Горим... Юнкера подошли к зданию. А дальше... дальше начинается длинная повесть о том, как перескакивая через языки пламени, из горящего здания, отстреливаясь, пробивались красногвардейцы.

Утром положение на участке было восстановлено без особого труда.

Примерно такие же колебания происходили на других участках. Юнкера, время от времени, производили удачные налеты, прорывая наш фронт, но никогда не дерзали развить дальше достигнутый в налетах успех. Мы в свою очередь платили тем же.

Наши действия, в общем, также носили оборонительный характер. Ожидалось подкрепление из Красноярска и Ярчинска. Из Красноярска двигалась тяжелая артиллерия. Ожидались пулеметы. Это подбадривало бойцов, но это ожидание, вместе с тем, придавало оборонительный характер нашим, формально, наступательным действиям.

Разница лишь в том, что оборона для нас в этих условиях была уже явлением не только не опасным, а, пожалуй, вполне естественным. Шло нарастание сил, подтягивались, помимо солдатских частей, наспех формировавшиеся красногвардейские части Черемхова. Наша оборона имела за собой громадный тыл — Сибирь, ставшую советской, юнкерская же оборона — несколько кварталов полуразрушенного города и... вчерашний день истории.

Из тактических особенностей борьбы в Иркутске следует остановиться на практиковавшемся кое-где использовании метких стрелков. Таких среди красногвардейцев и солдат из числа коренных охотников было не мало. Обыкновенно группа отличных стрелков замаскированно устраивалась в таком месте, откуда был возможен широкий обстрел и хорошее наблюдение. При появлении бомбометов и пулеметов противника меткие стрелки либо снимали прислугу, либо заставляли прекращать огонь. Это был единственный способ борьбы с пулеметами и бомбометами при отсутствии этого рода оружия у нас. Припоминаю весьма характерный эпизод, свидетелем которого был я сам. В числе канцев находился тов. Хаджи-Омар-Гетоев (кавказский революционер, несколько раз присужденный заочно к смертной казни царизмом и, наконец, растрелянный в 1919 году семеновцами; личность чрезвычайно интересная, вдохновенный боевик-революционер). Гетоева мы все знали, как стрелка исключительной меткости. Эту свою репутацию он поддержал и в Иркутске.

Гетоеву сообщили, что юнкера почти беспрепятственно производят перебежку через улицу, накопляясь в соседних домах, очевидно, не неся никаких потерь от нашей стрельбы. Гетоев рассвирепел. Надо было видеть его, как он, весь внимание и напряженность, уставился в улицу любопытным, единственным глазом винтовки. Гетоев словно исчез, ушел в свое оружие.

Выстрел... Юнкер, только-что перебегавший улицу, взмахнув руками, упал.

Новый выстрел... Второй юнкер бросился обратно, встряхивая раненой рукой.

Перебежка кончилась. Перебежавшие улицу, через некоторое время стали перебираться обратно.

— „Вот так надо стрелять... Патроны тратите... Смотрить надо...

Борьба сопровождалась широким разгулом уголовщины. Оказалось, что при организации Черемховских красногвардейских батальонов туда попал некоторый процент уголовных, сосланных в свое время на рудники. Одно из основных правил уличной борьбы — тщательность подбора личного состава отрядов, участвующих в борьбе, — таким образом, нами не было полностью соблюдено. Уголовные элементы озлобляли обывателя, толкали его на активное сочувствие юнкерам. Развертыванию уголовщины не мало помог и один из командиров отрядов,

именовавший себя анархистом и выбросивший лозунг: „имущество побежденных принадлежит победителям". Военно - Революционный Комитет и Штаб решительно боролись с грабежами, прибегая даже к расстрелам.

Впоследствии для нас стало ясно, что выступление юнкеров в Иркутске вовсе не носило случайного и изолированного характера. Оно по времени совпало с целым рядом событий, сигнализировавших о наличии какого-то широкого плана по превращению Сибири в плацдарм для борьбы с Октябрьским переворотом. 13 декабря Семенов со своим казачьим отрядом захватывает станцию Манчжурию на Дальнем Востоке. Примерно того же числа (в это время в Иркутске уличные бои были в разгаре), в Харбине, при поддержке переодетых японских войск и китайских милитаристов, происходит белогвардейский переворот. Большевистски настроенный гарнизон разоружается. Совет разгоняется. Власть переходит в руки генерала Хорвата. 6 декабря в Западной Сибири в Томске открывается чрезвычайный Областной С'езд Советов, руководимый эсерами (кстати, томские большевики не приняли мер к недопущению с'езда). Задачей этого с'езда ставилось создание Временного Правительства для Сибири. С Чрезвычайным Областным С'ездом во время восстаний сносится и Иркутский „Комитет спасения революции", возглавляемый Тимофеевым. Однако, весь этот далеко не плохо задуманный план сибирской контрреволюции был сметен Октябрьским тайфуном, пронесшимся над Сибирью.

Кажется, 17 декабря, после 9-дневных боев, было заключено перемирие между борющимися сторонами. Начались переговоры о мире. „Комитет спасения" соглашался на разоружение юнкеров и своих отрядов лишь при условии такого же разоружения советских отрядов. Одновременно выдвигались требования о создании коалиционной власти — от народных социалистов до большевиков включительно. Не помню, был ли подписан такой мирный договор, но знаю только, что предложения Комитета Спасения не нашли никакого одобрения ни в Центросибири, ни в прибывших и продолжавших прибывать на подмогу иркутянам отрядах от остальных районов Сибири. Больше того, эти отряды ультимативно требовали безусловной капитуляции юнкеров.

В мирные переговоры на второй или третий день вмешались иностранцы, потребовавшие свидания с Военно-Революционным Комитетом. Переговоры с иностранцами состоялись в местечке Глазгово, кажется, в одной из офицерских столовых (собраний). Как сегодня помню эти переговоры.

С одной стороны, мы (основную роль в переговорах с нашей стороны играл т. Шумяцкий)—обросшие, в грязных полушубках и кацавейках, только что пришедшие с боев, из горящих зданий. С другой стороны, „они" — чистенькие, прилизанные, но... нервные. Особенно

нервничал французский консул. Какой ужас!—в его квартиру попал снаряд. Где тут экстерриториальность, международное право? Француз кипятился, но его очень добродушно старался успокоить китаец. Японский консул довольно прозрачно намекал на то, что ежели советы не примут мер со своей стороны, не проявят достаточной уступчивости, то мол Япония должна будет принять какие-то более реальные меры к обеспечению нормального порядка в Сибири и... почему-то во Владивостоке (во всяком случае, что-то о Владивостоке японский представитель говорил—это помню твердо).

Восставшие пред'являли условия: не разоружать юнкеров, создать коалиционную власть из представителей городских самоуправлений и других организаций. Военно-Революционный Комитет на эти условия не соглашался.

Мирные переговоры затягивались, но как-то чувствовалось, можно сказать—носилось в воздухе, что у восставших уже нет сил для под'ема новой боевой вспышки, нет сил для нарушения перемирия. Юнкера группами без оружия просачивались в наше расположение, и разбредались. В дальнейшем, как и надо было ожидать, вся сущность „нейтралитета“ и „экстерриториальности“ иностранных консулов (особенно представителей союзников) выявилась полностью. Некоторые из них, пользуясь правом экстерриториальности, укрывали у себя основных вождей восстания, снабжая их фальшивыми документами и помогая им переправляться в Манчжурию и Монголию.

Мы потеряли в Иркутске несколько сот убитыми и ранеными (характерно, что потери юнкеров составляли примерно $^1/_4$ общих потерь). Мы дорого заплатили за свою, в тех условиях вполне понятную, боевую неподготовленность. Только великий пафос Октябрьской революции мог двигать в бой слабо вооруженные, еще слабее управляемые и не обученные отряды.

Декабрьская борьба в Иркутске, в конечном счете, только одна из страниц той великой борьбы, которая развернулась в Октябре...

Но в Иркутских событиях уже налицо все элементы разворачивающейся с каждым днем гражданской войны: меньшевики и эсеры, услужливо подготовлявшие дорогу генеральской контрреволюции; замаскированная демократическими лозунгами генеральская контрреволюция; первые попытки вмешательства со стороны иностранных держав, пока еще не подкрепленные открытой интервенцией...

В заключение считаю необходимым подчеркнуть, что эти воспоминания, вдобавок писавшиеся почти без всяких архивных материалов, не могут претендовать и не претендуют на абсолютную точность. Не исключаю я целого ряда неточностей и в хронологии самих событий. Что же касается общей картины, то в той мере, как мне ее самому удалось охватить, она, думаю, все же мною изложена достаточно верно. Вообще мне кажется, что трудно рассчитывать на достаточно четкое

и полное изложение таких событий, как восстание[1]), даже в том случае, если пишущий будет опираться на архивные документы. Их даже после победоносного восстания остается очень мало. Они разрознены и не дают настоящей картины восстания и руководства им; не отражают героической борьбы отдельных опорных пунктов, отдельных отрядов и отдельных бойцов. Где тут до отчетливых схем, когда нередко при ведении операции, как это было и в Иркутске, нехватает даже планов города. Полное описание восстания может быть дано лишь на основании внимательного подбора об'ективных воспоминаний возможно большего количества непосредственных участников. Подлинным историком какого-нибудь восстания сделается лишь тот, кто, не ограничивая свою работу документами, потрудится связаться с многочисленными участниками этого восстания, не задумается пойти в рабочие кварталы и отдельные предприятия, питавшие это восстание.

Значение уличных боев, восстаний в городе представляет для нас в военном отношении громаднейший интерес. Об'ективно изложенные исторические примеры восстаний — это тот материал, без которого нельзя претендовать на создание достаточно конкретной и исчерпывающей тактики уличных боев. Восстание, помимо искусства вождей, помимо известных руководящих начал, направляющих восстание, есть, вместе с тем, творчество бурлящих в революционном кипении масс... Тут многое происходит вне учета руководящих штабов и организаций. Мы — участники иркутского восстания — в свою очередь были свидетелями, как по своему собственному почину, никем не приглашенные, не организованные, приходили отдельные люди, становились в наши ряды, сражались, умирали; приходили и принимали участие в борьбе самочинно организовавшиеся отряды. Мы были свидетелями и того, как отдельные пункты, которые нами считались уже захваченными противником, еще долго защищались, отрезанные от своих главных сил, и как умирали, не желая сложить оружия, их защитники в прекрасном презрении к смерти.

Десятая годовщина Октября должна подтолкнуть нас и в деле изучения тактики, конкретной, подлинной тактики восстаний и уличных боев. А это будет возможно лишь в том случае, если заговорят десятки и сотни участников этих восстаний и уличных боев.

---

[1]) Нашу борьбу в Иркутске я называю восстанием. Гражданскую войну, правда, начали юнкера. Но наша борьба с ними была не чем иным, как пролетарским восстанием против еще не вполне рухнувшей в Иркутске власти Временного Правительства.

И. ВАЦЕТИС

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В МОСКВЕ

(Воспоминания)

Утром 6 июля 1918 года в Москве было все спокойно. Не было особых признаков для тех больших событий, которые разыгрались после полудня.

Около 4 часов дня левыми эсерами был убит германский посол граф Мирбах. Затем, заранее сосредоточенные левыми эсерами в Трехсвятском переулке вооруженные части заняли помещение ВЧК, арестовали и заперли в погребе Дзержинского и его помощника Лациса и председателя Московского Совета Смидовича. Только в этот момент выяснилась серьезность создавшегося положения.

Во главе восстания оказались эсеры Александрович и Прошьян. Первый состоял помощником председателя ВЧК, а второй членом Высшей Военной Коллегии.

Из Трехсвятского переулка, где в особняке Морозова поместился штаб повстанцев и лево-эсеровское правительство, части мятежников стали продвигаться к Кремлю, захватывая близлежащие улицы и площади.

Первые известия о лево-эсеровском восстании. 6 мая пополудни я находился в помещении технической редакции на Садовой Кудринской. Около 5 часов ад'ютант сообщил мне из штаба дивизии по телефону, что меня разыскивает Подвойский. В это же время к под'езду под'ехал автомобиль, из которого вышел секретарь Подвойского и, зайдя в комнату, в которой находился также Антонов-Овсеенко, предложил мне немедленно поехать с ним в Александровское училище. На мой вопрос — кто меня вызывает и по какой причине,— я получил уклончивый ответ.

Наш автомобиль поминутно останавливали на улице вооруженные патрули, раз'езжавшие на вооруженных грузовиках и проверявшие удостоверения личности. При одной такой остановке я узнал, что ищут автомобиль, на котором скрылись убийцы германского посла графа Мирбаха.

Наш автомобиль остановился у под'езда того флигеля, в котором ныне находится Высший Военный Трибунал.

Без пропуска и без исполнения прочих строгих формальностей меня привели в боковую комнату, в которой находились Подвойский и Муралов. У стены, подальше от окна, стоял большой, массивный деревянный стол, на котором был разложен план гор. Москвы и ее окрестностей.

Я спросил Подвойского, с которым был знаком, в чем дело. На мой вопрос ответил с удивлением Муралов:

— Как, вы не знаете, что в городе восстание и положение очень серьезное.

Дальше взял слово Подвойский и сказал мне голосом, не терпящим возражений и проникнутым революционной решимостью:

— Вы нам составьте план ночной атаки; мы атакуем в 4 часа утра.

Я задал вопрос:

— А на какие войска вы рассчитываете?

Мне ответили: — Главным образом, на полки латышской дивизии; прочие войска мало надежны.

Задаю вопрос: — А где войска левых эсеров? — Подвойский указал пальцем на плане на Трехсвятский переулок.

Во время нашего разговора поступали донесения от каких-то людей, непрестанно входивших в комнату и выходивших. Сообщались разные сведения и предположения. Было ясно, что еще организованной работы нет.

Для командования войсками мною было предложено вызвать командира первой бригады латышской дивизии Дудина.

Я стал знакомиться с положением дела. Сведения об эсерах были весьма недостаточные. Подвойский и Муралов говорили, что повстанцы заняли Трехсвятский переулок и там укрепляются, что заставы их приближаются к Кремлю и расположены по реке Яузе. На основании таких кратких сведений пришлось приступить к составлению плана действий. Прежде всего надо было крепко держать в своих руках Кремль, затем необходимо было укрепиться в городе так, чтобы не дать возможности присоединившимся к повстанцам массам распространиться по городу. Для этого я полагал необходимым занять все важные в тактическом отношении площади и перекрестки. Войсками же занять исходные положения: у храма Христа Спасителя, на Страстной площади и в Покровских казармах. Прибывшему комбригу Дудину были даны в этом духе первые распоряжения, кроме того я поручил ему об'ехать все латышские полки и расположить их следующим образом: первый полк с батареей — у храма Христа Спасителя (у нас, кстати, были сведения, что левые эсеры, помимо Кремля, наметили себе также овладение зданием Наркомвоен в Лесном переулке), третий полк при двух орудиях оставить на месте, второй полк немедленно вызвать из лагерей и направить на Страстную площадь, а девятый полк оставить в Кремле.

Состояние московского гарнизона. Войска московского гарнизона Подвойский и Муралов разделили на три категории. Первая категория — войска, безусловно, преданные большевистской партии. Вторая категория — войска, об'явившие нейтралитет. Третья категория — войска, которые перейдут на сторону противника.

К первой категории были отнесены: латышские стрелки и формирующийся при латышской дивизии образцовый полк, курсанты пехотной инструкторской школы (80 чел.) и курсанты двух артиллерийских школ при четырех орудиях.

Был ли лево-эсеровский заговор неожиданностью? О том, что в Москве что-то неладное, мы догадывались. Недели за три до восстания, мною, как начальником латышской дивизии, было замечено, что какая-то властная рука старается очистить Москву от латышских частей, направляя их в разные провинциальные города, якобы для восстановления Советской власти. Ордера на отправку латышских частей присылались на мое имя и исходили от помощника председателя ВЧК Александровича.

До тех пор, пока таковые ордера требовали отправки сравнительно небольших частей, особенного внимания они к себе не привлекали, но дней за десять до возстания я получил ордер от Александровича: отправить немедленно один батальон первого полка в Нижний Новгород, в распоряжение Исполкома. Распоряжение это мною было выполнено, но из Нижнего командир батальона донес, что местным Исполкомом прибытие латышских стрелков было встречено с удивлением. Положение Советской власти там считалось прочным и о присылке латышских стрелков никто не просил. Аналогичное донесение было получено от командира одного батальона второго полка, посланного таким же образом на юг.

Такие факты вызывали подозрения. Александрович хотел и меня выпроводить из Москвы, поместив мою фамилию в список сотрудников штаба Муравьева, отправлявшегося 16 июня на Восточный фронт. Но я запротестовал и, при содействии Троцкого, мне удалось остаться на должности начальника латышской дивизии.

Как ни хитро левые эсеры вели свои подготовительные работы, но такой грубый способ удаления из Москвы воинских частей уже тогда заставил меня быть на-чеку. Собрав все документальные данные, говорившие в пользу моих подозрений, я обратился к комиссарам дивизии Петерсону и Дозиту и высказал свое мнение о том, что высылка латышских стрелков из Москвы делается, несомненно, с определенной политической целью и в дальнейшем является совершенно недопустимой. Тов. Петерсон не мало был удивлен моими соображениями, но, видимо, принял мой доклад к сведению. Дня через два он сообщил, что мои предположения оправдались, и что ни один латышский стрелок больше не должен быть отправлен из Москвы.

Позднее выяснилась справедливость и своевременность опасений: товарищ председателя ВЧК эсер Александрович, стоявший во главе заговора, исподоволь проводил высылку латышских стрелков из Москвы, повидимому, с той целью, чтобы к моменту восстания левых эсеров большевики оказались бы лишенными воинских частей.

В отношении времени, момент для восстания был выбран удачно. Свое восстание левые эсеры назначили как-раз накануне Ивана Купалы, когда латыши привыкли устраивать за городом традиционное народное гулянье. Также и в этот день, 6 июля, латышские стрелки уехали за город и казармы оказались пустыми... Возвратившийся командир 1 бригады Дудин заявил нам, что в казармах почти никого нет и что собрать полки он не может. Таким образом, пришлось отказаться от ночной атаки и перенести наступательные действия на 7 июля.

Мое назначение руководить операцией по подавлению лево-эсеровского мятежа. К вечеру левые эсеры захватили почтамт и стали рассылать в провинцию свои воззвания, в которых говорилось о захвате ими власти и о свержении большевиков.

Резиденцией левых эсеров сделался Морозовский особняк в Трехсвятском переулке.

Было получено сообщение, что квартировавший в Покровских казармах полк московского гарнизона перешел на сторону левых эсеров. Наше положение сделалось опасным во всех отношениях.

Доклад комбрига Дудина еще более усугубил наше положение. От предложенного ему командования он отказался, ссылаясь на свою неопытность, как действовать в столь большом городе как Москва.

Подвойский и Муралов своего кандидата не имели. Как начальник дивизии, я должен был принять непосредственное руководство уличными боями. Принимая во внимание это, я заявил Подвойскому и Муралову, что так как будут действовать, главным образом, полки вверенной мне дивизии, то долг требует от меня взять командование в свои руки. Это заявление было передано в Кремль. И, в результате переговоров, командование было поручено мне.

Для уяснения обстановки, в которой приходилось тогда действовать, привожу краткий перечень расположения латышской дивизии:

а) первый полк — один батальон и 4 пулемета в Москве, один батальон в Нижнем Новгороде,

б) второй — один батальон на Ходынко в лагерях, другой разбросан поротно и по полуротно по городам юга России,

в) третий — только что прибыл с юга и производил требуемую Брестским договором демобилизацию,

г) четвертый — на Восточном фронте против чехо-словаков,

д) пятый — в Бологое,

е) восьмой — в Вологде,

ж) шестой — в Петрограде и у Торошино,

з) седьмой — в Великих Луках и Петрограде,

и) девятый — в Кремле,

к) артиллерия: один легкий дивизион и восемь 6-дюймовых тракторных орудий — в Москве,

л) инженерный батальон — в Москве; авиационное отделение — в Люберцах; дивизионная конница — в Павловском посаде.

Кроме того, я располагал еще формируемым в Москве образцовым полком, насчитывавшем в своем составе около 300—400 человек.

План действий. Вечером наш оперативный штаб был перенесен в здание Штаба Округа.

Наше положение было тяжелое: у нас не было налицо войск. Сведения о действиях левых эсеров были не полные и не отличались ясностью. Дозоры доносили, что строятся баррикады, перекапываются улицы, выставляются проволочные заграждения. Лево-эсеровские отряды оттеснили большевистские войска за р. Яузу и казалось, что они подготовляют штурм Кремля. Передавали также, что у левых эсеров образовалось свое правительство и составлено министерство.

Вечером обстановка сложилась весьма благоприятно для левых эсеров и если бы они повели решительную атаку на Кремль, то этот последний едва ли удалось удержать.

В этом последнем случае было решено перенести резиденцию правительства большевиков в артиллерийские казармы на Ходынке. Такая предусмотрительность была вполне уместна, так как у нас не было войск для контр-атаки. На боеготовность 9-го латышского полка, занимавшего Кремль, мы не возлагали особенно больших надежд. Для упорной обороны Кремля он едва ли был пригоден.

9-й латышский полк был сформирован в ноябре 1917 года из людей всех латышских полков и предназначался для охраны Смольного. В состав латышской дивизии он был включен после длинных переговоров, так как состав полка считал для себя нежелательным обратиться в обыкновенную войсковую часть. Присвоив себе наименование „Коммунистический полк", стрелки слышать не хотели о том, что им дано название „9-й латышский стрелковый полк". Занятия в полку не производились. Полком управлял полковой комитет, в состав которого входил и командир полка. Фактическим хозяином полка являлся председатель полкового комитета, который власти начальника дивизии над собою не признавал.

Итак, от ликвидации лево-эсеровского мятежа ночной контр-атакой пришлось отказаться по той простой причине, что собрать для этого войска было невозможно. Наступление пришлось отложить на 7 июля.

Был намечен такой план действий:

1) организовать разведку, чтобы к утру иметь точные сведения о действиях левых эсеров и сочувствующих им войсковых частей;

2) к утру оттеснить части левых эсеров к Трехсвятскому переулку и заставить их перейти к обороне;

3) наступление начать утром 7 июля.

Вместе с тт. Подвойским и Данишевским, в закрытом автомобиле, мы об'ехали часть города, бывшую в наших руках. Наши войска еще не успели занять назначенные им места.

Обстановка около полуночи. Положение в городе и в Ходынском лагере, где был расположен московский гарнизон, постепенно выяснилось и к полуночи оно в общих чертах было таково:

Положение большевистских сил.

Налицо были следующие войсковые части:

1) одна пехотная школа курсантов (80 человек) занимала здание Военной Коллегии — Лесной переулок, д. № 1,

2) 9-й латышский стрелковый полк — в Кремле,

3) на Арбатской площади — отряд коменданта г. Москвы,

4) на Девичьем поле собирался батальон 1 латышского стр. полка,

5) 2-й латышский полк с двумя артиллерийскими школами курсантов, при 4-х орудиях, был на пути из Ходынского лагеря.

Положение левых эсеров.

Войска левых эсеров были в сборе в Трехсвятском переулке. По имевшим сведениям они предполагали начать наступление 7 июля.

Основное ядро составлял батальон матроса Попова и отряд Черноморских матросов.

Вечером на сторону левых эсеров перешел полк Венглинского, квартировавший в Покровских казармах.

Всего в распоряжении левых эсеров, считая и полк Венглинского, было около 2500 бойцов, при 8 орудиях, 4 бронемашинах, и около 60 пулеметов.

Позиция гарнизона города Москвы. По имевшимся сведениям, левые эсеры 6 июля бросили в Ходынский лагерь своих агитаторов, которые захватили влияние над войсками и склонили эти последние об'явить нейтралитет, что означало: не оказывать помощи большевикам, стоявшим за сохранение мира с Германией.

Численность гарнизона, находившегося на Ходынке в лагерях, доходила приблизительно до 20—25 тыс. человек.

Положение в городе. Мятеж был налицо. Восставшие против власти большевиков имели в своем распоряжении вооруженную силу, которая уже добилась кое-какого успеха. Какие части города успели захватить левые эсеры, что делают различные контр-революционные организации,— на такие вопросы дать точный ответ было трудно.

Нам было известно, что во главе восстания стояли Александрович и Прошьян, которые хорошо знали настроение и расположение частей московского гарнизона. Вечером Прошьян в сопровождении отряда преданных ему войск, захватил центральную телеграфную станцию и левые эсеры стали рассылать свои воззвания по другим городам, призывая к свержению власти большевиков и об'явлению войны Германии. В захваченных типографиях изготовлялись прокламации к населению Москвы и к солдатам, в которых об'являлось, что левые эсеры стоят за советскую войну с Германией, чтобы уничтожить Брест-Литовский договор.

Из состава 9 латышского стр. полка были высланы две роты на центральную телеграфную станцию, чтобы очистить здание от левых

эсеров. Но названные роты действовали крайне не искусно, были захвачены в плен, обезоружены и отведены в Трехсвятский переулок; часть солдат была оставлена заложниками, а остальные отпущены в Кремль.

Покровские казармы, вследствие измены полка Венглинского, тоже оказались в руках восставших.

Движение публики в городе прекратилось. На улицах были лишь войска.

Свидание с тов. Лениным. В первом часу тов. Данишевский передал, что тов. Ленин вызывает меня в Кремль для доклада ему о положении в городе.

Проезжая вместе с тов. Данишевским в закрытом автомобиле по Лесному пер., мимо здания Наркомвоен, мы увидели, что к храму Христа Спасителя уже подошли некоторые части 1 латышского стр. полка.

Повидимому, в Кремле нас ждали, так как везде были заготовлены пропуска и нигде никаких остановок не было. Наш автомобиль под'ехал к зданию Совнаркома. Нас провели в зал заседаний Совнаркома и просили подождать. Данишевский прошел к Ленину, который был у себя.

В довольно обширном помещении, в котором я очутился, было почти темно, где-то в углу горела небольшая электрическая лампочка, окна были занавешены. Обстановка напоминала мне прифронтовую полосу на театре военных действий. Войдя в зал правой дверью, я остановился шагах в пяти от дверей.

Через несколько минут дверь на противоположной стороне зала отворилась и вошел тов. Ленин. Он подошел ко мне быстрыми шагами и спросил вполголоса:—Товарищ, выдержим до утра?—Задав этот вопрос, Ленин продолжал смотреть на меня в упор.

Я понял, что Ленин ждал от меня ответа категорического и что всякий другой разговор был бы излишним. Но дать ответ на такой вопрос, какой поставил мне Ленин, я не приготовился.

Под упорным взглядом Ильича я сформулировал ответ, который сводился к следующему: обстановка еще не выяснена, положение в городе осложняется, атаки в 4 часа 7 июля быть не может, так как наши войска не могут быть собраны, а потому прошу тов. Ленина дать мне два часа времени, в течение которого об'еду город, соберу нужные сведения, и в 2 часа 7-го июля дам совершенно точный ответ на поставленный им вопрос. С этим тов. Ленин согласился и, сказав: „я вас буду ждать", ушел таким же быстрым шагом, как вошел.

Мне хорошо врезалась в память наружность Ленина, быть может потому, что в такой обстановке мы встретились впервые. Помню также, что Ленин был в своем обыкновенном рабочем костюме, темно-коричневого цвета.

Положение к 2 часам 7-го июля. К этому времени наше положение значительно окрепло: у храма Христа Спасителя собрался 1-й латышский стр. полк с артиллерией и образцовый полк. На Страстную площадь прибыл 2-й латышский стр. полк при двух артиллерийских школах курсантов с 4 орудиями.

Во всяком случае мы имели четыре группы войск: 1) у храма Христа Спасителя, 2) в Кремле, 3) на Страстной площади и 4) на Арбатской площади. Мы уже вышли из того тяжелого положения, в котором были 6 июля вечером.

Сведения о действиях левых эсеров были крайне скудные и сбивчивые, никто не мог дать более или менее определенных данных о группировке их сил. Точные данные были лишь о том, что их штаб и резиденция правительства расположены в особняке Морозова. Все-таки одна весьма веская данная была налицо, а именно: лево-эсеровские вожди пропустили момент для решительных действий и без больших жертв они уже не могли победить в городе, так как мы были готовы дать отпор.

В общем и целом к двум часам 7 июля у меня создалось впечатление, что мы победим, если утром перейдем в решительное наступление всеми силами, собранными в течение ночи.

О настроении рабочей массы сведений собрать мне не удалось.

Вторичное свидание с тов. Лениным. Вторичное свидание с тов. Лениным состоялось, как было условлено, в 2 часа ночи 7 июля. Со мной был тов. Подвойский. Встреча происходила на прежнем месте.

Я ожидал появления тов. Ленина, стоя у того же кресла, где стоял первый раз. Тов. Ленин вышел из той же двери и таким же быстрым шагом подошел ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу ему и отрапортовал: „Не позже 12 часов 7 июля мы будем победителями в Москве".

Ленин взял обеими руками мою руку, крепко-крепко пожал ее и сказал: „Спасибо, товарищ. Вы меня очень обрадовали". Затем, пригласив меня садиться, он сам сел рядом и предложил мне рассказать ему, что происходит в городе, в каком положении наши войска и что делается у левых эсеров.

Я рассказал все, что было известно, как о противнике, так и о наших войсках. Тов. Ленин задавал различные вопросы, касающиеся настроения московского гарнизона и латышских стрелков, особенно интересовался, не ведется ли среди последних эсеровской агитации. На все вопросы я дал совершенно определенный ответ, чем, повидимому, тов. Ленин остался вполне доволен. Я изложил ему также намечавшийся план действий.

Наша беседа длилась минут двадцать. Окончив свой доклад и видя, что тов. Ленин не задает более вопросов, я встал и просил

разрешения уехать. Владимир Ильич еще раз выразил свою благодарность и вышел вместе со мною в секретарскую комнату, где мы и распрощались. В секретарской кипела работа.

План операции: Из вышеизложенного видно, что я выдал два весьма ответственных векселя. Первый вексель выдал Правительству, взяв на свою ответственность командование войсками, а второй—обещанием Ленину ликвидировать лево-эсеровский мятеж не позднее полудня 7 июля. Оба эти векселя вытекали из создавшегося чрезвычайного положения и сильно обязывали.

В основную идею операции были положены два главных соображения:

1) Организовать концентрическое наступление на расположение противника, которое завершить штурмом.

2) Одновременно с штурмом произвести артиллерийским огнем разгром штаба и резиденции лево-эсеровского правительства. Начало наступления было назначено на 5 часов утра.

План наступления был выработан следующий:

Третьему латышскому стрелковому полку с 2-мя орудиями вести наступление со стороны Таганки на Яузский мост и далее на Яузский бульвар.

Первый полк с 2-мя орудиями поведет наступление по Варварке. Б. Ивановскому и Б. Трехсвятскому переулкам.

Второму латышскому полку с 2-мя орудиями, наступая по Чистопрудному бульвару, занять Покровские казармы и отсюда развивать дальнейшее наступление.

Девятый полк, обороняя Кремль, должен был в то же время частью своих сил действовать в сторону Ильинки и Покровки.

К 10 часам утра положение полков должно было быть следующее: 3-й полк должен был занять Подколокольное и Воронцово поле, 1-й полк должен был быть на Малой Ивановке и Колпачном переулк , 2-й полк должен был занять Покровские казармы. Образцовый полк действовал между первым и третьим полками. Комбриг Дудин руководил действиями вверенной ему бригады. Артиллерия была распределена по полкам.

Для выполнения второй задачи, т.-е. разгрома лево-эсеровского штаба и резиденции лево-эсерского правительства была назначена в распоряжение комбрига Дудина особая батарея, которая должна была подвести свои орудия на руках возможно ближе к особняку Морозова и разгромить его огнем в упор.

В моем резерве на Девичьем поле оставались: инженерный батальон латышской дивизии, и 2 тракторных 6-дюймовых орудия.

Ожидалось прибытие латышского кавалерийского полка из Павловского посада.

События 7 июля. Сведения о действиях лево-эсеровского командования поступали с большими перебоями.

Прокламация левых эсеров были разбросаны во всех казармах латышских стрелков и расклеены на улицах, ведущих к Трехсвятскому переулку.

Здесь и там происходила редкая стрельба. Артиллерия обеих сторон молчала. Ночью нам удалось захватить одну неприятельскую броневмашину. Отличить своего от противника было очень трудно, так как обе стороны были одеты в обмундирование ст[illegible] армии. Исключение составляли матросские отряды левых эсеров, которые были в своей морской форме. Но матросы пока не показывались, они вели агитацию и составляли главный резерв.

Утром явилась в штаб латышской стрелковой дивизии (Знаменка, 10) матросская делегация от главарей левых эсеров. Матросы обратились к ад'ютанту дивизии и просили вступить в переговоры с Трехсвятским переулком. Дивизионный ад'ютант спросил по телефону меня, как поступить с делегацией. Я сказал, чтобы он попросил матросов удалиться.

Около 7—8 часов утра послышалась артиллирийская стрельба из Трехсвятского переулка по Кремлю. Снаряды попадали в Малый Дворец. Огонь велся из полевых орудий гранатой и шрапнелью. Это был самый безобидный огонь. Но я опасался, что левые эсеры откроют по Кремлю огонь зажигательными снарядами, что могло бы создать большую опасность для центра города.

С наших батарей последовал запрос о разрешении открыть огонь по Трехсвятскому переулку. Одна батарея стояла у храма Хр. Спасителя, другая на Страстной площади. Я отдал распоряжение не открывать огня до моего приезда на батареи.

Сначала я направился на батарею, расположенную у храма Хр. Спасителя. Там стояли два орудия. Обслуживали орудия курсанты; кадровых командиров не было. Курсанты подготовляли орудия для стрельбы по карте. Орудия были наведены на Трехсвятский переулок; направление и расстояние, высчисленные по карте, были определены неправильно. После тщательной проверки оказалось, что снаряды ударили бы в Воспитательный дом. Этой батарее было запрещено стрелять. Что же касается батареи, расположенной на Страстной площади, то тут случилось неразрешимое для того времени препятствие, а именно: стрелять пришлось бы по угломеру и уровню, а с этими атрибутами артиллерийской техники курсанты были мало знакомы. Да и смысла не было стрелять, не имея определенных целей. В результате такой стрельбы, какую могли дать наши батареи, могли возникнуть многочисленные пожары в центре города. Имея в виду эти последние соображения, я распорядился открывать артогонь только на близкие расстояния и прямой наводкой.

Наступление большевистских войск. Утром 7 июля был густой туман, покрывший город серой непроницаемой завесой.

Видеть вперед можно было шагов на 15—20, а отличить своих от противника было совершенно невозможно. Наши войска теснили противника по всему фронту и к 9 часам утра сошлись вплотную. На всем фронте завязалась ружейная и пулеметная стрельба. Время от времени, лево-эсеровские батареи бросали снаряды по различным направлениям.

Москва превратилась в боевое поле. Публика, не взирая на праздничный день, на улицу не выходила.

У нас была прочная телефонная связь с комбригом Дудиным. Согласно данных ему указаний, наступление должно было вестись с полной энергией, с тем, чтобы к 10 часам достичь указанного рубежа.

Наше продвижение вперед шло, хотя медленно, но планомерно. К 10 часам 2-й латышский полк занял часть Покровских казарм.

Труднее было положение на фронте 1-го и образцового полка, которым пришлось действовать по узким переулкам и под пулеметным огнем. Лево-эсеровские отряды разместились в окопах и за баррикадами, на крышах и на балконах. Комбриг Дудин сообщил мне, что сопротивление левых эсеров принимает очень упорный характер и что у противника много пулеметов, расставленных на крышах и балконах. 1-й латышский стр. и образцовый полки временно приостановили наступление и начали закрепляться, занимая прилегающие дома и приспособляя к обороне заборы и площади.

Комбриг Дудин находил наше положение крайне тяжелым и сомневался в возможности открытого штурма. 1-й латышский полк попал под пулеметный огонь и понес значительные потери убитыми и ранеными. Образцовый полк сражался хорошо, и тоже нес потери. Что же касается 3 латышского стр. полка, что там произошел какой-то перебой. Этот полк несколько дней пред этим прибыл с Северного Кавказа с Корниловского фронта, понес большие потери и был крайне утомлен.

Надо отметить, что на Корниловском фронте 3-й латышский полк сражался вместе с теми матросскими отрядами, которые очутились в лагере левых эсеров. Были сведения, что часть стрелков подпала под влияние матросской агитации. С утра в этом полку работали члены исполнительного комитета латышских стрелков. Но факт был тот, что в наступивший критический момент 3 латышского полка на фронте еще не было; пришлось считать его в глубоком резерве. Он выступил несколько позднее.

Для довершения решительного удара был выработан такой план:

1) В виду тяжелого положения нашей пехоты и сильного пулеметного огня противника, ввести в дело артиллерию, стреляя с близких дистанций прямой наводкой.

2) Всеми силами стараться подтолкнуть пехоту вперед.

3) В том случае, если нам не удастся введенными в бой силами разбить левых эсеров, было решено ввести в дело, под моим личным руководством, главный резерв: два шести-дюймовых тракторных орудия, инженерный батальон и конницу.

Часам к 11 к нам присоединилось какое-то авиационное отделение и просило разрешения бомбить Трехсвятский переулок. Разрешение дано не было. В Кремле с нетерпением ждали развязки. Оттуда шли запросы ко мне и к тов. Муралову. Немецкое посольство также заинтересовалось положением наших дел и стало нам время от времени делать запросы через секретариат Наркомвоен.

Мною было принято определенное решение: в 12 часов стать во главе главного резерва, вломиться в центр лево-эсеровского расположения и разогнать их огнем тяжелой артилерии. Этот способ борьбы был сопряжен с большими разрушениями домов и пожарами. Но мы не теряли надежды, что нам удастся справится с лево-эсеровским мятежом более „гуманными" средствами.

Действия батареи командира латышского арт. дивизиона тов. Берзина. Тов. Берзин послал вперед 2-орудийную батарею, стараясь продвинуть орудия возможно ближе к особняку Морозова. Одно орудие, а именно то, которым командовал стрелок Буберг, удалось продвинуть к особняку Морозова, шагов на 300.

Ровно в 11 часов 30 минут, комбриг Дудин сооообщил мне об этом по телефону и просил разрешения открыть огонь.

Наступил решительный момент. Орудие Буберга было наведено прямо в окна Морозовского особняка... Дальнейшее промедление было недопустимо, ибо пулеметным огнем с крыши особняка Морозова могла быть истреблена вся орудийная прислуга и тогда пришлось бы пустить в дело тяжелую артиллерию.

Сообразив все это, я взял телефон и продиктовал комбригу Дудину приказ: „Огонь и атака!"..

Надо сказать, что в это время происходила артиллерийская стрельба и на других боевых участках, но она особого значения не имела.

Как выяснилось после ликвидации мятежа, в то время, когда Берзин открыл огонь, в особняке происходило заседание левых эсеров. Первый снаряд разорвался в комнате рядом с заседанием. Второй снаряд тоже. Следующие выстрелы картечью были направлены по крышам и балконам. Оглушительные разрывы гранат произвели ошеломляющее действие на участников заседания; они бросились на улицу и, спасаясь от картечи, разбежались в разные стороны. За главарями побежали и их войска.

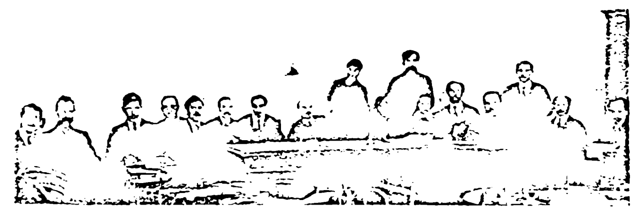
Дальнейший ход действий и ликвидация восстания. Вслед за этим, 1-й латышский полк двинулся в перед, захватил помещение ВЧК и освободил сидевших в погребе тт. Дзержинского, Лациса и Смидовича.

Оказалось, что левые эсеры бежали с такой поспешностью, что забыли снять своих часовых. По другой версии они хотели найти новое помещение для штаба и правительства, но появление латышей заставило их поспешно удалиться.

Ровно в 12 часов комбриг Дудин донес мне по телефону, что левые эсеры бегут, о чем мною было сообщено по телефону тов. Ленину.

Комбригу Дудину было приказано организовать преследование.

Около 14 часов весь район, занятый левыми эсерами, был в наших руках. Все войска, бывшие под нашей командой, собрались около здания ВЧК. Туда же приехал и тов. Ленин.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Первые дни Советской власти. Одно из первых заседаний Совнаркома в Смольном в ноябре 1917 г. Слева направо: 4 — Бонч-Бруевич, 6 — А. Шляпников, 7 — Прошьян, 8 — Ленин, 9 — Сталин (стоит), 10 — Коллонтай, 11 — Дыбенко (стоит), 13 — Подвойский, крайний — Г. Чичерин.

Фот. предоставлена Инст. Ленина.

Около 15 часов я получил доклад от комбрига Дудина, что преследование организовать ему не удалось, так как войска заявляют, что они очень устали. Кто-то предложил двинуть для преследования 9-й латышский стр. полк, который все время оставался в Кремле.

Мы с тов. Подвойским отправились пешком в Кремль. Лично я не был уверен, что наша миссия увенчается успехом, так как мне было хорошо известно внутреннее состояние этого полка. Командира полка разыскали не скоро. Но от него никаких распоряжений мы не добились. Он ссылался на то, что полком ведает председатель полкового комитета. Пошли за председателем полкового комитета, которого удалось разыскать при содействии коменданта Кремля.

Я изложил цель нашего посещения и просил нарядить в наше распоряжение один батальон. Председатель полкового комитета ответил, что он не уполномочен на такие распоряжения и сказал, что соберет полковой комитет и предложит решение вопроса на его усмотрение. Тов. Подвойский покачал головой и, повидимому, начинал терять терпение. Несмотря на свое высокое положение в военном ведомстве (тов. Подвойский состоял членом Большой Военной Кол-

легии и являлся одним из народных комиссаров по военным делам), тов. Подвойский в данном случае оказывался слабее полкового комитета.

Мы стояли на дворе и ожидали решения. Наконец, появился председатель полкового комитета и сообщил, что полковой комитет решил не давать стрелков для преследования, так как 9-й полк составляет гарнизон Кремля и не имеет права ослаблять его оборону. Тов. Подвойский вышел из терпения и категорически указал председателю полкового комитета: „Товарищ, полковые комитеты давно упразднены, пришлите командира полка".

Командир полка получил от Подвойского приказ немедленно выделить не менее одной роты и прислать к нему. Через полчаса командир полка привел один дозор в составе около двадцати человек, который и был направлен к Сокольникам.

Для преследования был отправлен инженерный батальон на грузовиках.

После разгрома в Трехсвятском переулке, лево-эсеровские войска покинули Москву и направились в сторону Ярославля.

После ликвидации восстания народным комиссаром по военным и морским делам был издан следующий приказ о расследовании поведения войск московского гарнизона.

> „На ряду с частями, безукоризнанно исполнявшими свой революционный долг во время мятежа левых эсеров, в составе московского гарнизона оказались недостойные группы, которые либо примыкали к мятежникам, либо ослаблялись внутренними раздорами.
>
> Для расследования поведения всех частей московского гарнизона, для установления порочных элементов в его среде, с целью примерного их наказания, учреждается комиссия в следующем составе: председатель — М. С. Кедров, члены — Данишевский, Аросев".

Выступление левых эсеров в Москве 6 июля было сигналом для штурма против Советской власти. По этому сигналу поднялось восстание в Москве, Ярославле, Ленинграде, на Волге, на Урале.

По этому сигналу поднял мятеж главнокомандующий Восточным фронтом Муравьев и повернул против Москвы фронт всей заволжской контр-революции.

Но пролетарская революция обладала достаточными силами. Она разгромила мятежников и уничтожила контр-революцию.

С. Е. РАБИНОВИЧ

АРМЕЙСКАЯ ПЕЧАТЬ И БОРЬБА ЗА АРМИЮ В 1917 г.

ФЕВРАЛЬСКАЯ революция открыла новую главу в истории борьбы рабочего класса с буржуазией за власть. В ходе борьбы на одно из первых мест выдвинулся вопрос об овладении армией. Из средств борьбы одним из важнейших и сильнейших была печать. Поэтому естественно, что в борьбе за армию все партии неминуемо должны были подойти вплотную к вопросу о постановке армейской печати, т.-е. такой печати, которая либо издавалась в самой армии, либо непосредственно для нее предназначалась.

1. Армейская печать до революции.

Обслуживание солдат общей периодической прессой в годы империалистической войны стояло далеко не на высоте. Большевики были лишены возможности издавать какую бы то ни было газету. Господствующие классы, имея полную возможность обслужить армию печатным словом, в первые годы войны особой инициативы в этом отношении не проявляли и ограничивались тем, что пропускали в армию наиболее реакционные газеты. И содержание и самый стиль их, не рассчитанные на рядовых солдат, мало удовлетворяли последних. Именно это, в связи с тем, что затяжка войны все больше способствовала разложению армии, вынудило командование встать на путь издания своих, специально для солдат предназначенных газет. На это толкал его опыт и союзников, и противника, издававших десятки газет, а также необходимость противопоставить печатной агитации противника — свою.

Почти все штабы не только фронтов, но и армий, одни раньше, другие позже, приступили к изданию своих газет. К кануну февральской революции в армии издавалось свыше десятка газет [1]). Отдельно стояла печатавшаяся громадным тиражем и специально для армии предназначенная „Военная Летопись“. О характере ее можно судить по подзаголовку, гласившему, что она издается „с высочайшего соизволения“.

---

[1]) „Армейский Вестник“, изд. Штаба Главнокомандующего Юго-Зап. фронта. „Наш Вестник“, изд. Штаба Главнокомандующего Зап. фр. „Вестник Кавказской армии“. „Вестник Персидского фронта“. „Последние армейские известия“, изд. Штаба 3-й армии. „Боевые новости“, изд. Штаба 5-й армии. „Вестник 7-й армии“. „Последние известия“, изд. Штаба 8-й армии. „Вестник армии“, изд. Штаба 9-й армии. „Вестник 10-й армии“. „Известия Штаба 11-й армии“. „Вестник Особой армии“.

Что же представляли собой все эти газеты? Порожденные штабами, они неминуемо должны были нести на себе отпечаток бюрократизма и канцелярщины — с одной стороны, официально казенного благополучия — с другой. Так оно и было. Весь материал газет подбирался с исключительной, ничем не прикрытой тенденциозностью. Телеграммы и обзоры о положении на фронте и в стране; отдельные статьи; изредка попадавший на страницы газет так называемый литературно-художественный материал; также случайно попадавшие на газетные столбцы письма или заметки какого-нибудь унтер-офицера или вольноопределяющегося, подсказанные начальством, — все это служило одной цели: показать, что „на Шипке все спокойно", и враг не сегодня-завтра будет окончательно разбит. Немудрено, что отношение солдат к этим газетам было открыто неприязненное. Сильно способствовал этому и тот суконный язык, который так характерен для этого рода прессы. Сами поставив перед собой задачу—дать „для доблестных защитников родины" (подзаголовок „Известий Штаба 11 армии") „для чтения в ротах, эскадронах и т. д." (подзаголовок „Вестника 10 армии") соответствующий материал, инициаторы и руководители этого дела оказались не в силах справиться со своей задачей: дать солдату солдатскую газету.

Командный состав не лучше относился к этим газетам, ибо самые важные и интересные для него отделы — военные — были из рук вон плохо поставлены и могли только раздражать, но не удовлетворять даже самого нетребовательного командира.

Но раз высшее командование требовало, чтобы газеты получались и читались солдатам, приходилось с этим мириться, тем более, что ряд газет высылался для бесплатной раздачи войскам (напр., „Наш Вестник"). Но когда газеты перешли на платную подписку, тогда число читателей их резко уменьшилось. Штабы забеспокоились было, но быстро нашли выход. И уже в 1916 г. в ряде армий издаются приказы, обязывающие командование подчиненных частей выписывать соответствующее количество газет.

2. Февральская революция и армейская пресса.

Февральская революция, как всякая буржуазно-демократическая революция, провозгласила „свободу печати". Печать, дотоле державшаяся в тисках царской цензурой, распустилась пышным цветом. Как грибы, стали расти газеты и газетки буквально во всех городах и городках России. Газетная горячка перенеслась и в армию: как фронтовые части и об'единения, так и тыловые, в лице своих выборных органов стали считать делом чести иметь свою газету. И в своем буйном росте армейская печать обогнала общеполитическую.

Однако, „свобода печати" оказалась на деле весьма относительной.

„Капиталисты (а за ними, по недоразумению или по косности, многие с.-р. и меньшевики)—писал Ленин—называют „свободой печати“ такое положение дела, когда цензура отменена, и все партии свободно издают любые газеты. На самом деле это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплоатируемых масс народа богатыми, буржуазией... „Свобода печати“ буржуазного общества состоит в свободе богатых систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров, обманывать, развращать, одурачивать эксплоатируемые и угнетенные массы народа [1]).

Это блестящее определение Ленина можно проследить и на всей истории армейской печати.

3. Основные типы армейских газет.

До революции армия знала только одного вида армейскую газету,—газету, издаваемую штабом. Революция все эти газеты сохранила и именно по ним получал солдат представление о революции в первые ее дни. Легко догадаться, как в этом кривом зеркале преломлялось значение революции и как восприняли бы ее солдаты, если бы только этими газетами ограничилось их политическое образование. К счастью, и устная пропаганда, и партийная печать центра быстро рассеяли угар штабной агитации.

Но буржуазия не ограничивается обработкой солдатской массы только по линии штатных газет. Она отлично понимает, в чем смысл „свободы печати“, и именно на ее средства издаются первые газеты, предназначенные для армии. Именно она с первых дней революции начинает „ежедневно в миллионах экземпляров обманывать, развращать массы народа“ (Ленин).

4 марта выходит № 1 военно-общественно-политической газеты „Солдатское слово“. В подзаголовке первых номеров указывалось, что газета издается Военной Комиссией, той самой, что была создана Государственной Думой и пыталась встать во главе армии во время революции. В материальном отношении газета была связана со Скобелевским комитетом. Все это достаточно ярко характеризует политическую физиономию газеты. Она была самой настоящей кадетской газетой и девизом ее были: „Любовь к родине; созыв Учредительного собрания; единение в армии; единении армий с народом; война до сокрушения бронированного немецкого кулака“. Такова была первая газета, предназначенная для армии, оказавшая между прочим большое влияние и на ряд мелких провинциальных газет. Понятно, что вся она была пропитана ненавистью к большевикам. Для характеристики ее заправил укажем еще следующую характерную деталь. Отлично

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. XIV, ч. 2, стр. 110—111.

понимая, что марка Военной Комиссии не будет служить приманкой для читателя-солдата, они снимают ее уже с № 4, а с № 7 газета уже выходит под маркой „Т-ва военных журналистов".

Следующей газетой, вышедшей в первые дни революции, была „Народная Армия"— орган совета „Союза офицеров-республиканцев", И эта газета по своему политическому содержанию была близка к вр. правительству и, естественно, анти-большевистски настроена. Конечно, материальные средства издатели ее черпали в соответствующих буржуазных кругах.

И вообще, если просмотреть все газеты, вышедшие в марте месяце, то для них характерно, что они являются не органами армейских демократических организаций, не органами социалистических партий, а издаются и редактируются какими-то неизвестными людьми, подчас политическими авантюристами, но все они самого патриотического, правого направления и за спиной их издателей отчетливо видна щедрая рука буржуазных заправил. Таковы газеты: „Солдатский Вестник"— Тифлис (23/III), „Солдатская речь"— Самара (12/III), „Выборгский Солдатский Вестник" (11/III), во главе коего стоял черносотенец Федоров, и ряд других газет.

Таким образом — и это неизбежное следствие буржуазной демократической революции — свобода печати в первые недели революции несколько усилила влияние штабных газет и выдвинула новый тип армейской газеты, якобы внепартийной, но на деле определенно контрреволюционной. Но уже в марте месяце, а, главным образом, в апреле, появляются и новые газеты, двух типов: органы армейских комитетов (на фронте) и органы советов солдатских депутатов (в тылу). Эти газеты, как и сами издатели, были уже в полном смысле слова детищем революции и самым непосредственным образом были связаны с начавшейся после революции демократизацией армии.

В течение марта появляются газеты: „Солдат-гражданин"— Московского Совета солдатских депутатов (15/III), военная газета „Свободное слово офицера, солдата и матроса"— Ревель (25/III), „Известия Совета военных депутатов ярославского гарнизона" (19/III), „Солдат"—Совета депутатов Александропольского гарнизона" (середина марта), „Военный Вестник Ростовского на Дону гарнизона" (конец марта) и ряд других газет. Надо подчеркнуть, что далеко не все газеты оказались достаточно жизненными, и многие довольно быстро прекратили свое существование. В последствии, когда почти повсеместно Советы солдатских депутатов об'единились с Советами рабочих депутатов,— и газета стала выпускаться одна. Но еще в апреле и мае в ряде городов начали выходить новые газеты. Затем издательская волна спадает.

На фронте потребность в издании газет стояла тем более остро, что штабы в этом отношении были гораздо сильнее. Поэтому в армиях издание газет комитетами шло в двух направлениях: завоевание штаб-

ных газет и издания своих газет. В течение апреля месяца вышли следующие газеты: „Голос 3 армии“ (2 IV), „Известия армейского исполнительного комитета 5 армии“, „Изв. арм. комитета 7 армии“, „Изв. арм. комитета 8 армии“, „Изв. арм. комитета 9 армии“, „Изв. арм. комитета 11 армии“, „Изв. выборных Особой армии“ и ряд других газет. В последующие месяцы обзавелись газетами почти все остальные армии.

Но не только такие мощные об'единения, как фронты и армии, издавали газеты. За издательство взялись и более мелкие единицы от корпуса до батальона включительно, при чем некоторые издаваемые ими газеты оказались очень жизненными. Из корпусных газет укажем хотя бы на следующие: „Вестник V армейского корпуса“ (20 №№); „Голос Окопа“,— изд. комитетов военных депутатов частей X корпуса (151 №№); „Изв. исполнительного комитета Гренадерского корпуса“ (60 №№); „Изв. комитета (IV) Сибирского армейского корпуса“ (12 №№); „Наш Голос„,— изд. VII Кавказского стр. корпуса“ (около 40 №№); „Финляндские Изв.“,— изд. XLII корпуса (128 №№) и другие. Из дивизионных газет: „Слово Свободы“, изд. Отдельной Балтийской морской дивизии (2 №№); „Солдатская свободная мысль“— окопная газета, изд. Комитета 51 дивизии (около 10 №№); „Единение“— орган дивизионного комитета 48 пех. дивизии (около 25 №№); „Наша жизнь“, изд. дивиз. комитета N пехотной дивизии (около 8 №№) и другие. Из полковых газет: „222“ — листок свободной солдатской мысли, изд. 222 запасного полка, гор. Александрополь (97 №№); „Жизнь 50 дивизии“, изд. Культпросветкомиссии 180 запасного полка, П. (около 20 №№); „Наше слово“, изд. полкового комитета 20 сибирского стрелкового полка Омск (16 №№); „Свободный Солдат — литературная окопная газета 6 стр. сибирского полка (4 №№); „Семеновец“, изд. культпросветкомиссии гвард. Семеновского полка, П. (8 №№); „Солдатская Мысль“, изд. полкового комитета N полка, Одесса (234 №№); „Солдатский Вестник“, изд. 32 стр. сибирского полка (10 №№); „Вестник 19 Сибирского стр. полка“, Омск (7 №№) и другие.

Из батальонных газет: „Искорки“, изд. батальонного комитета Петроградского разгрузочного 127 батальона, П. (16 №№).

Но армия знала еще ряд других газет, издававшихся различного рода союзами, обществами, комитетами и тому подобное. Из них в первую очередь отметим газеты различных офицерских организаций. Большинство последних было об'единено в „Союз офицеров Армии и Флота“, главный комитет которого находился при Ставке. Этим комитетом издавался „Вестник главного комитета Союза офицеров армии и флота“. Издавались газеты и отделами комитета, например, „Офицерский голос“, изд. комитета подотдела Союза офицеров армии и флота при Штабе 2 армии (3 №№); издавались они и советами офицерских депутатов, например: „Война и мир“— орган Московского Совета офицерских депутатов (около 20 №№); „Изв. Совета офицер-

ских депутатов 12 армии“, Рига; „Гражданин, офицер“, Томск, и другие. Издавались газеты и военными школами, например: „Военная мысль“, „Голос нашей семьи“, „Голос воина“ — все в издании подготовительной команды киевских школ прапорщиков. Издавались газеты и Союзом казачьих войск и Всероссийским центральным комитетом по созданию добровольческой армии — „Доброволец“, и Военной лигой: „Военный листок“ и „На страже“, и рядом других организаций.

Наконец, последняя группа газет характеризуется тем, что их специально издавали военные организации различных партий. Эти газеты можно разбить на 3 группы: большевистскую, народническую (эсеры, народные социалисты) и меньшевистскую.

Большевики были единственной партией, не получавшей, да и не желавшей получать для издания газеты материальную помощь от вр. правительства. Большевики были единственной партией, за спиной которой не было денежных тузов, поддерживавших издание газет для армии. Но большевики были той партией, которая больше, чем кто бы то ни было, сознавала значение специальной газеты для солдат, и потому естественно, что большевики были первыми в деле издания такой газеты. 15 (28 по нов. ст.) апреля вышел первый номер знаменитой „Солдатской Правды“, сыгравшей исключительно громадную роль в деле завоевания солдатских масс на сторону большевиков.

В материальном отношении редакция „Солдатской Правды“, как впрочем и большинство общепартийных газет, была в исключительно скверных условиях. Не было денег, не было своей постоянной типографии, а частные типографии под давлением буржуазного общественного мнения сплошь и рядом отказывались печатать большевистскую газету. И если „Солдатская Правда“ все же регулярно выходила, то исключительно благодаря помощи и поддержке как самих солдат, так и, главным образом, рабочих. „Солдатская Правда“ не была одинока. Военные организации партии большевиков, несмотря на все затруднения и преследования, сумели поставить дело издания партийных газет для армии и в ряде других мест. Так, не менее известна „Окопная Правда“ — орган военной организации при Рижском комитете с.-д. Латышского края. Затем известны еще: „Знамя борьбы“ — орган Выборгской военной организации РСДРП (11 №№); „Солдатская жизнь“, изд. военной организации при Екатеринославском комитете РСДРП; „Солдатская Правда“, изд. Бюро ВО РСДРП интернационалистов-большевиков, Самара (2 №№); и „Гренадерская Правда“ — газета военной организации РСДРП (б) при гвард. Гренадерском полку (№ 1 — 11 июня).

Как видим, несмотря на все преграды, большевикам все же удалось организовать свою армейскую печать. В этом отношении они шли на много впереди остальных партий. Если мы обратимся к меньшевикам, то газет в точном смысле этого слова у них была только одна —

„Красное Знамя“, изд. комитета РСДРП 12 армии, газета, предназначенная, главным, образом для полемики с „Окопной Правдой“, выходившей в том же районе 12 армии. Правда, в ряде об'единений выходили еще газеты, например: „Социал-демократ“ — орган социал-демократического комитета 9 армии, „Социал-демократ“ — орган РСДРП (об'един.) — Особой армии, „Социал-демократ“ — орган Бюро РСДРП (об'един.) при N корпусе, но их можно назвать газетами только с большими оговорками, ибо скорее это были предвыборные листки, выпущенные в связи с выборами в Учредительное собрание. Народники (социалисты-революционеры и народные социалисты) были, конечно, богаче, но несмотря на это, им не удалось поставить на должную высоту свою прессу, а тем более сравняться с большевиками. Специальную газету „Революционный Народ“ пыталась издавать Питерская военная организация партии с.-р., но газета просуществовала всего несколько месяцев. На фронте газеты издавались местными с.-р. комитетами, часто совместно с комитетами крестьянских депутатов, напр., „За землю и волю“ — орган армейского комитета партии с.-р. и Совета крестьянских депутатов 7 армии; „Солдат-крестьянин“ — орган армейского исполнительного комитета крестьянских депутатов 3 армии и военных организаций партии социалистов-революционеров; „Социалист-революционер“ — орган комитета партии с.-р. и Совета крест. деп. 9 армии; „Социалист-революционер“ — орган с.-р. при N корпусе; известны еще: „Солдатская Мысль“, изд. военного отдела Омской группы партии с.-р.; „Знамя Солдата“, изд. воен. отдела партии с.-р. V армейского копуса; „Народный Социалист“ — солдатская газета, орган комитета трудовой народно-социалистической партии района 12 армии, гор. Риги и Пскова; „Товарищ“, изд. военной организации трудовой народно-социалистической партии.

В области обслуживания армии партийными военными газетами — большевики бесспорно стояли на первом месте, так как большинство эсеровских и меньшевистских газет носили характер листков. И хотя у большевиков часть газет также носила характер листков, все же у них были такие большие газеты, как „Солдатская“, и „Окопная Правда“, с которыми ни „Революционный Народ“, ни „Красное Знамя“ конкурировать не могли.

Перечисление типов газет мы закончим указанием на ряд органов, издававшихся военно-революционными комитетами армий и фронтов в период Октябрьской революции, например: „Революционная Ставка“ — орган революционного к-та при Ставке; „Бюллетень военно-революционного к-та Западного фронта“; 10 армии; „Известия военно-революционного к-та Юго-западного фронта“; 3 армии; 7 армии и др.

Наконец, последнее — это официальная газета военного министерства, сначала — „Русский Инвалид“, сохранившийся чуть ли не до середины 1917 г., а затем „Армия и Флот свободной России“.

Таковы основные типы газет, предназначенных обслуживать армию с целью привлечения ее на сторону одной из борющихся сторон. Переходим теперь к характеристике этих газет со стороны их содержания.

4. Политическая физиономия армейских газет.

Политическая платформа всех армейских газет, о которых мы коротко говорили выше, определялась в первую очередь тем, кто их издавал. Выше уже отмечалось, что кроме штабных газет, наиболее распространенным типом газеты были „Известия“ армейских и прочих комитетов и советов солдатских депутатов. Отсюда совершенно очевидно, что поскольку в громадном большинстве армейских комитетов и советов депутатов в течение большей части периода от Февраля до Октября руководящая роль принадлежала социалистам-революционерам и меньшевикам, то и армейские газеты имели соответствующую политическую физиономию. Полевение комитетов и советов, усиление в них большевиков — получает немедленное отражение и в газете.

Но эта оценка политического направления армейских газет, будучи в общем и целом правильной, нуждается все же в ряде поправок. Дело в том, что при большой отдаленности от революционных центров, далеко не достаточной телеграфной информации—армейские газеты, как и сами армейские выборные органы, зависели и отражали в себе и точку зрения штаба, и какого-нибудь отдельного лица или группы. Отпечаток таких суб'ективных влияний подчас очень характерен для армейских газет.

Для ряда газет очень характерно стремление оставаться беспартийными, внепартийными. Критика теории беспартийности в условиях классовой борьбы вообще, а революции — в особенности, давалась то . Лениным не раз. На примере армейской печати можно лишний раз убедиться в несостоятельности этой теории. Под флагом беспартийности вышла газета „Солдатское Слово“ (см. выше)—и с первых же номеров она встала на путь поддержки буржуазного вр. правительства.

„Солдатская Жизнь“—пишет редакция этого органа в № 1—„является органом внепартийным и чуждым определенных... программ и заданий“, но в то же время она „будет стоять на-страже революционной сознательности и верного служения тому гражданскому долгу, какой обязывает всех честных солдат сплотиться на одной мысли— защиты России от военного разгрома и вражеской кабалы“ [1]), а отсюда — полная поддержка вр. правительству, „война до победного конца“, борьба с большевиками.

Вот другая газета — „Вестник Румынского фронта“. Редакция ее, „оставаясь беспартийной“, доходит до того, что помещает даже статью

[1]) „Солдатская Жизнь“. Еженедельный орган воен. секции Воронежского Совета раб., солд. и крестьян. деп., № 1—1917 г.

большевика, т. Мостовенко[1]), но это не мешает ей одновременно поддерживать мероприятия Керенского по укреплению армии, в дальнейшем—весьма усердно критиковать большевиков. „Мы—пишет редакция „Голоса 3-й армии",—не становимся на узко-партийную точку зрения, но... будем проводить взгляды социал-демократов и социал-революционеров" [2]). Значит ли это, что редакция будет хотя бы изредка освещать и большевистскую точку зрения на события?—Ничего подобного. Большевики преследуются в этой газете не меньше, чем в других „узко-партийных" армейских органах.

В тогу беспартийности драпируется и „Выборгский Солдатский Вестник", печатая даже статьи из „Правды", но на деле эта газета оказывается желтым листком, редактируемым от'явленным черносотенцем [3]) Федоровым. К определенной политической партии не хочет примкнуть и ревельская военная газета „Свободное Слово". Она резко критикует Милюкова, но это не мешает ей перенести „центр борьбы на самого германского деспота, этого естественного врага свободы", по выражению идеальнейшего из демократов — Вудро Вильсона[4]), т.-е встать на одну платформу с тем же Милюковым. Не только лозунг беспартийности в армейской прессе оказался несостоятельным. То же самое следует сказать и в отношении стремления к об'ективности тех армейских органов, которые, встав на социалистическую платформу, пытались здесь остаться вне рамок какой-нибудь одной партийной программы. Мы уже приводили пример с „Солдатской Жизнью". А вот другой, еще более яркий пример. „Известия армейского К-та 8-й армии" печатают перечень важнейших газет всех партий с указанием, какие из них рекомендуются. И вот в этом списке, претендующем на об'ективность, находим: „Дело Народа", „Воля Народа", „Земля и Воля"—эсеровские; „Единство", „Рабочая Газета"—с.-д.; „Изв. Петр. Совета Р. и С. Д.", „Солдат-гражданин", „Новая Рада" и „Киевская Мысль"—из категории беспартийных—и ни одной большевистской [5]).

Любопытную картину эволюции политической физиономии армейских газет дает изучение их лозунгов.

Вот, напр., тот же „Голос 3-й Армии". С первых номеров на нем красуется: „К оружию солдаты—война до победы!" Но вот уходят в отставку Милюков и Гучков. У солдат лозунги „война до победы" не встречают успеха и редакция выбрасывает новый лозунг— „К оружию солдаты—спасайте свободу!" А еще через некоторое время и этот лозунг исчезает.

---

1) См. № 6—от 12 мая.
2) „Голос 3-й Армии". № 42—9 июня 1917 г.
3) См. Раскольников, „Кронштадт и Питер в 1917 г.".—ГИЗ, 1925 г., стр. 84.
4) См. № 5—1917 г.
5) См. „Известия Армейского К-та 8-й Армии", №№ 3 и 4—1917 г.

А вот лозунги других газет: „война до победы в полном единении с союзниками“ [1]); „дисциплина, победа, учредилка“ [2]); „свобода, труд, победа“ [3]).

Все они под разными соусами кричат об одном — о победе. Но именно поэтому все эти газеты вынуждены были итти и против большевиков, на своем знамени начертавших требование мира, независимо от победы.

Остановимся несколько на самом содержании газет. В этом отношении у газет было много общего. Общим и наиболее характерным для большинства газет было стремление заняться „большой политикой“. Громадные статьи на различные социально-политические и экономические темы из номера в номер наполняют газету. Тут и серия статей о „лиге интеллигентного труда“, тут и „Россия в цифрах“, и ряд статей о программах различных партий от октябристов до анархистов включительно и т. п., при чем подчас весь этот материал представляет собой перепечатку из столичных газет, а иногда прямо из книг..

Далее общим для большинства газет были отдел официальный (приказы, сообщения Ставки, телеграммы) и политическая информация; затем обзор печати и отдел о деятельности комитета (протоколы, отчеты, постановления и т. д.); если к этому прибавить куцый материал „с мест“, далеко не везде помещавшийся, — то этим исчерпывается содержание газеты.

Чего не было у газет, это—целевой установки: для кого и для чего данная газета предназначается. Если для рядовой солдатской массы,— тогда и подбор материала и самое изложение его никуда не годились; если для комитетчиков — тогда следовало бы давать гораздо больше инструктивного материала; если для командного состава—тогда опять-таки нужно было бы давать совсем другой материал. Далее—предполагали ли редакции заменить своей газетой общегражданскую прессу или только дополнить ее своим местным армейским материалом,—над всем этим мало задумывались. Это отсутствие установки на определенную категорию читателей и привело к тому, что армейскую газету рядовой солдат читал редко. Но во всяком случае все эти издания газетами назвать можно. Совсем другой характер носят издания корпусов, дивизий, полков. Как правило, они выходили далеко не ежедневно. Ясно, что политической информации они не давали, а ограничивались местными вопросами и хроникой — в лучшем случае, статьями по всяким общеполитическим вопросам—в худшем.

В известной степени ряд этих газет: „Единение“, „Искорки“, „Каргабазарский стрелок“ (орган див. к-та 4-й Кавк. стр. див., Эрзерум)

[1]) „Воин-гражданин“ № 3. Архангельск и др.
[2]) „Воин Свободной России“, Киев.
[3]) „Солдат“ № 3, Александрополь и др.

„Наше Слово", „Свободный Солдат", „Солдатская свободная мысль" и др. (см. выше) — напоминает наши стенные газеты в самый худший период их жизни, когда, кроме редколлегий, никто в них не писал, а вместо местной жизни редакторы занимались освещением мировых вопросов, с тем только исключением, что наши стенгазеты никогда не имели возможности пользоваться типографскими средствами.

Мы нарисовали картину состояния армейской печати. Отметим, что все же фронтовым комитетам и советам крупных городов удалось, в смысле количества и подбора материала, довольно хорошо поставить свои газеты, напр., „Голос фронта"—(Юго-западный фронт), „Фронт"—(Западный фронт), „Голос солдата"— (Петроградский Совет Р. и С. депутатов) и ряд др.

Из сказанного выше видно, что громадное большинство армейских газет стояли на платформе поддержки вр. правительства и борьбы с большевиками. Таким образом, если попытаться подразделить все газеты, не считаясь с тем, кто их издавал, а по их политической физиономии, то получим, с одной стороны, около 10 большевистских газет, включая сюда газеты, близкие к большевикам, как, например, „Искорки" 127 батальона, а с другой, — свыше 150 газет, самых различных направлений, об'емов и т. п., но фактически об'единенных одним: общей борьбой с большевизмом.

5. Печать и солдатская масса.

О влиянии печати на солдат легче и правильнее всего судить по их отношению к тем или иным газетам.

Нечего говорить, что в этом отношении большевистская армейская печать с успехом соперничала и побивала соглашательскую. Не только потому, что лозунги большевистских газет были ближе солдату лозунгов всех остальных газет, но и потому, что все содержание, весь облик их был рассчитан на рядового солдата-крестьянина. „Солдатская Правда" понимала солдата, думала о нем, любила его и солдатские массы отвечали ей такой же горячей любовью. Достаточно прочесть хотя бы несколько солдатских писем на выдержку, чтобы понять, чем была для них эта газета. „Мы все плакали"—пишет один о впечатлении от чтения газеты; „не могу описать своей радости" — сообщает другой солдат по поводу прочтенного им номера газеты; „уважаемая, дорогая газета", „наша любимая газета", „защитница"—обращаются в своих письмах в редакцию солдаты; газета „раскрывает всем глаза"—подчеркивается в письме. Пожалуй, последние слова наиболее удачно об'ясняют причину такого отношения солдат к газете и такого большого влияния на солдат, которые отмечают в своих воспоминаниях участники событий тех дней[1]). Мы привели выдержки из писем сол-

[1]) См. А. Пирейко. „В тылу и на фронте империалистической войны (Воспоминания рядового)". Л. „Прибой", 1926 г., стр. 47—48, или Г. Чемоданов. „Последние дни старой армии". ГИЗ, 1926 г., стр. 86, или Я. Кальницкий, „От Февраля к Октябрю (Воспоминания фронтовика"). ГИЗ Украины. 1924 г., стр. 57.

дат, рисующих их отношение к газете только по двум номерам газет [1]. Но число таких примеров можно увеличить во столько же раз, во сколько больше номеров газет вышло фактически.

Что касается отношения солдатской массы к соглашательской и правой печати, то интерес к первой падал тем быстрее, чем больше становилась она на путь поддержки буржуазии со всеми вытекающими отсюда последствиями в отношении войны, земли и т. п. Соглашательская комитетская печать превратилась в ведомственную печать, которой почти никто, кроме самих комитетчиков всех рангов и степеней, не читал. Об отношении ко второй можно судить по тем резолюциям и протестам по поводу присылки этих газет и отказам принимать их, которые можно найти на страницах газет в большом количестве. Солдаты бурно реагировали на все призывы борьбы до победного конца, не останавливаясь перед посылкою в редакцию ругательских писем. В этой части очень интересно проследить их отношения к кадетской газете „Война и мир" [2]. Настолько сильна была ненависть к этой газете, что редакция ее не посмела обратиться к солдатам с просьбой брать бесплатно газеты для раздачи в действующей армии, а вынуждена была свое обращение адресовать исключительно к господам офицерам, военным чиновникам и медицинскому персоналу.

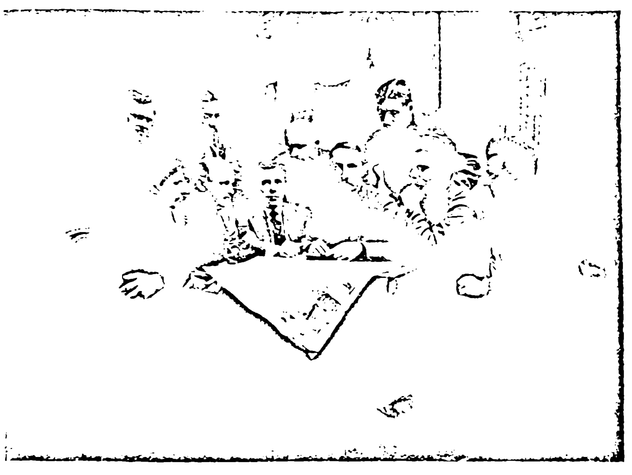
Большевистская армейская печать была подлинной солдатской печатью не только потому, что давала понятный солдату материал, она была солдатской еще и потому, что сами солдаты активно участвовали в ней, делились с ней своими мыслями, переживаниями и советами. В этом отношении, „Солдатская Правда" была гораздо больше солдатской газетой, нежели всякие соглашательские: „Солдатский Вестник", „Солдатское Слово", „Солдатская Мысль", Солдат-гражданин", „Солдат-крестьянин" и т. п. Правда, солдатский материал, помещаемый в газете, был очень своеобразен; это были, в большинстве своем, письма и резолюции, но в 1917 г. это был самый распространенный способ корреспондирования в газету.

Наконец, большевистские газеты были подлинно солдатскими, подлинно массовыми еще и потому, что издавались они на средства самих борющихся (рабочих, солдат), коренным образом отличаясь в этом отношении от всех остальных газет [3]. Буквально собирая по пятачкам, посылали в редакции свою лепту из далеких окопов солдаты. Больше того: десятки солдат посылали самое дорогое для них — свои боевые награды: кресты и медали. На помощь солдату-крестьянину, для которого в первую голову издавалась „Солдатская Правда", шел рабочий, отчисляя сотни и тысячи рублей. И только благодаря

[1] „Солдатская Правда" № 31 и „Солдат" № 31—1917 г.
[2] См. № 11—1917 г.
[3] См. „Солдатская Правда" № 25 — статья „Кто содержит „Солдатскую Правду".

поддержке рабочих удалось приобрести для газеты типографские машины, стоившие около 200.000 рублей.

Мы уже упоминали, что об отношении солдатской массы к большевистским газетам можно судить по тем сотням писем, которые со всех сторон России поступали в редакцию. Это был буквально голос низов, и, конечно, ни штабные, ни даже комитетские газеты этого не знали.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Центральная военная организация большевиков в 1917 г. Стоят: Галька, Кедров, Панюшкин. Сидят: Орлов, Меховошин, Дашкевич, Невский, Раскольников (Ильин).

Здесь мы подходим к одному очень интересному явлению, характеризующему отношения как большевиков, так и социал-соглашателей к этим солдатским низам.

Все газеты заинтересованы были в связи со своими читателями, в наличии у себя достаточного кадра корреспондентов. Но какая разница в работе в этом направлении большевиков и эсеров и меньшевиков!

Для нашей партии всегда было истиной, что рабочая газета должна большей своей частью состоять из материалов самих рабочих, солдатская газета — из материалов солдат. Ленин еще в 1904 г. писал, что „это—недоразумение, будто бы именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом уча-

ствовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным лишь тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов придется пятьсот и пять тысяч работников не литераторов. Орган действительно живой должен печатать $^{1}/_{10}$ присылаемого, утилизируя остальное для информации и указания литераторам"[1]). Этот завет Ленина, давший нам сейчас стотысячные армии рабкоров, селькоров, военкоров и т. д., применялся партией и в 1917 г. Именно он привлекал те сотни писем и резолюций, о которых уже упоминалось. Партия делала ставку на массы.

Как же подходили к этому вопросу другие партии? Вопрос о связи с местами, о получении материалов и корреспонденции с мест ставился работниками комитетской печати; но в какой плоскости? В уже не раз цитированных нами статьях „Армейская Печать" — из газеты „Голос фронта" — этот вопрос также всесторонне рассматривается[2]). Автор останавливается на причинах недостатка корреспондентов у газет и задает вопрос, действительно ли в армии недостаток в литературных силах, и отвечает: „Это не так. На фронте в солдатских, офицерских, докторских и чиновничьих мундирах есть не мало известых литераторов и публицистов". Но почему же они не участвуют в своей армейской печати? Вопрос об'ясняется довольно просто. Дело в том, что почти вся наша армейская печать поставлена на благотворительности (курсив автора), т. е. статьи и корреспонденции не оплачиваются. Устраним этот недостаток и дело сразу улучшится!

Таким образом, представители эсеровского и меньшевистского комитета все зло видели в недостаточной оплате литературного труда, а выход — в повышении оплаты, чтобы привлечь к участию в газете находящихся в армии квалифицированных литераторов.

Разница между этой установкой и установкой большевиков очевидна. Первая ориентируется на литераторов, от ставки на которых предостерегал Ленин. Но у них ни слова о массах, на которых брали ставку большевики. Одни все зло видят в недостаточной оплате; другие даже не ставят, да и не имеют ни возможности, ни надобности заострять этот вопрос. Но именно поэтому комитетская печать не знала тех сотен и тысяч безыменных, никому не ведомых корреспондентов, материалами которых питалась и питала „Солдатская Правда". — Две установки — два результата. В газеты одного типа шли литераторы, в газеты другого — массы. И массы победили.

6. Борьба за влияние на газеты.

Революция вызвала к жизни ряд выборных армейских комитетов, которые, считая себя представителями армейской (в первую очередь

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. V, стр. 507—508.
[2]) См. „Голос фронта" № 15, 1917 г.

солдатской) общественности, естественно требовали сосредоточения в их руках руководства уже выходившими в издании штабов газетами.

Командование и штабы, отчетливо представляя себе, какую силу могут приобрести газеты в руках ненавистных им комитетов (тогда они не знали еще, что у большинства комитетов за революционной фразой не кроется и намека на революционные дела), всеми силами противились поползновениям последних. Это было тем легче сделать, что все козыри были в руках штабов. У них были денежные средства, бумага, типографии, работники, источники и средства связи и информации и т. п. Они и могли диктовать свои условия. В течение марта и части апреля еще все армейские газеты остаются в ведении штабов. Но с оформлением войсковых организаций, начинается наступление последних на штабы. Кое-где руководство газетами переходит в руки комитетов; кое-где комитеты пошли на сотрудничество со штабами на основе установления „сфер влияния" в газете: штаб ведал официальным отделом (приказы, оперативная часть), комитет — неофициальным (политическим); кое-где комитеты приступили к изданию собственных газет. Лучше всего было положение первых, но и они зависели от прихоти командования. Захотели штабы — и типография оказывается перегруженной заказами, в бумаге внезапно ощущается недостаток—и комитету приходится итти на уступки. Только там, где удавалось брать под свое влияние командование, армейский комитет мог более или менее спокойно вести свою работу. Хуже было положение сторонников соглашения — они сразу же попадали в зависимость от штаба и не только из-за материальных средств, но и потому, что от прихоти представителя штаба в редакции зависело признать тот или иной материал официальным и, поэтому, помещать или не помещать его у себя в отделе. Наиболее спокойны в смысле независимости были руководители самостоятельных газет, но не имея определенного бюджета — они в большей мере также плыли по течению, переходя от ежедневного тиража к трем дням в неделю, от четырех тысяч к двум, от большого формата к меньшему.

Первые месяцы революции прошли в борьбе за овладение материальными средствами: победителей не было, но перевес был на стороне штабов.

Но командование не думало ограничиваться влиянием на печать только в материальном отношении. Смена ряда работников в результате революции освежила закоснелые умы штабников и они уже стали подумывать, как бы и в идейном отношении подчинить себе печать заставить ее проводить, целиком и полностью, свою политическую линию.

Почин в этом отношении принадлежал Ставке верховного главнокомандующего в лице ее „бюро печати", которое и созвало в начале мая с'езд редакторов военных газет. Но политическая физиономия

инициаторов с'езда, видно, не очень привлекала работников печати и их приехало так мало, что пришлось с'езд считать только совещанием. Но руководителей это не очень обескуражило. Проведя председателем своего человека — капитана Брагина, ведавшего в ставке вопросами печати, они, при его содействии, сразу же провели и другое решение: „постановления выносить твердые и определенные, которые давали бы сразу основы к руководству всем делом создания в армии военной печати" [1]).

Взгляд Ставки на задачи печати изложил в приветственном слове генерал-квартирмейстер — ген. Марков. Они сводились: к поднятию боеспособности армии, борьбе за поднятие ее мощи и к восстановлению в ней твердой власти, без которой неминуемы разгром фронта, разруха внутри и гибель свободы; борьбе с растлевающими армию явлениями и борьбе за восстановление в ней взаимного доверия всех воинских чинов между собой.

Дальнейшая работа совещания свелась фактически к конкретизации этих основных положений. Все решения были сконцентрированы в двух резолюциях. Одна была программного характера, другая — рассматривала вопросы организационно-технического порядка.

Основные положения первой резолюции гласили:

1. В вопросах внутренней политики — полная поддержка коалиционного временного правительства при свободном освещении на страницах военных изданий текущих вопросов.

2. Недопустимость сепаратного мира... Спокойное отношение к предпринимаемым правительством подготовительным шагам к соглашению с союзниками об условиях мира, на основе декларации временного правительства от 7 марта; проведение идеи, что поражение России или ее союзников не только бы явилось источником величайших бедствий народа, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира.

3. Недопустимость братания с врагами на фронтах и энергичная пропаганда против этого.

4. Беспартийность направления и беспристрастное ознакомление читателей военных газет с политическими течениями страны.

5. Призыв к взаимному доверию всех чинов армии...

6. Твердое проведение идеи, что только Учредительное собрание имеет право изменить основные законы Российского государства и создавать новые [2]).

Вторая резолюция намечала мероприятия по проведению указанной программы. Эти мероприятия сводились к следующему:

1. Взаимные обмен газетами и использование материала.

[1]) См. „Голос 3-й армии" — орган армейского комитета № 27, 23/V—1917 г.
[2]) См. там же.

2. Установление Ставкой специальной военной телеграфной информации для всех военных газет, принимающих программу совещания.

3. Опубликование в военных газетах официальных опровержений „Бюро печати при Ставке", касающихся вопросов военного характера.

4. Призвать все редакции армейских газет присоединиться к настоящей платформе.

Специальная резолюция была принята об усилении материально-технических средств редакций в целях борьбы „с наводняющими войска изданиями, противоречащими интересам поднятия мощи и боеспособности армии" [1]).

Решения совещания не встретили сочувствия в редакциях газет армейских организаций. В этих решениях они — и не без основания — увидели попытку организованного воздействия и подчинения себя со стороны меньшинства работников армейской печати. Но с совещанием приходилось считаться, и единственным способом умалить его значение было созвать другое совещание, решения которого можно было противопоставить совещанию в Ставке.

В конце мая в Петрограде созывается военным министерством с'езд редакторов армейских и фронтовых газет. Значительное место на с'езде принадлежало представителям газет, издаваемых комитетами, но большинства у них не было. Поэтому, между прочим, предложение о передаче всех армейских газет в ведение комитетов было провалено На с'езде обсуждался ряд вопросов, но мы остановимся только на одном, связанном с вопросом о политической платформе армейской прессы.

Исходным положением при определении значения прессы было признание необходимости „своевременного осведомления армии и подлежащего освещения событий и борьбы с растлевающими армию влияниями".

Отсюда ясна и политическая платформа армейской прессы. Но на с'езде вокруг этого вопроса разыгрался чрезвычайно характерный инцидент, иллюстрирующий истинную физиономию, как руководителей военного министерства, так и представителей „демократии", присутствовавших на с'езде.

С официальной точки зрения по вопросу о политической платформе газет выступил помощник Керенского—князь Туманов. В своем сообщении он совершенно откровенно заявил, что в армейской печати могут писать представители всех партий, начиная от кадет и кончая меньшевиками. А на вопрос, какова будет политика военного министерства в случае, если руководство газетами перейдет к большевикам, достопочтенный князь ответил: „Вас лишат военной типографии отпуска средств из казны".

[1]) См. „Голос 3-й армии" — орган армейского комитета, № 27 23/V—1927 г.

Представители „российской демократии“, в лице редакторов соответствующих газет, от такого откровенного ответа почувствовали себя неловко и попытались было протестовать, но на следующий день пришла телеграмма от самого Керенского, в коей подтверждалось, „что военная печать не может ныне оставаться вне политики и должна определенно проводить программу временного правительства“.

Грозный окрик министра-„демократа“ и „социалиста“ так подействовал на вчерашних защитников свободы совести и печати, что они забыли о всех своих протестах и решили, „что телеграмма ясно и определенно указывает направление политической работы для всех фронтовых газет“, а посему и самый вопрос о выработке политической платформы должен быть снят с обсуждения.

Итак, один за другим два с‘езда представителей армейской печати как официальной штабной, так и комитетской единогласно приняли программу своей деятельности. Эту программу можно коротко изложить в следующих словах: полная поддержка временного правительства и борьба с большевиками.

Но наличие у громадного большинства газет этой общей линии не исключало в то же время наличия известных противоречий между руководителями газет тех или иных направлений. В свою очередь эти противоречия вызывали за собой ряд мероприятий, которые должны были, по мнению их авторов, отдать в руки последних руководство печатью.

С особенной силой эти противоречия развились в результате неудачи июньского наступления.

На почве подготовки наступления и ряда предшествовавших ему мероприятий (в частности кампании за „заем свободы“) об‘единились и штабные и комитетские газеты. Перед лицом этой „важнейшей“ задачи смолкли все ссоры и раздоры.

Но вот наступление началось, пошло... и — что не раз предсказывали большевики — позорно провалилось. Часть армий отступила. Началась взаимная критика; посыпались обвинения. Комитеты обвиняли командный состав в бездарности, растерянности и паникерстве. Командование взваливало на комитеты всю вину за нежелание солдат воевать обвиняя комитеты в разложении армии своей демократизацией, декларациями и т. п. Началась реакция, еще более усилившаяся после июльских дней.

Очень быстро это сказалось на судьбе армейской печати, особенно тех армий, которые, вследствие отступления лишились бумаги и тем самым попали в зависимость от штабов.

Наибольшую ненависть проявили к армейским газетам ген. Деникин и его правая рука — ген. Марков, со взглядами коих на печать мы знакомы по материалам первого совещания. Поэтому, естественно, что, как только представился случай закрыть газету западного фронта

„Фронт", ген. Деникин это сделал. Что же вызвало ненависть его к этой газете, далеко не большевистской? В своих воспоминаниях [1]) он перечисляет те статьи, которые с его точки зрения являются особенно преступными. Среди них наибольшее количество — „14 статей, доказывающих, что продолжение войны выгодно только для врагов демократии — „буржуев", помещиков, фабрикантов". Затем ряд призывов прекратить войну; резолюций, выражающих недоверие некоторым командирам и штабам, ряд других материалов и, наконец, — самый большой грех! — резолюция одного из комитетов, в коей говорилось, что „расхождение идей большевизма со взглядами военного министра и большинства совета не может служить основанием для воспрещения пропаганды и ареста агитаторов. Репрессивные меры против большевиков являются грубым и противозаконным нарушением прав свободных граждан".

Такие материалы вызвали недовольство „его превосходительства" и он, „нарушив приказ Керенского, приказал прекратить отпуск денег на газету", что было лучшим средством заставить газету замолчать.

На западном фронте Деникин пробыл недолго, перейдя оттуда главнокомандующим юго-западного фронта. Там в это время выходил „Армейский Вестник" — орган штаба, но под редакцией армейского комитета.

Приезд Деникина и Маркова совпал с помещением в газете статьи, направленной против приютившегося в ставке контр-революционного „Союза офицеров Армии и Флота".

„Дерзость" комитетчиков их страшно обозлила — пишет автор одной из статей об армейской печати [2]). „Марков, как начальник штаба потребовал к себе редакционную комиссию в полном составе. Не успела редкомиссия исполнить приказание, как в штаб явился председатель Исполнительного Комитета. Ему Марков развил свою крайне несложную, но гениальную, как удар кулаком, теорию воздействия на направление газет. Во-первых, он заявил, что как главнокомандующий, так и он — члены Союза офицеров, и никогда не позволят писать против Союза в газете, издающейся при штабе... Во-вторых, он заявил, что если еще раз появятся подобные статьи, то он газету закрывать не станет, а будет воздействовать совершенно законно; отберет типографию и материальные средства, как это он сделал на Западном фронте".

Так проводилась свобода печати в отношении далеко не левой газеты, и не приходится удивляться, что большевистскую печать закрывали без лишних слов.

По стопам Деникина пошли и его подчиненные. Так, отказались печатать армейские газеты в штабных типографиях командующие 8 и 10 армиями.

---

[1]) Деникин, „Очерки русской смуты", Париж, т. I, вып. 2, стр. 84—85.
[2]) См. „Голос фронта" № 11, 1917 г.

Такое открытое наступление командование на комитеты неизбежно должно было встретить противодействие со стороны последних. Так оно и было. В адрес военных секций ВЦИК'а, Петросовета, в адрес военного министерства посыпались телеграммы-протесты, телеграммы-ходатайства о полной передаче всех армейских органов в ведение комитетов. Особенно бурно реагировал исполнительный комитет Юго-Западного фронта, на себе испытавший политику Деникина. В телеграмме по поводу отказа штаба печатать газету Искомитюз, „признавая совершенно недопустимым попытки командного состава наложить руку на свободную прессу комитетов... ходатайствует о надлежащем раз'яснении комсоставу недопустимости какого-либо воспрепятствования комитетам в их издательской деятельности и скорейшем переводе, путем особого приказа, всех существующих штатов и денежных отпусков на издание войсковыми штабами... печатных органов в полное распоряжение комитетов“ [1]).

Эта телеграмма была адресована управляющему военным министерством — Савинкову. Последний в это время, вкупе с Корниловым и Филоненко и с благословения Керенского, усердно готовился к дальнейшему разгрому революционного пролетариата и его партии и к установлению твердой власти — диктатуры. С этой целью подвозились к Питеру самые реакционные части (в роде дикой дивизии), распускались провокационные слухи о якобы готовившемся большевистском перевороте и т. п. Тот же Савинков очень хорошо понимал, какую большую поддержку в этом отношении сможет оказать ему армейская печать, особенно, если поставить ее в рамки полной зависимости от военно го министерства. И 7 августа он отдает приказ по военному ведомству, в коем говорит: „1) право издания органов армейской печати признать принадлежащим исключительно армейским, фронтовым и соответствующим комитетам; 2) всем штабам прекратить со дня распубликования сего приказа издание собственных органов... передав немедленно денежные средства, предназначенные на издание этих органов, и все техническое оборудование в распоряжение соответствующих комитетов...“ [2])

А для руководства армейской печати создается при политическом управлении военного министерства специальный отдел печати [3]).

Было бы ошибочно думать, что штабы сразу же подчинились приказу военного министерства. Ничего подобного. Превознося дисциплину в армии превыше всего, проклиная большевиков, отнимающих у начальства его дисциплинарные права, они сами в то же время отказываются исполнять полученный приказ. Так, например, штаб Западного фронта передал типографию фронтовому комитету только 3 сентября

[1]) См. „Известия Армейского К-та 11 армии“ № 67, 1917 г.
[2]) См. „Армия и Флот Свободной России“ № 183, 1917 г.
[3]) То же № 206.

и с того же числа прекратил издание своей газеты „Наш Вестник" В Особой армии еще 9 сентября вышел штабной „Вестник Особой Армии". То же самое наблюдалось и в некоторых других армиях [1]).

7. Борьба с большевистской печатью.

В дополнение к сказанному ранее остановимся несколько подробнее на том, как свобода печати проводилась в отношении газет большевиков. Уже упоминалось, что в борьбе с большевиками, об'единились и штабы и комитеты. Монархист Деникин, социал-революционер Керенский, народный социалист Станкевич и десятки генералов, „социалистов" и „демократов" об'единились для борьбы с большевистской печатью.

В первые месяцы революции борьба шла „идейная", „идеологическая", что сводилось к тому, что по линии сотен газет изо дня в день распространялись лживые клеветнические сплетни о подкупе большевиков немцами, о том, что Ленин шпион, что большевики разлагают армию, призывают к насилиям, грабежам и т. д. В этой „почетной" работе армейские газеты занимали первые ряды, и здесь же они потерпели серьезнейшее поражение. Массы быстро разобрались, за кем истина, к чему клонят все эти газеты, и отвернулись от них. Массы выбрали „Правду" и всех ее младших собратьев.

Тогда борьбу повели по линии организационной. Сначала начались попытки лишить большевиков типографии. На это рабочие и солдаты ответили тем, что в кратчайший срок собрали нужные суммы и обеспечили газеты своими собственными типографиями. Борьба перешла в область доставки и распространения газет. Экспедиционные средства были в руках правительства, на фронте—у командования. И вот газеты начинают запаздывать, теряться, залеживаться у комендантов, в полевых почтовых конторах, не доходят по назначению. Но широкие массы трудящихся не даром были на стороне большевиков. И при содействии всех этих безыменных железнодорожников, почтовых служащих, шоферов, через посты летучей почты, продовольственные обозы, походные кухни и т. д. „Солдатская Правда" доходит до окопов.

Тогда власть и командование и комитеты встают на путь запрещения выписывать, распространять большевистскую газету. То в одном городе, то в другом издаются распоряжения, запрещающие продавать „Солдатскую Правду" [2]).

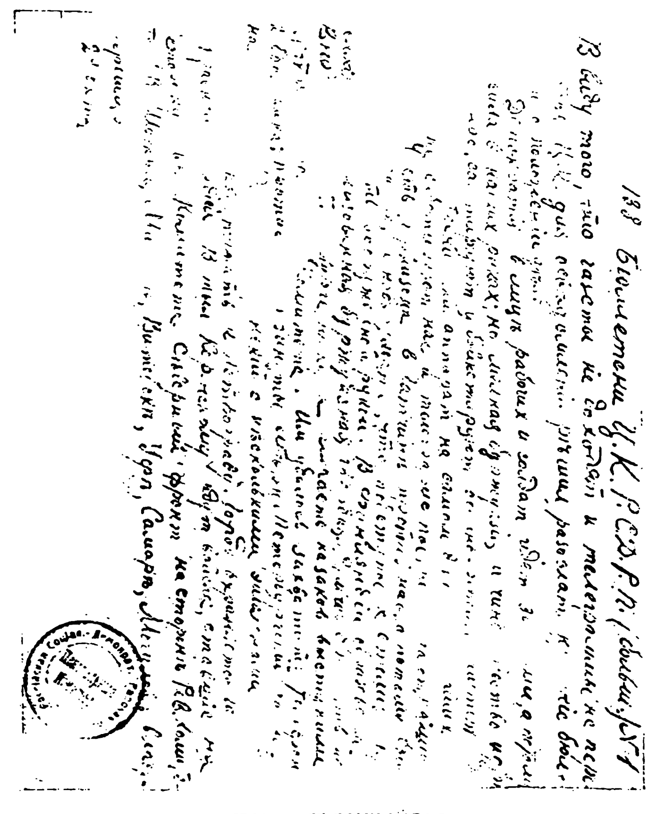
Все чаще получаются в редакции письма, что солдатам запрещают выписывать и читать газеты большевиков [3]). Солдатские лавки, находя-

---

[1]) См. „Голос фронта" № 11, 1917 г.
[2]) См., напр., „Солдат" № 36 1917 г.
[3]) См. „Солдатская Правда" № 27 и „Правда" № 61, 1917 г.

щиеся в подчинении таких „демократических“ организаций, как Земсоюз, Земгор, отказываются продавать газеты большевиков.

И до того доходит бесстыдство социал-соглашателей, что в самые Корниловские дни, когда именно большевистское слово сплачивало

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Краткий рукописный бюллетень ЦК РСДРП (б) № 1, от 29 октября 1917 г., осведомляющий о положении дел на революционном фронте.

солдатские массы. Комиссар 5 армии „самым строгим образом обращает внимание на недопустимость распространения большевистской литературы в армейском районе", а ежели все же попустители этому найдутся, то „виновные будут привлекаться к судебной ответственности"[1]).

Но правительство очень скоро убедилось, что всеми такими мерами не убить влияния печатного большевистского слова. Под давлением правых кругов, в особенности высшего командования, при полной поддержке соглашательских партий, оно становится на путь закрытия газет большевиков. Непосредственным поводом для этого были июльские дни, когда временное правительство почувствовало особенно остро быстрое приближение своей гибели. И немудрено, что уже 12 июля оно постановляет: „Предоставить в виде временной меры военному министру и управляющему министерством внутренних дел закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей, к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и гражданской войне"... А на основании этого приказом Керенского закрываются одна за другой: „Правда", „Окопная Правда", „Солдатская Правда", а затем и ряд провинциальных газет.

Но этим Керенский уже не ограничивается. Встав на путь ликвидации свободы печати в отношении большевиков, он, дабы обеспечить себя на будущее, приказывает всему командному и комиссарскому составу армии и впредь „тщательно следить за распространяемыми в армии повременными изданиями и, в случае появления газет, призывающих к одному из деяний, перечисленных в постановлении временного правительства, входить ко мне с представлением о немедленном закрытии таковых. Все войсковые комитеты призываю оказывать начальникам и комиссарам полное содействие".

Итак, командный состав, давно мечтавший об этом, получил законное право ликвидировать большевистскую печать. Комиссары и комитеты, стыдливо подходившие к этому, получили задание: бить с плеча. И избиение началось.

Общее руководство делом ликвидации всех собратьев „Правды" принадлежало отделу печати политического управления военного министерства. Соответствующие учреждения завели у себя и комиссары фронтов и армий. Вот как описывает их деятельность один из Комиссаров временного правительства — Станкевич. „В Пскове в моем „Управлении", как громко называлась единственная комната, где работали все мои сотрудники — главную роль играл Савицкий... Поэт А. Х... стал заведывать литературно-агитационным отделом. Между

[1]) „Солдат" № 34, 1917 г.

прочим, в круг его обязанностей входило следить за большевистской литературой"[1]).

Это „между прочим" звучит прямо-таки великолепно. Но посмотрим, что за этими словами скрывается. Перед нами отчет отдела печати этого самого „Управления" за небольшой период с 1 по 7 августа. Добрая половина его освещает мероприятия по информации армейских периодических изданий, на предмет создания соответствующего общественного мнения. Одновременно излагаются мероприятия в отношении большевистских газет. Вот, что читаем в отчете: „Вопрос о закрытии латышских газет „Zina" и „Vrivais Strelneeks" стоит на очереди, в виду телеграммы начальника политического отдела № 6645, представляющей, согласно распоряжения военного министра, выбор времени для закрытия мне (Станкевичу. С.Р.) ...Предварительное распоряжение о задержании этих газет в полевых почтовых учреждениях сделано. Переписка о закрытии „Знамени борьбы", издаваемый в Выборге, представлена военному министру на распоряжение. Ему же представлены 1 августа за № 154 номера „Окопного набата", относительно дальнейшей судьбы которого, зависящей от общей политики вр. правительства, ожидаются указания"[2]).

Итак, работа „между прочим"— за одну только неделю свелась не более и не менее, как к подготовке закрытия 4 газет. Так осуществлялась директива „социалиста" Керенского „социалистом" Станкевичем.

Не мудрено, что буржуазия была довольна своими „социалистами", а рабочий класс и армия видели в них своих классовых врагов и от всей души ненавидели их.

Но все мероприятия, вплоть до создания специальных органов для борьбы с большевистской печатью, ни к чему не привели.

Октября нельзя было задержать. Он пришел и впервые, по настоящему, дал свободу печати рабочим и крестьянам. И новые, родившиеся после Октября, армейские газеты переняли все лучшее от „Солдатской Правды" и ее собратьев.

---

1) В. В. Станкевич. „Воспоминания 1914—1919 гг". Л. „Прибой", 1926, 89 стр.

2) Военно-исторический Архив. Дело № 2134 с. Все газеты, о которых идет речь большевистские. Первые две и „Окопный набат" издавались ЦК социал-демократии Латвии и военными организациями 12 армии, при чем „Окопный набат" заменял уже закрытую „Окопную правду". „Знамя борьбы" издавалось Выборгской военной организацией большевиков.

И. ВАЦЕТИС

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Возникновение латышских стрелковых частей, как чисто национальных боевых организаций, относится еще к периоду империалистической войны, а именно, к лету 1915 года. Мысль о создании тогда латышских стелковых частей возникла, благодаря наличию в то время двух рабочих батальонов Усть-Двинской крепости, укомплектованных исключительно латышами. Взятые в один из критических для армии моментов из крепости и брошенные на передовую линию фронта, эти два батальона в происшедших боях с германской конницей в районе Митавы проявили настолько серьезное упорство, что невольно побудили соответствующие сферы обратить серьезное внимание на выказанные этими батальонами боевые качества.

Сначала были сформированы 8 отдельных латышских стрелковых батальонов, которые в ноябре 1916 года были развернуты в 8 стрелковых полков и сведены в две бригады, по четыре полка в каждой.

Во главе формирования этих частей стал „Организационный Комитет по формированию латышских стрелковых частей", состоявший, главным образом, из представителей латышской интеллигенции и мелкой буржуазии. Что же касается основной массы формируемых частей — их рядового состава,— то он преимущественно комплектовался из рядов малоземельного крестьянства, батрачества (очень многочисленного в предвоенный период в Прибалтике) и городского пролетариата.

Уже с первых дней февральской революции устанавливается тесная связь латышских стрелков с латышской партией большевиков, как с нераздельной частью того единого целого — латышского пролетариата, из среды коего вышла основная масса латышских стрелков.

К маю месяцу 1917 года большинство голосов в Исколастреле (как сокращенно назывался Исполнительный Комитет латышских стрелков) получает латышская партия большевиков. Меньшевики и правые партии составляли в общей сложности всего лишь около 15%. Хотя в латышских полках процент партийных большевиков был не очень велик, но происхождение основной массы стрелков определяло их общий революционный фронт с большевиками.

На майском с'езде делегатов латышских частей и латышской партии большевиков 30 мая (н. ст.) были приняты апрельские тезисы тов. Ленина. Латышские части определенно встали на платформу пролетарской революции, об'явив своим идейным вождем тов. Ленина. Этим самым актом первейшей политической важности латышские

стрелки отдали себя в полное распоряжение партии большевиков для подготовки Октябрьской революции.

Революционные латышские стрелки находились под авторитетным и непосредственным руководством Исколастрела, поставившего своей ближайшей целью захват в свои руки руководства 12 армией, находившейся в то время под влиянием меньшевистского Искосола (Исполнительный Комитет солдатских депутатов 12 армии).

Вскоре Исколастрел об'единился с другой большевистской организацией 12 армии, образовавшейся в 109 пех. дивизии, во главе с гг. Васильевым, Хаустовым и Сиверсом, и имевшей даже свой печатный орган „Окопную Правду". Влияние агитации Исколастрела и представителей „Окопной Правды", опиравшихся на 436 Новоладожский полк (109 пех. див.), быстро росло.

К июлю 1917 г. на стороне большевиков в 12 армии было уже несколько дивизий, и тогда под общим руководством Исколастрела был создан так наз. „левый блок", в состав которого вошли все те войсковые части, которые откололись от Керенского. Необходимо заметить, что дело левого блока процветало только на фронте; в тылу же сохранили свое влияние меньшевики, находившиеся под руководством Искосола, во главе с меньшевиком Кучиным. Таким образом, в 12 армии большевизация приводит к весьма интенсивному расколу— по фронту и в глубину, в сторону тыла. „Окопники" весьма быстро примкнули к лозунгу „Долой войну", „Мир без аннексий и без контрибуций"; но совершенно иначе было в тылу и в штабах, где условия жизни и материальные выгоды делали продолжение войны желательным, хотя бы „до полной победы". Тыл армии и штабы были заполнены мелкобуржуазными элементами и интеллигенцией; к ним примкнули ударные части, броневики, отсиживавшаяся в тылу конница с аристократическим комсоставом. Названные части сохранили преданность Искосолу до последнего момента.

Для овладения всей полнотой власти над 12 армией, надо было забрать в свои руки Искосол, в котором, благодаря поддержке тыловых учреждений, большинство голосов было на стороне Керенского. В 12 армии на одного „окопника„ приходилось 11 (одиннадцать) человек в тыловых учреждениях. Но с июня месяца (н. ст.) борьба начинается также и в Искосоле, где из делегатов левого блока была образована большевистская фракция.

В начале июня (н. ст.) Керенский посетил 12 армию. Его приезд имел прямой целью: 1) произвести перелом настроения в среде солдатской массы в пользу наступления, 2) подкрепить позиции Искосола.

Но ни той, ни другой цели он не достиг. На фронте солдатская масса высказывалась решительно против наступления. Одного солдата, высказывавшегося в пользу окончания войны, Керенский приказал немедленно демобилизовать и сообщить об этом в волость. Демобили-

зованный запрыгал от радости... При выступлении в Рижском немецком театре на с'езде делегатов 12 армии, Керенский столкнулся с вождями левого блока. Хотя он формально одержал „вербальную" победу (была принята трескучая резолюция), но на фронте все осталось по-старому: левые элементы постепенно усиливались, а Искосол терял положение хозяина в армии.

В июне Керенский отдал приказ Искосолу разгромить левый блок. Искосол получил определенную директиву: 1) убрать руководителей „Окопной Правды", 2) расформировать большевистские латышские полки и Исколастрел, а из оборончески настроенных элементов образовать в каждой латышской бригаде преданный Керенскому ударный батальон. Для расформирования большевистских латышских полков было прислано из Петрограда доверенное лицо Керенского.

Первую задачу Искосол выполнил: руководители „Окопной Правды" были сняты с фронта, без сопротивления со стороны войск, и увезены в тыл. Но расформировать латышские полки Керенскому не удалось Оказалось, что Искосол мог рассчитывать на полное повиновение только сводного конного корпуса и трех ударных батальонов. Попытки расформировать латышские полки привели к крайнему обострению отношений между этими последними и ударными частями; дело дошло до того, что между ними в Риге начались уличные стычки, а на фронте опасались ставить их рядом, так как могло в любой момент произойти кровопролитие.

После исчезновения руководителей „Окопной Правды" руководство большевизацией 12 армии перешло целиком в руки Исколастрела.

Но падение Риги выдвинуло, временно, на первое место боевые вопросы. Общим желанием было подготовиться к наступлению и занять снова Ригу. В предполагаемом наступлении значительную роль должны были сыграть те войсковые части, которые вошли в состав левого блока. Тогда же была сделана новая серьезная попытка развернуть латышские части в стрелковый корпус.

Как в Исколастреле, так и среди комсостава этот вопрос был очень популярным, и после потери Риги эту меру хотели провести в ударном порядке, тем более, что командование 12 армии из'явило свое полное согласие. Окончательное решение вопроса принадлежало штабу северного фронта (Псков), куда были командированы председатель Исколастрела, т. Петерсон, К. А., и командир 5 латышского полка, т. Вацетис. Штаб северного фронта выставил два условия: 1) согласие Керенского, 2) назначение на высшие должности в латышском корпусе русского командного состава. Но разрешения от Керенского получено не было. Скоро сгладилось острое впечатление от потери Риги, мысль о наступлении была предана забвению, а вместе с этим и работы по формированию корпуса заглохли. Зато борьба за власть в армии между Исколастрелом и Искосолом возобновилась с удвоенной энергией.

В конце октября большевизация сделала настолько большие успехи, что Исколастрел сделался хозяином положения. 12 армия раскололась на две части: строевая — „окопная“ — часть армии фактически получала указания от Исколастрела, а тыловые учреждения и штаб армии находились под властью Искосола.

На с'езде делегатов 12 армии, созванном Искосолом в начале ноября (н. ст.), голоса поделились поровну: 240 голосов было на стороне Искосола, 240—за левый блок. Фактически образовалось как будто два Искосола: большевистский и меньшевистский. Первый, во главе с т. Нахимсоном, имел пребывание в Вольмаре, второй, во главе с Кучиным — в Валке.

С тылами приходилось деликатничать, так как в их руках были сосредочены вопросы снабжения армии. Развал тылов был равносилен развалу всего фронта армии, чего никак нельзя было допустить, так как от устойчивого положения на фронте 12 армии зависела судьба революционной столицы — Петрограда, положение которого в первые дни после октябрьского переворота оставалось крайне тревожным. Во-первых, еще не были вполне изжиты последствия Корниловского мятежа, во-вторых, Кучин готовил для отправки в распоряжение Керенского конницу и ударные батальоны; в-третьих, ген. Гинденбург развивал значительную активность на Балтийском море, захватывая один остров за другим, подвозя к Эстонии десантные войска с целью захвата путей на Петроград.

Можно было подумать, что отечественная контрреволюция и Гинденбург спешат опередить друг друга. При создавшейся обстановке, в интересах Октябрьской революции, явилась крайняя необходимость решить в ударном порядке две важные задачи: 1) прекратить посылку Кучиным помощи Керенскому; 2) преградить путь ген. Гинденбургу на Петроград.

Для выполнения названных двух задач требовалось передать, нераздельно, всю власть, над 12 армией большевикам. В начале ноября (н. ст.) при 12 армии был образован Ревком, который решил немедленно открыть боевые действия против Кучина и его сторонников, ставя ближайшей целью занятие Валка, овладение штабом армии и ликвидацию учреждений и войсковых частей, выступающих против Октябрьского переворота.

Для овладения Валком был образован отряд в составе трех полков с дивизионом артиллерии. Руководство операцией возложено Ревкомом на командира 2 латышской стрелковой бригады, т. Вацетиса. В состав отряда вошли следующие части: а) 6 и 7 латышские стрелковые полки, б) 436 Новоладожский полк, в) дивизион 109 артиллерийской бригады.

Сборным местом отряда выбран гор. Вольмар. В качестве политрука при отряде был тов. Ошлей. Все перечисленные части были

сняты с фронта. В полках и артиллерии была произведена демократизация. Командный состав был выборный. Латышские полки были сняты с района Гайнаж, где, в виду ожидаемого немецкого десанта, была сосредоточена вся 2 латышская бригада; 1 латышская бригада находилась в районе Вендена.

По имевшимся сведениям, в распоряжении Кучина были следующие вооруженные силы: 1) два-три батальона ударников и смертников, 2) сводный Прибалтийский кавалерийский корпус, 3) взвод бронемашин, 4) авиационные части.

Одновременно с наступлением отряда т. Вацетиса на гор. Валк, члены Исколастрела вели агитацию среди войск Кучина. Нашим агитаторам удалось войти в связь с дивизионным комитетом одной кавалерийской дивизии и добиться признания ею нейтралитета в предстоящей борьбе. Ударники, смертники и броневики постановили сражаться за Искосол Кучина. Однако, после схватки латышских полков с ударниками южнее Валка и благодаря принятым искусным действиям внутри города, нам удалось заставить Кучина и преданных ему членов Искосола поспешно бежать из Валка, после чего рассеялись в разных направлениях также ударники и смертники.

Таким образом, начатая в мае большевизация и борьба за овладение 12 армией была окончена благополучно в начале ноября. Вся власть над армией перешла к Ревкому. Междуусобная борьба прекратилась. Фронт остался на месте и не подвергся такому стихийному разрушению, как в других армиях.

Для прикрытия путей к Петрограду со стороны островов, в Эстонию был переброшен XXI корпус, а в Псков был передвинут 436 Новоладожский полк. В Петроград, в непосредственное распоряжение т. Ленина, были отправлены два латышских полка: 6 и Особый полк. 7 латышский полк был оставлен в Валке в распоряжении Ревкома 12 армии.

После Октябрьской революции латышские полки были постепенно разбросаны по всей стране, исполняя в разных местах самые разнообразные задания. При такой обстановке нужна была высшая инстанция, которая ведала бы этими разрозненными частями, не давая им окончательно распылиться. Во-вторых, сильно осложнился вопрос снабжения этих частей, который необходимо было передать какой-либо постоянной организации. В-третьих, насущно требовалось создание единой (корпусной) организации для сохранения латышских полков от развала и для поддержания в них боеспособности в предстоящей борьбе с контр-революцией.

Приказ о создании Латышского корпуса был подписан и. д. главковерха 18 декабря 1917 г. и этим же приказом комкором был назначен т. Вацетис. В тот же день была дана директива командарму 12 приступить немедленно к сформированию артиллерии, конницы, техниче-

ских частей, обоза и штабов. Формирование названных частей производилось в Валке и в Юрьеве.

После Октябрьской революции почти все латышские полки покинули фронт 12 армии.

1) В начале декабря 1917 г. 4 полк был переброшен в Могилев.

2) В начале января 1918 г. 1 и 4 полки были переброшены на Рогачевский фронт для участия в борьбе против польского корпуса ген. Довбор-Мусницкого.

3) 2 и 3 полки в ноябре 1917 г. были переброшены на южный фронт для участия в борьбе против мятежа ген. Корнилова.

4) В начале марта 1918 г. 5, 7 и 8 латышские полки участвовали в борьбе с немецкими войсками, угрожавшими Петрограду.

5) В марте и апреле 1918 г. 1, 4 и 9 полки принимали участие при ликвидации в Москве анархистских организаций.

В виду тесных рамок нашей статьи, мы можем дать лишь самый беглый очерк деятельности латышских полков в означенные месяцы.

I. Для сформирования Особого латышского полка было выбрано из каждого из 8 латышских полков по 40 человек, под ответственностью полковых комитетов, а из латышского запасного полка человек около трехсот. Позднее состав полка пополнился латышскими партийцами. Формирование и вооружение полка происходило в Вольмаре. Особый латышский полк был предоставлен в полное распоряжение ЦК партии большевиков. Он нес службу по охране Смольного и Таврического дворцов. При переезде советского правительства в Москву Особый латышский полк составлял охрану Совнаркома, а в Москве был расквартирован в Кремле в качестве гарнизона этого последнего. Во время нахождения в Москве Особый латышский полк принимал большое участие в ликвидации анархистских организаций и лево-эсеровского восстания 6 и 7 июля 1918 г. При сформировании Латышской советской стрелковой дивизии, Особый полк был переименован в 9 латышский стрелковый полк, который осенью 1918 г., в составе 3 латышской бригады, был переброшен на южный фронт в состав 9 Красной армии.

II. После занятия Валка в ноябре 1917 г. 6 латышский полк был переброшен в Петроград, где поступил в полное распоряжение ЦК партии большевиков. 6 латышский полк исполнял те же обязанности, что и Особый латышский полк. В конце февраля 1918 года, когда обнаружилось движение ген. Гинденбурга на Петроград, половина 6 латышского полка была переброшена в район дер. Торошино, где участвовала в отражении этого немецкого наступления. За свою храбрость и ударные действия эта часть 6 полка приобрела название „Торошинского латышского отряда“. В конце июня 1918 г. Торошинский отряд был переброшен под Екатеринбург, где в боях 24 и 25 июля был окружен белыми и почти поголовно истреблен, а остатки его, по приказанию главкома Вацетиса, были переброшены в Арзамас, где вошли в состав фронтого резерва Восточного фронта. Другая часть 6 латышского полка, оставшаяся в Петрограде, принимала участие

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Отряд Красной гвардии

в ликвидации белогвардейских выступлений, а в июле 1918 года была переброшена под Ярославль для ликвидации мятежа, поднятого Савинковым. После ликвидации ярославского мятежа 6 латышский полк был переброшен под Казань, где принимал участие в боях против чехо-словаков и белых.

III. После ликвидации мятежа Кучина, 7 латышский полк был оставлен в Валке в распоряжении Ревкома 12 армии. В начале января 1918 г. часть 7 полка была переброшена в Петроград на усиление действовавших там латышских частей.

В конце февраля 1918 г., во время наступления немцев на Петроград; 7 латышский полк сражался в Псковском направлении, а потом был переброшен на участок Себеж—Великие Луки. 7 полк принимал также участие в подавлении ярославского мятежа, а в конце августа 1918 года был переброшен на восточный фронт в район Ижевск-Воткинск, для ликвидации вспыхнувшего там восстания белых.

IV. 4 латышский полк был переброшен в Могилев в двадцатых числах декабря 1917 года. Причины вызова латышских стрелков в Могилев были следующие.

После Октябрьского переворота, фактическая власть в Могилеве оставалась в руках командира георгиевского батальона, состоявшего из 800—1000 человек при одной батарее. Настроение георгиевского батальона было все время антибольшевистское, при чем в середине декабря он вошел в контакт с командиром польского корпуса, ген. Дов-

бор-Мусницким, части которого были расположены по соседству с Могилевым. В руках Красного командования не было достаточных сил ни для разоружения георгиевцев, ни для защиты расположенных тогда в Могилеве учреждений: а) Центрального Исполнительного Комитета Армии и Флота, б) Революционного Полевого Штаба, в) Штаба Главковерха Крыленко, г) Штаба старой армии.

В любой момент все названные учреждения могли быть арестованы или командиром георгиевского батальона, или ген. Довбор-Мусницким. В Революционном Полевом штабе было решено создать в Могилеве преданный Советской власти сильный гарнизон из Красной армии, для чего из Петрограда был вызван один красногвардейский батальон, а из состава латышского корпуса — один полк. По распоряжению Исколастрела в Могилев был переброшен 4 латышский полк, присвоивший себе название „Головной революционный отряд". В Могилеве ему были приданы две батареи. После прибытия в Могилев латышских стрелков и красногвардейцев, наше положение стало прочнее. Но так как появление названных частей в Могилеве совпало с выступлением ген. Довбор-Мусницкого, то пришлось их перебросить в район ст. Быхов навстречу польским частям, наступавшим на Могилев со стороны Рогачева и Бобруйска. Георгиевский батальон остался в Могилеве; от выступления на фронт против ген. Довбор-Мусницкого он отказался категорически. В виду этого, командиру 1-го латышского полка, также вызванному из Прибалтики, была дана директива — во время прохождения его эшелонов остановиться в Могилеве и разоружить георгиевский батальон. Но при появлении 1 латышского полка в Могилеве георгиевцы перебежали на сторону ген. Довбор-Мусницкого и присоединились к 3 польской дивизии, которая в то время располагалась в Чарикове.

Официальным поводом к вооруженному столкновению между польским корпусом и советскими войсками послужил отказ ген. Довбор-Мусницкого подчиниться приказу главковерха, тов. Крыленко,— произвести в польских частях демократизацию по примеру Красной армии. Пререкания на этой почве между Довбором и Крыленко начались уже в двадцатых числах декабря 1917 года. Крыленко послал ген. Довбор-Мусницкому ультиматум с предупреждением, что если им не будет выполнено распоряжение главковерха, то за неповиновение он будет об'явлен вне закона. В свою очередь ген. Довбор-Мусницкий прислал главковерху ультиматум с предупреждением, что он, ген. Довбор-Мусницкий, считает себя с 10 января 1918 г. в войне с большевиками. Для подкрепления своего ультиматума ген. Довбор-Мусницкий приказал 1 дивизии перехватить у гор. Рогачева железную дорогу Ромны — Гомель — Рогачев — Могилев — Витебск — Петроград, подвозившую хлеб и жиры с юга для Петрограда, а также для северного и западного фронтов. Все продовольственные запасы и находившиеся в Рога-

чеве эшелоны с продовольствием были захвачены поляками. Польские же войска к 10 января заняли линию Тощица (на Днепре)— В. и Н. Тощица — ст. Тощица — Хомичи — ст. Велюнь. Ген. Довбор-Мусницкий был об'явлен вне закона, а к польским войскам были посланы делегаты (тт. Уншлихт, Павлуновский и Каменщиков) для об'яснения незаконных действий ген. Довбор-Мусницкого.

Между тем, западный и северный фронты, лишенные регулярного подвоза продовольствия, сильно страдали от голода. Началось массовое бегство солдат с фронта. Не менее страдали от голода города Могилев, Витебск, Петроград. Ген. Довбор-Мусницкий схватил нас за горло костлявой рукой голода, а сам спокойно отсиживался в районе Рогачев — Бобруйск — Телуши. Создавшаяся обстановка заставляла Советскую власть принять экстренные меры для восстановления нарушенного транспорта. Наиболее действительной мерой являлось энергичное и решительное наступление вооруженной силой.

В числе войск, назначенных участвовать в наступлении, были 1 и 4 латышские полки. Главнокомандующим советскими войсками был назначен командир латышского стрелкового корпуса, тов. Вацетис. В непрерывных схватках от 16 до 29 января Красной армии удалось нанести полякам несколько поражений и заставить ген. Довбор-Мусницкого отступить к Бобруйску. Польские части заняли позицию на р. Ола. Вскоре после указанных успехов красного оружия, десятки эшелонов с продовольствием двинулись через Гомель — Жлобин — Рогачев — Могилев — Витебск.

Необходимо присовокупить, что в конце декабря 1918 г. в Революционном полевом штабе было решено перебросить на западный фронт весь латышский корпус и вместе с другими более или менее боеспособными войсками поставить против Брест-Литовского участка; но столкновение с польским корпусом помешало выполнить эту задачу. Во время наступления австро-германских войск польский корпус был взят в плен немцами и ликвидирован.

V. 2 и 3 латышские полки были переброшены на юг по распоряжению Ревкома 12 армии; 2 полк действовал в Крымском направлении, а 3 участвовал в действиях против ген. Корнилова. Оба названные полка вернулись в Москву к апрелю 1918 года.

VI. 5, 7 и 8 латышские полки, во время немецкого наступления, после срыва Брест-Литовских переговоров, были сосредоточены на главных путях участка Псков — Себеж. После подписания мирного договора, 5 и 8 латышские полки расположились в Бологое, а 7 — в Великих Луках; один батальон 8 полка был переброшен в Вологду.

После подписания мирного договора с Германией, представители этой последней потребовали демобилизации латышского корпуса, как составной части старой армии, которая, на основании договора, подлежала расформированию. Однако, Советское правительство решило со-

хранить латышские полки, оказавшие столь большие услуги большевикам в трудные моменты Октябрьской революции. Название „корпус“ было заменено названием „дивизия“. Приказ народного комиссара по военным делам о сформировании Латышской стрелковой советской дивизии последовал 13 апреля 1918 г.

Этим последним актом Советского правительства латышским полкам была придана та стройная боевая организация, в которой они и приняли впоследствии самое активное участие в героической борьбе российского пролетариата с различными силами свергнутого царизма и отечественной контр-революции, а равно и с иностранной интервенцией.

В дальнейшим мы видим латышские полки на самых ответственных ударных направлениях.

О бесчисленных боевых подвигах латышских стрелков нам могут многое рассказать и широкие заволжские степи, хранящие в своем просторе легенды о храбрых сынах пролетариата, и горы Урала, шумом и грохотом своих заводов поющие ныне великий хвалебный гимн героям, и хладные равнины севера, вершинами своих лесов убаюкивающие вечный покой павших, и тихие поля Латвии и могучие леса Брянщины и равнины Орловщины, навеки запомнившие громовой удар этих героев по белой армии, и, наконец, степные просторы Украины и красоты Крыма, хранящие бережно водруженный там этими героями победный красный стяг.

ШАНХАЙСКИЕ ВОССТАНИЯ [1]

(Перевод с китайского. Перевел А. А.)

Китайский пролетариат в своей героической борьбе насчитывает значительное число выступлений, как против своих отечественных угнетателей, так и против иностранных колонизаторов.

Здесь мы осветим вооруженную борьбу лучшего отряда китайского пролетариата — шанхайских рабочих—в период 1926/27 гг.

Эти восстания интересны в том отношении, что по ним можно проследить, как шанхайские рабочие, на опыте борьбы и поражений, учились искусству восстания. Основной причиной шанхайских восстаний нужно считать бурный рост революционного движения в стране. Непосредственным толчком к восстаниям нужно считать развитие успехов войск северной экспедиции и желание шанхайского пролетариата всеми мерами способствовать продвижению революционной армии и вместе с тем захватить себе некоторые политические права.

Серьезнейшим уроком для борьбы шанхайского пролетариата были дни „30 мая". В эти дни пролетариат Шанхая был застигнут врасплох, неподготовлен, не имел никакой боевой подготовки. До этого времени еще у китайских трудящихся теплилась надежда, что иностранные империалисты и свои милитаристы не станут расстреливать толпу, но опыт показал, что империалисты без всяких колебаний расстреливают, а свои милитаристы этому содействуют, и этот вывод для шанхайского пролетариата явился стимулом к организации в боевые дружины и отряды. Это же способствовало стремительному росту революционной партии.

Первая попытка восстания.

Это было 23 октября 1926 года. Перед этим, 10 октября, пала последняя твердыня У-Пей-Фу — Учан. Командование Северной экспедицией, выделив небольшой заслон против провинции Сы-Чуань и также небольшие силы для преследования противника в направлении на провинцию Хэ-Нань, основными своими силами двинулось против первоклассной в Китае армии Сун-Чуан-Фана, действовавшей в провинции Цзянси. Отличное моральное состояние армии южан, до сего времени не имевшей поражения, разгром У-Пей-Фу и, наконец, численный перевес на стороне южан заставляли полагать, что армии Сун-Чуан-Фана, хотя и лучше обученной и снабженной огневыми

[1] В редакцию статья поступила от видного китайского революционера, непосредственного участника описанных ниже восстаний. Вследствие большого интереса, который представляет указанная статья в тактическом отношении для нашего комсостава, редакция решила ее перевести и поместить в журнале „Война и Революция".

средствами, против южан не устоять. К такому выводу пришел и губернатор провинции Чже-Цзян ген. Ся-Чжао. Последний тогда послал своего представителя к Национальному правительству, а Национальное правительство в свою очередь прислало в Шанхай старого правого гоминдановца, известного в провинции Цзянсу и Шанхае, генерала Ню-Юн-Цзяна. В короткий срок, на условиях нам неизвестных, соглашение между Нацпра и ген. Ся-Чжао было достигнуто и было решено, что в благоприятный момент Ся-Чжао выступит против Сун-Чуан-Фана. По прибытии в Шанхай, ген. Ню-Юн-Цзян начал вести работу по мобилизации сил в Шанхае для оказания помощи предполагаемому восстанию Ся-Чжао и вообще по дезорганизации тыла Сун-Чуан-Фана. Такая линия поведения Ню-Юн-Цзяна не расходилась с линией, принятой революционной партией. Руководство революционной партией на одном из заседаний, еще до решения Ся-Чжао признать Нацпра, обсуждая вопрос о роли шанхайского пролетариата на случай, если бы Сун-Чуан-Фан потерпел поражение и Ся-Чжао об'явил о признании Нацпра, постановило, что шанхайский пролетариат должен в таком случае восстать и помочь захватить Шанхай. Тогда же было решено, что будущее восстание не должно быть делом только одного пролетариата, а что в него должны быть втянуты по возможности бо̀льшие круги мелкой буржуазии, учащиеся и просто городское население.

В связи с такой установкой руководства партией, вполне понятно, что партия охотно пошла на блок с представителем Нацпра Ню-Юн-Цзяном. Ню-Юн-Цзян к этому времени сколотил вокруг себя не только мелко-буржуазные слои, но и представителей средней буржуазии в лице бывшего председателя торговой палаты Юй-Хо-Дэ. Кроме последнего, с Ню-Юн-Цзяном сотрудничали: председатель союза уличных торговцев, отдельные представители от армии и флота; от ревпартии с Ню-Юн-Цзяном вел переговоры секретарь областного комитета партии.

Ближайшей задачей руководителей рабочих дружин стал вопрос о вооружении рабочих. Ни Ревпартия, ни Генеральный профсовет на приобретение оружия средств не имели. Пришлось обратиться к Ню-Юн-Цзяну. В результате переговоров с ним, для вооружения дружинников удалось получить 10.000 долларов (мексиканских) из 100.000 долларов, которые были ассигнованы ему Нацпра. На остальные деньги Ню-Юн-Цзян также закупил оружие, которое роздал организованному им люмпен-пролетариату, больше надеясь на последний, чем на организованный пролетариат. На полученные 10.000 долларов было закуплено около 130 револьверов, которые явились основным вооружением рабочих-дружинников.

Вооруженные силы руководства, подготавливавшего восстание, составились: 1) из отряда рабочих-дружинников в 130 чел. вооруженных; 2) невооруженных, но организованных дружинников-рабочих

около 2.000 человек; 3) отряда Ню-Юн-Цзяна, сформированного им из люмпен-пролетариата и общей численностью до 600 человек; 4) отряда торговой милиции, состоявшего в распоряжении купечества и в частности Юй-Хо-Дэ, около 500 человек. Существовал ли в действительности последний отряд в таком составе, как указано выше, трудно сказать. Вполне возможно, что у купцов таких сил не было, ибо незадолго до этих событий существовавший легально отряд торговой милиции Сун-Чуан-Фан разоружил, и если у купцов и осталось какое-либо оружие, то вряд ли в таком количестве. Во всяком случае, с такой численностью отряда официально выступал Юй-Хо-Дэ. Кроме указанных выше сил, Ню-Юн-Цзян заявлял, что в его распоряжении находится еще одна канонерка из состава флота Сун-Чуан-Фана.

Из сказанного выше мы видим, что участники восстания представляли собой чрезвычайно разнородный элемент. Как следствие этого, возникли затруднения с назначением главного руководителя. Никто из участников коалиции не хотел подчинить своих сил руководителю какой-либо из группировок. Не нашлось ни одной фигуры, которая удовлетворила бы всех остальных, и поэтому было достигнуто молчаливое согласие, что каждый из участников будет самостоятельно командовать своими силами, при решающем слове по вопросу о сроке восстания со стороны Ню-Юн-Цзяна, как представителя Нацпра.

Единый план действий также разработан не был. Все коалиционное руководство знало твердо одно, что нужно восстать, но как это сделать — не было ясно. Единственно, кем был разработан план восстания, так это революционной партией. По плану партии восстание должно было начаться об'явлением частичной забастовки на предприятиях и производствах, где более организован пролетариат и остановка коих внесет дезорганизацию в ряды противника. Предполагалось, что в первую очередь забастуют моряки, металлисты, рабочие водопровода и электричества и во вторую очередь текстильщики. Только одна первая очередь забастовавших должна была снять с работы около 45.000 человек, а если бы забастовала вторая очередь, то тогда на улицу будет выведено свыше 100.000 человек. Одновременно специально выделенной партией тройкой был составлен и конкретный план, сводившийся к распределению вооруженных сил и резервов по важнейшим районам, и были намечены об'екты, которые восставшими должны быть захвачены в первую очередь.

Силы противника в Шанхае состояли из: двух батальонов пехоты не более 1.000 штыков, свыше 2.000 полицейских, и на реке Вампу у арсенала Лунхуа (около 10 километров от города) стояло две речных канонерки, при чем одна из них, якобы, была в договорных отношениях с Ню-Юн-Цзяном. Ближайшими резервами являлись: небольшой отряд пехоты (не свыше батальона) в крепости Вузунг и весьма слабая 76 бригада генерала Ли-Бао-Чжана, расположенная

примерно в двух переходах от Шанхая на северном берегу реки Ян-Цзы. Все же остальные войска Сун-Чуан-Фана были втянуты в борьбу на цзянсийском фронте, или же стояли наготове к переброске на цзянсийский фронт, или же несли охрану северных границ Цзян-Су от возможного вторжения Чжан-Цзун-Чана. Следовательно, хотя соотношение вооруженных сил и не было в пользу восстающих, но при проведении в жизнь элемента внезапности несомненно перевес мог бы оказаться на стороне последних.

Теперь посмотрим, как обстояло дело в Чже-Цзяне у генерала Ся-Чжао. Последний, получив сведения о частичном поражении Сун-Чуан-Фана на цзянсийском фронте (кажется, 13/X южанами был занят Навчан и создавалась угроза полного окружения армии Суна путем выхода северной группы южан на ст. Дэ-Ань), 16/X утром издал декларацию о признании Национального правительства и об объявлении войны Сун-Чуан-Фану. Только 17-го утром Ся-Чжао отправил один свой полк для занятия Шанхая, тогда как нужно было сделать наоборот: сначала послать войска, а уж затем издавать декларацию. Сил для более решительных действий у Ся-Чжао было вполне достаточно; он располагал отрядом общей численностью около 10.000 человек, правда, слабо обученных и плохо вооруженных но, все же вполне достаточных для того, чтобы захватить тогда Шанхай.

Между тем Сун-Чуан-Фан не растерялся; он немедленно отдал приказ 76 бригаде перейти в Шанхай, а частям, находящимся в Шанхае, выставить заслон по Шанхай-Ханчжоуской железной дороге. К вечеру 17 октября передовые части Ся-Чжао подошли на расстояние 15 км от Шанхая и к этому же времени в Шанхай входили передовые части 76 бригады. Выставленный Суном заслон вступил в бой с авангардными частями Ся-Чжао и задержал их продвижение. Это был день, когда в Шанхае была отчетливо слышна артиллерийская перестрелка между частями Суна и Ся-Чжао. Этот же день был наиболее благоприятным моментом для вооруженного выступления. Но руководство не было еще готово к восстанию: только в эти дни были отпущены революционной партии деньги на приобретение оружия, а Ню-Юн-Цзян начинал формировать свой отряд из люмпен-пролетариев.

В последующие дни продолжалась подготовка сил восстания — вооружение и сколачивание отрядов, В эти дни была также сделана попытка со стороны Ню-Юн-Цзяна склонить на свою сторону командира 76 бригады, ген. Ли-Бао-Чжана.

Примерно к 20 октября как партийные дружины, так и отряды Ню-Юн-Цзяна были более или менее готовы к выступлению, но зато к этому времени настолько ухудшилось положение на фронте у Ся-Чжао, что возник вопрос, не будет ли бесцельным выступление. Было решено, что нужно следить за положением на фронте, вести перего-

воры с Ли-Бао-Чжином и выступить только в том случае, если положение на фронте существенно изменится к лучшему для Ся-Чжао. В дни между 20 и 23 октября поступали противоречивые сведения, не дававшие возможности сделать какой-либо вывод. Но 23-го утром Ню-Юн-Цзяном было получено донесение, что Ся-Чжао нанес поражение частям Суна, и последние поспешно отступают к Шанхаю (фронт в это время находился на расстоянии 60 км от Шанхая). Партийное командование дружинниками своей информации не имело и доверялось информации Ню-Юн-Цзяна.

На основании полученной информации Ню-Юн-Цзян издал приказ о вооруженном восстании в ночь с 23 на 24 октября. Сигналом к восстанию должен был послужить артиллерийский выстрел с канонерки, присоединившейся к Ню-Юн-Цзяну. Последняя должна была дать выстрел в 3 часа ночи по сигнальной ракете, выпущенной Ню-Юн-Цзяном из его квартиры. После принятого решения о восстании, вечером 23-го все участники восстания — дружинники (силы ревпартии) были распределены по заранее намеченным квартирам, связанным с штабом руководства. Штаб руководства занимал наблюдательный пункт и ждал сигнала—ракеты и выстрела. Люди Ню-Юн-Цзяна и Юн-Хо-Дэ не были сосредоточены по районам и не были связаны со своим командованием, находились где кому удобнее и ждали трех часов с тем, чтобы выйти на улицу и принять участие в уличной борьбе. Однако, прошло 3 и 4 часа, но условного сигнала все не было. Отряды Юн-Хо-Дэ и Ню Юн-Цзяна, будучи не связаны со своим штабом, частично вышли на улицу и местами ввязались в борьбу с полицией. Партийное же командование, не дождавшись сигнала, около 5 час. утра отдало приказ по своим дружинам об отмене вооруженного восстания.

Таким образом, восстание фактически не состоялось, а небольшие уличные столкновения, происшедшие у людей Ню-Юн-Цзяна и Юн-Хо-Дэ с полицией, нужно отнести за счет слабой постановки руководства боевыми отрядами. Революционная партия сделала отступление без потерь. Если бы восстание, не состоявшееся по случайной причине (командир канонерки не заметил сигнальной ракеты), состоялось, то нужно полагать, что поражение было бы жестокое, ибо в тот вечер, когда в Шанхае предполагали восставать, войска Ся-Чжао были разгромлены, а сам Ся-Чжао укладывал чемоданы, с целью удрать в Японию; на цзянсийском фронте еще 21 или 22 октября Сун-Чуан-Фан овладел обратно Наньчаном и вынудил южан к отступлению по всем направлениям.

Какие из этого дела можно сделать выводы? Единственный положительный вывод для революционной партии это то, что выделенное партией командование сохраняло все время в своих руках руководство дружинниками. Из отрицательных моментов нужно отметить:

1. Классический пример плетения партии революционного пролетариата в хвосте у мелкой буржуазии, которая чуть было не втянула шанхайский пролетариат в кровавую баню.

2. Отсутствие единого военного руководства, без которого восстание несомненно было бы обречено на гибель (об этом свидетельствуют разрозненные действия людей Ню-Юн-Цзяна и Юн-Хо-Дэ).

3. Крайне плохо поставленная информация у политического руководства и почти полное отсутствие собственной информации у ревпартии.

4. Несогласованность действий между Ся-Чжао и шанхайским политическим руководством.

5. Отсутствовала предварительная политическая подготовка широких масс населения; если и было в какой-либо степени подготовлено население, то только в те дни, когда Ся-Чжао был близко от Шанхая, а в день восстания население меньше всего ожидало восстания.

Восстание 22 февраля 1927 г.

Так же, как и предыдущее, это восстание подготовлялось под лозунгом помощи войскам Северной экспедиции. Так же, как и в первом случае, этот лозунг был понятен широким слоям населения и под этим лозунгом можно было легко вести массы на выступление, так как они видели в лице национальной армии своего освободителя.

Если в первом восстании мы видели плетение Ревпартии в хвосте за мелкой и средней буржуазией, то во втором случае Ревпартия уже пытается итти рядом с мелкой буржуазией и даже в некоторых случаях играет роль толкача ее. Но прежде, чем сделать такой вывод, посмотрим, как развертывались события.

Это восстание назрело тогда, когда Сун-Чуан-Фан в Цзянси потерпел полное поражение и вынужден был со всеми своими силами отступить в провинцию Цзянсу, где пытался привести в порядок остатки своей армии. Можно полагать, что, если бы южане после упомянутого поражения Сун-Чуан-Фана двинулись преследовать Суна, то развязка с ним была бы раньше; но ряд политических осложнений, которые возникли в среде Национального правительства, изложение которых не входит в нашу задачу, задержал осуществление этой цели. Только в феврале начались дальнейшие действия по окончательному разгрому Суна, и то сравнительно небольшой частью армии и почти исключительно по инициативе Чан-Кай-Ши, без одобрения со стороны Нацпра.

После некоторой реорганизации своей армии, Сун-Чуан-Фан в общей сложности набрал до 35.000 человек. Армия была сосредоточена на двух направлениях: в нанкинском, с целью обороны подступов к Нанкину по реке Ян-Цзы, и в цюйчжоуском направлении (в 200 км к юго-западу от Ханчжоу). Наиболее угрожаемым для себя напра-

влением Сун-Чуан-Фан считал последнее и поэтому свое главное внимание сосредоточил на этом направлении, тем более, что Чан-Кай-Ши как-раз имел в виду нанести поражение Сун-Чуан-Фану с этого направления. Нанкинское направление Сун совершенно резонно считал менее серьезным, ибо в этом направлении были расположены те части Нацпра, которые только условно признавали Чан-Кай-Ши главкомом и считались с Нацпра. Чан-Кай-Ши тоже не особенно рассчитывал на соседей слева и все свое внимание сосредоточил на той группе, которая вышла из Цзянси во главе с Бай-Сун-Чи, и на группе Хэ-Ин-Цина, которая после побед в Фу-Цзяне двигалась на соединение с группой Бай-Сун-Чи. Общая численность войск Чан-Кай-Ши, действовавших в юго-западной части Чже-Цзяна, также нужно считать не менее 35.000 человек. В одной группе Бай-Сун-Чи было не больше 18.000 человек.

Сун-Чуан-Фан отлично понимал создающуюся для него угрозу, если произойдет соединение групп Бай-Сун-Чи и Хэ-Ин-Цина; при необходимости оборонять еще нанкинское направление ему с соединенными силами двух групп не легко было бы справиться. Тогда он принимает решение разбить противника по частям и для этой цели против группы Бай-Сун-Чи снаряжает сильную группу из двух свежих дивизий, не бывших в прошлых боях, и дает задание этой группе путем глубокого обхода выйти в тыл Бай-Сун-Чи. Почти одновременно Бай-Сун-Чи также принимает решение, не дожидаясь подхода группы Хэ-Ин-Цина, начать движение на Хан-Чжоу. Движение происходит одновременно. Бай-Сун-Чи также предпринимает обходную операцию одной из своих дивизий, а остальными силами ведет небольшие бои с фронта. В это время происходит совершенно неожиданное событие для обеих сторон, которое решает исход операции. Обходная дивизия Бай-Сун-Чи при своем обходном движении наткнулась на тылы обходной группы Сун-Чуан-Фана, разгромила эти тылы, забрала всю материальную часть, и группе Сун-Чуан-Фана ничего не осталось делать, как удирать в провинцию Ань-Хуй. Таким образом, перед Бай-Сун-Чи открылся путь на Ханчжоу. В последнем создалась паника, и противник поспешно оставил город. Ханчжоу в течение почти целого дня был в руках рабочих организаций до подхода вечером 17/IV войск Бай-Сун-Чи.

Руководство революционной партии, по получении сведений о положении на фронте, устроило экстренное заседание и приняло следующую линию поведения: если части южан подойдут, примерно, на линию Сун-Цзяна (в 30 км от Шанхая), то в Шанхае должна быть об'явлена всеобщая забастовка и произведено вооруженное восстание силами организованного пролетариата, при участии мелкой буржуазии. На этот раз руководство революционной партией берет инициативу в свои руки и ставит вопрос о будущей власти в Шанхае. Намечаются: уже

известный нам представитель от Нацпра Ню-Юн-Цзян, от шанхайской средней буржуазии—Юй-Хо-Дэ, от мелкой буржуазии—председатель союза уличных торговцев, представитель от Генерального профсовета, представитель от ревпартии и ряд других лиц.

Между тем, Бай Сун-Чи, заняв Хан-Чжоу, выделил для преследования противника лишь небольшой отряд. Больших сил для преследования он выделить не мог, ибо его группа растянулась на расстояние двух-трех переходов. Тем не менее, этот маленький отряд без особого труда захватил ст. Кашон, находящуюся на полпути между Хан-Чжоу и Шанхаем (в 60 км от Шанхая). И только здесь отряд Бай-Сун-Чи встретился со свежими силами, которые Сун-Чуан-Фан успел выслать из Нанкина и Шанхая. Таким образом, уже 18-го вечером южане были всего на расстоянии 60 км от Шанхая. Такой головокружительный успех южан был для всех неожиданным, так как накануне вся шанхайская пресса печатала победные реляции Сун-Чуан-Фана, в которых сообщалось, что суновская обходная группа достигла Цюй-Чжоу и что южные войска накануне полного уничтожения.

Такой успех южан создал впечатление, что Сун-Чуан-Фан разгромлен окончательно. Это сказалось на настроении рабочих-активистов. Происходившее поздно вечером 18-го собрание рабочих-активистов, на ряду с обсуждением других профсоюзных вопросов, обсуждало вопрос и о положении на фронте, и когда было сделано сообщение, что южане уже заняли Кашин, то единогласное мнение всех профсоюзников было таково, что нужно немедленно об'явить всеобщую забастовку и призвать рабочих к вооруженному восстанию. Хотя присутствовавший на собрании профсоюзных активистов представитель партии и знал решение партии, что забастовку об'явить можно только в том случае, если южане будут от Шанхая на расстоянии 30 км, но, видимо, сам поддался общему настроению и дал согласие на об'явление всеобщей забастовки. Профсоюзники, разойдясь по районам, всюду передали распоряжение о всеобщей забастовке. Представитель ЦК партии не смог передать руководству о решении об'явить забастовку (по условиям военного положения движение по улицам города после 12 часов ночи совершенно не допускалось). Руководство партией о всеобщей забастовке узнало только на следующее утро, когда увидело прекратившееся движение трамваев и автобусов.

Теперь посмотрим, насколько был готов к восстанию шанхайский пролетариат. Хотя у Рев. партии уже был опыт октябрьского „восстания" в 1926 году, но, все же, нужно признать, что к восстанию были совершенно неподготовлены. Партия не поспевала за чрезвычайно быстро развертывавшимися событиями. Подготовка дружинников-рабочих была довольно удовлетворительной. Численность дружинников была не меньше, чем в октябре — примерно всего около 2.000 человек,

из них вооруженных 130 человек. Но зато весьма плохо дело обстояло с подготовкой комсостава дружинников. Комсостав заранее назначен не был, и только 19-го по районам были назначены командиры отрядов из офицеров вампусцев, случайно находившихся в распоряжении партии. Главный военный руководитель также был назначен только в первый день забастовки, да к тому же товарищ, недавно прибывший в Шанхай и не знавший город. Кроме дружинников, в распоряжении партии были еще моряки. Партия, учтя опыт октябрьского восстания, решила обратить серьезное внимание на работу среди моряков и солдат. Во флоте удалось сорганизовать довольно сильную ячейку, которая имела возможность выполнить приказ партии. Полностью на стороне партии была одна канонерка, но предполагалось, что примкнут и остальные три, стоявшие на реке Вампу в черте города. С войсками, вследствие их частых переброеок, никаких серьезных связей не было, и лишь была некоторая уверенность, что к восставшим может примкнуть одна саперная рота, расположенная в арсенале Лун-Хуа.

Союзники партии на этот раз никаких своих сил не имели. Например, Ню-Юн-Цзян весь свой отряд из люмпен-пролетариев растерял и вместе с тем потерял около 500—600 отличных маузеров. Юй-Хо-Дэ на этот раз вообще ни с какими заявлениями о купеческих отрядах милиции не выступал. Следовательно, единственной реальной вооруженной силой была рабочая дружина со своими 130 маузерами и одна канонерка, на которой было около 70 винтовок, которые могли быть выданы дружинникам только с началом восстания.

Чем же располагал противник? Все, что было боеспособного, Сун-Чуан-Фан бросил на фронт. 19-го февраля — в первый день забастовки — у Суна в Шанхае было около 400—500 солдат. Численность полиции оставалась та же, т.-е. около 2.000 человек. При учете сил полиции предполагалось, что часть полиции разбежится, а часть с первого же момента будет разоружена.

Весь день 19 февраля ушел на подготовку вооруженного восстания. По политической линии со стороны партии в этот день были приняты все меры к тому, чтобы сконструировать правительство. Вопрос о моменте вооруженного восстания еще поставлен не был.

День 20 февраля нужно считать днем наивысшего развития забастовочного движения. В этот день бастовало свыше 200.000 организованных рабочих. Но в этот же день начало выявляться, что южане дальнейшего наступления не предпринимают и, видимо, намерены закрепиться на занятых рубежах, с целью выждать подхода новых сил, в частности группы Хэ-Ин-Цина. Это учел Сун-Чуан-Фан и решил самыми жестокими мерами подавить забастовочное движение в Шанхае. По всему Шанхаю были снаряжены особые патрули, которым было дано право без всякого суда на месте казнить лиц, причастных к развитию забастовочного движения, агитаторов, разносчиков

прокламаций и просто граждан, непочтительно отозвавшихся о власти. Уже к вечеру этого дня начались казни рабочих агитаторов.

Между тем у руководства партии стал вопрос, что же делать дальше. Зародилось сомнение, есть ли смысл переходить к вооруженному восстанию, если южане не придут на помощь. Дискуссия шла о трех вариантах: 1) перейти немедленно к вооруженному восстанию, каковое, в случае успеха, дезорганизует тыл Суна и заставит части, защищающие Ханчжоуское направление, сняться с фронта и тем самым открыть путь южанам в Шанхай; 2) об'явить забастовку организованным путем прекращенной; и, наконец, 3) вызвать по районам небольшие беспорядки и постепенно прекрать забастовку. Обсуждение этих вариантов заняло у руководства весь день 20-го и только рано утром 21-го было принято решение о переходе к вооруженному восстанию. Восстание было назначено на 18 часов. Начаться оно должно было обстрелом с канонерки арсенала и казарм, в которых были расположены части Суна.

Однако, восстание в этот день не началось. Дружинники, засевшие в городе по квартирам, с минуты на минуту ожидали выстрела с канонерки, но такой выстрел не последовал, и дружинники разошлись по домам. Позже выяснилось, что выстрел с канонерки не последовал, вследствие отсутствия каких-то ключей, которыми нужно отомкнуть снарядный склад на канонерке.

Между тем, Сун-Чун-Фан все решительнее переходил в наступление против бастовавших. По улицам китайского города шли беспрерывные казни активных участников забастовки. Положение на фронте для Суна становилось все более устойчивым, за пару дней он уже сделал кое-какие перегруппировки и усилил свой фронт. Шанхайский гарнизон он усилил одним батальоном. Партии вызвать забастовку на железной дороге полностью не удалось, и Сун мог делать переброски по железной дороге. Обстановка складывалась так, что рассчитывать на успех вооруженного восстания было мало вероятно. Однако, руководство партией утром 22-го февраля принимает решение назначить вооруженное восстание 22-го в 18 часов. Сигналом к восстанию опять-таки должна послужить стрельба с канонерки.

На наш взгляд, такое решение нельзя назвать благоразумным, основанном на реальной оценке обстановки; оно скорее похоже на жест отчаяния. Положение ухудшалось еще тем, что значительная часть рабочих под нажимом разгулявшейся реакции стала возвращаться на работу, так что в этот день бастовало не больше 100.000 человек.

План восстания заключался в следующем. Ровно в 18 часов присоединившаяся к восставшим канонерка и, возможно, остальные канонерки открывают огонь по арсеналу, казармам и по штабу начальника гарнизона ген. Ли-Бао-Чжана. К этому же времени в Путунге (рабочий район — верфи, пристань) собирается невооруженная группа дружин-

ников числом до ста человек. Она должна сесть на поданную им моторную лодку и отправиться к открывшим огонь канонеркам, получить с них 70 винтовок и двинуться для захвата арсенала, где, возможно, к восставшим присоединится саперная рота, а если не присоединиться, то будет разоружена. Предполагалось, что под действием артиллерийского огня солдаты будут деморализованы. Вооруженные дружинники должны быть разделены по важнейшим районам и после первого выстрела наброситься на полицейских, разоружить их и стремиться захватить полицейские участки. Невооруженные дружинники должны находиться также по районам и быть по близости к вооруженным и вооружаться тем оружием, которое будет захвачено вооруженными дружинниками. После того, как дружинники подвооружаться, стремиться захватить наиболее важные правительственные здания, сооружения и казармы.

Как и было условлено, в 18 часов раздался первый выстрел с канонерки. К первой канонерке присоединились остальные три. Офицеры, отказавшиеся принять участие в стрельбе, были арестованы. Канонерки в общей сложности стреляли в течение двух с половиной часов. Первым был обстрелян арсенал, который после нескольких очередей выбросил флаг о сдаче. Потом был обстрелян южный вокзал, при чем один снаряд случайно попал в эшелон с войсками; затем были обстреляны казармы и когда, наконец, огонь перенесли на штаб гарнизона, то вследствие ли неумения стреляющих, или вследствие неисправности орудий, больше десятка снарядов попало на территорию французской концессии, после чего французы послали свою канонерку к месту стоянки китайских канонерок с требованием прекратить огонь. Под давлением французов канонерки вынуждены были огонь прекратить. Но уже за то время, пока канонерки стреляли, весь обстрелянный район был деморализован, и войска, расположенные в этом районе, фактически выбыли из строя. Предварительный расчет на то, что этот район—центр военной жизни—пойдет занимать отряд рабочих, был правильный, но этот расчет не осуществился. Вследствие плохой подготовки, оружие для дружинников с канонерок доставлено не было. А моряки не рискнули и не считали себя обязанными, по условиям плана восстания, высадить десант. Сто дружинников, которым нужно было ехать к канонеркам, в полном составе не собрались; собралось не больше 60 человек. В конце-концов, было бы достаточно и этого количества, но никак не могли найти перевозочных средств. Собравшиеся ждали около часу, а затем начали расходиться. Когда подошла к условленному месту моторная лодка, то уже из дружинников никого не осталось. Таким образом, закрепить завоеванные огнем канонерок районы за восставшими было некому. Если бы в этот район прибыл бы десантный отряд, то легко мог бы разрешиться вопрос и с вооружением, ибо в арсенале имелось кое-какое оружие.

Кроме того, пополнились бы ряды восставших за счет саперной роты, которая под действием артиллерийских снарядов заявила о признании Национального правительства.

Как же проходило восстание в самом городе? Наибольшие достижения у восставших были в южном городе. Так как этот район был ближайшим к месту обстрела канонерками, то власти здесь ослабили оборону, и в течение нескольких часов весь южный город был фактически в руках восставших. Здесь открыто устраивались митинги, тут же творился суд и расправа над контр-революционерами и установленными провокаторами и пр. Было захвачено незначительное количество револьверов и 2—3 винтовки.

Во втором крупном районе — Путунге — дружинники ввязались в борьбу с полицейскими. Первый момент полиция растерялась, но как только прекратился огонь с канонерок, полиция перешла в наступление, и дружинникам пришлось рассеяться.

Совершенно не участвовали в уличной борьбе дружинники самой крупной части города (северной), известной под названием Чапей. Вследствие наличия уличного шума и большого расстояния между канонерками и Чапеем, руководители районного отряда не слышали стрельбы канонерок и, спустя некоторое время после обусловленного срока выступления, не приняв мер к проверке действительного положения и считая, что, повидимому, и на этот раз решено восстания не производить, отдали приказ дружинникам расходиться по домам. Уже расходясь по домам, отдельные группы дружинников кое-где по собственной инициативе вступили в перестрелку с полицией.

К полуночи военное руководство, учитывая обстановку и считая, что район южного города без поддержки остальных районов не удержится, приказало дружинникам рассеяться. Уже к утру 23-го во всех районах Шанхая было спокойно. Город опять полностью был в руках начальника гарнизона Ли-Бао-Чжана. Однако, Ли-Бао-Чжан, опасаясь повторного выступления флота, больше не допустил ни одной смертной казни, несмотря на то, что в его руки попало несколько участников восстания с оружием в руках. Не рискнул он применить репрессии и против моряков. В общем, потери дружинников выразились, вместе с казненными еще до восстания, числом около 30 человек. Противник потерял убитыми и расстрелянными не больше 10 человек и столько же раненными.

Несколько слов нужно сказать о роли в этом вооруженном восстании средней и мелкой буржуазии. Средняя буржуазия испугалась размаха забастовочного движения и старалась быть одновременно поближе к лакомому кусочку возможной власти после восстания, а, с другой стороны, не прочь была и саботировать развертывание широких событий. Надежды на материальную помощь от буржуазии так и не оправдались. Ярко позицию средней буржуазии выявил ее пред-

ставитель Юй-Хо-Дэ, который на следующий день после поражения заявил в печати, что он ни в какой степени не связан с бунтовщиками, хотя в действительности принимал участие в заседаниях подпольного правительства.

Лучше вела себя мелкая буржуазия: лавочники, ремесленники и пр. Их симпатии были целиком на стороне восставших. Но революционная партия, гоняясь за Юй Хо-Дэ, не приняла достаточных мер к широкому вовлечению мелкобуржуазных элементов в борьбу против реакции. Имелись такие случаи, когда, лавочники в день наивысшего развития забастовочного движения также хотели выразить свое сочувствие движению и сами разыскивали представителей партии и просили указаний, закрывать ли им лавки, или нет.

Из основных недостатков второго Шанхайского восстания нужно отметить следующее:

1. На всем протяжении забастовочного движения—крайне нерешительная тактика руководства революционной партии. Весь день 20-го, когда следовало взять решительный курс на восстание, вожди совещались.

2. Слабо подготовленное и случайное руководство дружинниками. Комсостав не знал своих дружинников, а дружинники не знали своих командиров.

3. Слабо поставленная информация. Ни руководство партии, ни штаб дружин не имели точной информации о положении на фронте. Не было никакой связи с командованием южан.

4. Плохо налаженная служба связи. Штаб руководства дружинниками не имел возможности срочно поставить в известность северный район города о начавшемся восстании в южном городе. Также штаб не повлиял на то, чтобы своевременно доставить моторную лодку десантному отряду дружинников.

5. Недостаточная обработка железнодорожников. Сун-Чуан-Фан мог свободно маневрировать своими частями.

6. Так же, как и в первом восстании, хотя и в меньшей степени, оглядывание на вождей средней и мелкой буржуазии. Нянчились с Юй-Хо-Дэ и Ню-Юн-Цзяном, всячески их старались подтянуть к политическому руководству, опасаясь, что, захватив город в свои руки, некому будет управлять городом.

7. И, наконец, слабо были втянуты в общее движение мелкобуржуазные слои населения, учащиеся и пр. Активное участие этих слоев населения, желавших участвовать в движении против реакции, могло бы больше способствовать успеху.

Восстание 21 марта 1927 г.

23-го февраля руководство партии, обсуждая вопрос об отступлении и отдавая приказ о прекращении всеобщей забастовки, одновре-

менно постановило считать, что, повидимому, в весьма непродолжительном времени шанхайскому пролетариату опять придется взяться за оружие; поэтому руководство требовало от всех своих организаций, чтобы был изучен опыт прошедшего неудачного восстания с тем, чтобы в будущем восстании ранее допущенных ошибок не повторять.

Как мы увидим дальше, действительно ошибки первого и второго восстания в части, касающейся военного руководства, повторены не были.

Как и предвидела партия, вскоре после восстания 23 февраля обстановка привела к необходимости нового восстания. Произошло это так. Бай-Сун-Чи 18 февраля, достигнув своими передовыми частями ст. Кашин, решил дальше не двигаться. Свои силы он считал недостаточными для дальнейшего преследования противника, и стал поджидать подхода группы Хэ-Ин-Цина. Усиление группы Бая группой Хэ несомненно создавало бы такой перевес в силах на стороне южан, что не оставалось бы никакого сомнения в том, что южанами будет занят Шанхай. Такое положение всполошило лидеров Национального правительства, ибо Чан-Кай-Ши, заняв Шанхай, сразу же может заявить о своей независимости. Поэтому было решено, что в дальнейших операциях должна принять участие вся Нацармия, в той ее части, которой было предназначено действовать против Сун-Чуан-Фана.

В это же время, т.-е. в конце февраля, произошло новое обстоятельство, которое несколько осложнило положение. Чжан-Цзун-Чан, до сего времени остававшийся в стороне, решил выступить против Нацармии. На основе соглашения с Сун Чуан-Фаном, начиная с последних чисел февраля, шандунская армия стала накапливаться на южном берегу Ян-Цзы, а весьма растрепанные части Суна стали выводиться на отдых. К первым числам марта, когда еще в Ханьчжоу не прибыл Хэ-Ин-Чин и не было закончено сосредоточение на Нанкинском направлении назначенных туда сил, Чжан-Цзун-Чан уже успел перебросить через реку Ян-Цзы свыше 3 корпусов своей армии. В Шанхае был расположен штаб 8-го корпуса и не меньше одной бригады войск. Такая замена растрепанной армии Сун-Чуан-Фана свежими шандунскими войсками, при наличии в войсках русских белогвардейцев, создала более серьезную угрозу южанам. Это обстоятельство, собственно, и вынудило Чан-Кай-Ши снова принять руководство над всей Нацармией и для видимости подчиниться Нацпра. Предстояло развернуть серьезную операцию по всему фронту, начиная от Лунхайской железной дороги, через провинции Ань-Хуй и Чже-Цзян до берега моря. Соотношение сил у борющихся сторон, примерно, было таково: у южан со всеми попутчиками в общей сложности было около 70.000 человек; у Чжан-Цзун-Чана непосредственно на фронте было не меньше 60.000 чел., а с резервами в ближайшем тылу не менее 120.000 чел.

Примерно 10-го марта сосредоточение южан было закончено, и 12 марта главкомом был издан приказ о переходе южной армии по всему фронту в решительное наступление.

В Шанхае в это время велась следующая подготовительная работа.

Перегруппировки в лагере противника и несколько ослабленная в эти дни борьба с рабочим движением были полностью использованы ревпартией для организации пролетариата к предстоящим боям. Прежде всего было решено количество дружинников довести до 5.000 человек. Во-вторых, было обращено серьезное внимание на подготовку командного состава. Почти ежедневно проводились занятия с комсоставом. В результате, на каждых 20—30 дружинников был командир, который, хотя бы в самом элементарном виде, знал некоторые правила уличной борьбы. Районные же штабы были укомплектованы в большинстве случаев квалифицированными военспецами-революционерами. Особое внимание было обращено на изучение командирами тех районов, в которых им придется действовать. От командира требовалось точно знать, где лучше воздвигнуть баррикаду в своем районе, из какого материала, требовалось безусловное знание всех улиц и переулков, требовалось знание тех мест, где можно порвать электрические и телеграфно-телефонные провода и, наконец, нужно было знать наилучшие подступы к тем зданиям, которые предстояло в будущем занять, откуда лучший обстрел такого здания и т. п. Кроме того, учитывая малочисленность вооруженных дружинников, особое внимание было обращено на инструктирование дружинников в том, каким путем без оружия захватить винтовку у полицейского на посту. При узости китайских уличек, при громадном уличном движении и при полном сочувствии уличной толпы к восстающим отнять у полицейского винтовку не составляло труда. Если бы полицейский и вздумал оказать сопротивление, то тем двум-трем дружинникам, которые должны были разоружить одного полицейского, рекомендовалось иметь в кармане песок или еще что-либо такое, чем бы можно было засыпать полицейскому глаза.

Остро стоял на этот раз вопрос с оружием. Во втором восстании дружинники часть своего оружия потеряли. На руках оставалось около 90 маузеров, при чем, часть из них от плохого хранения попортилась, так что совершенно исправного оружия было не более 50 маузеров. С большим трудом штабу дружинников удалось получить около 7.000 мексиканских долларов от ЦК Гоминдана и на эти деньги закупить до 100 новых маузеров. Таким образом, ко дню восстания в распоряжении боевой дружины было около 150 совершенно исправных револьверов.

Наконец, заново был разработан план вооруженного восстания. Основные моменты его заключались в следующем: во-первых, надо

было сократить время между моментом об'явления забастовки и вооруженным восстанием; во-вторых, одновременно по всему городу разоружить полицию и вооружить дружинников; в-третьих, сразу же с момента об'явления вооруженного восстания прервать всякую связь между разными частями города; в-четвертых, всеми силами стремиться снять всех железнодорожников с работы и, если бы это полностью осуществить не удалось, выделить особые боевые группы, которые должны путем диверсионных действий прекратить железнодорожное движение. Здесь же нужно сказать, что, вследствие крайне дурного обращения военщины с железнодорожниками, последние еще дней за 10 до всеобщей забастовки устроили забастовку на железных дорогах. На работе остались только те железнодорожники, которые не успели убежать, продолжая нести службу под охраной солдат. Одновременно сами железнодорожники всеми силами стремились нарушить движение и довели его до такой степени, что в ночное время поезда ходили со скоростью 5 километров в час. Где только возможно было, железнодорожники портили полотно и спускали под откос поезда. Шандунцы вынуждены были бросить значительные силы на охрану дорог. Дело дошло до того, что вдоль дорог были поставлены часовые на дистанции зрительной связи. В дальнейшем предполагалось, что, вооружив полицию, особого труда не составит занять правительственные здания и начать окружать те районы, в которых сосредоточены войска.

Около 15—16 марта начали в Шанхае появляться слухи, что южане перешли в наступление. Однако, точной обстановки никто еще не знал, а местная пресса молчала, пока 16-го марта одно случайное письмо не известило руководство партии, что в промежуток времени между 20—22 марта южане предполагают быть под Шанхаем. Получив такие сведения, руководство партии снова обсудило вопрос об об'явлении всеобщей забастовки и вооруженного восстания и решило, чтобы опять не выступить раньше времени, призвать рабочих и идущие за пролетариатом слои населения к забастовке только в том случае, если южане со стороны Ханчжоу подойдут к ст. Сун-Цзян, а со стороны Нанкина к ст. Чен-Чжоу (оба пункта в 30 км от Шанхая). Кроме того, на этот раз было твердо решено больше не плестись в хвосте у буржуазии, а целиком возглавить движение самим.

Политическая подготовка восстания выразилась в том, что уже заранее начали принимать меры к тому, чтобы к участию в будущем восстании привлечь наиболее широкие слои населения. Для этой цели от разных слоев населения были избраны делегаты в делегатское собрание, которое по существу своему представляло Шанхайский совет, только с более широким представительством от мелкобуржуазных элементов. В общем, в делегатском собрании большинство было полностью обеспечено за левым крылом. 12 марта состоялось первое не-

легальное заседание делегатского собрания. Присутствовало на собрании свыше 200 делегатов. Основными вопросами на повестке дня были вопросы о подготовке ко всеобщей забастовке и выборы исполнительного комитета. По первому вопросу мнение всех участников было одинаковым в том смысле, что нужно вести усиленную работу по подготовке всеобщей забастовки с наибольшим втягиванием в забастовку городского населения; с этого момента все делегаты явились лучшими проводниками идеи всеобщей забастовки. Исполнительный комитет был избран в составе 31 человека. Впоследствии, в первый день восстания, из исполкома была избрана городская шанхайская власть в составе 19 человек.

Несколько слов о соотношении сил в самом Шанхае. Партия в своем распоряжении имела 150 вооруженных дружинников-рабочих и около 5.000 невооруженных рабочих, но организованных в дружины. Больше никаких сил в распоряжении партии не имелось. На флот на этот раз рассчитывать не приходилось, ибо командованием флота все суда, принимавшие участие во втором восстании, были выведены из Шанхая и стояли на рейде возле крепости Вузунг. С воинскими частями никакой связи партия также не установила, ибо все части только недавно прибыли и ни одна из них подолгу не задерживалась в городе. Противник имел в Шанхае в течение всего этого времени не меньше одной бригады, кроме того, на северном вокзале постоянно находился один бронепоезд. Следовательно, на этот раз соотношение вооруженных сил отнюдь не было в пользу восстающих, и весь расчет строился лишь на том, что, когда южане подойдут к Шанхаю, то в рядах противника создастся паника, пользуясь которой будет не особенно трудно захватить город в свои руки.

Что же в это время происходило у южан? Группа Бай-Сун-Чи, действовавшая против Шанхая, находилась от последнего всего на расстоянии 60 км. Превосходство сил также было на стороне южан. Однако, движение этой группы штабом главкома было задержано с таким расчетом, чтобы дать возможность остальным силам подтянуться ближе к Нанкину и не дать противнику отойти на северный берег Ян Цзы у Пукоу. Вследствие этого, группа Бай-Сун-Чи заняла Сун-Цзян (в 30 км от Шанхая) только 18 марта и с дальнейшим движением не спешила, поджидая, пока левофланговый отряд подойдет к ст. Чен-Цзян на Шанхай-Нанкинской жел. дор. Два дня ушло на подтягивание южан для решительного удара, и утром 21-го были получены сведения, что в этот день южане могут войти в Шанхай. Такая информация дала возможность партии 21 марта в 12 часов дня об'явить всеобщую забастовку.

Ровно в 12 часов дня весь Шанхай стал замирать. Трамвайщики поспешно стали уводить свои вагоны в парки, автобусы уходить в свои

гаражи. Купцы поголовно все стали закрывать свои магазины. Фабрики и заводы также ровно в 12 часов остановились, а рабочие дружинники побежали на свои сборные пункты. Военным руководством было решено не откладывать дела вооруженного восстания, которое было назначено на 13 часов.

На этот раз тщательная подготовка возымела свое действие. Как было заранее решено, в 13 часов 10 минут почти вся шанхайская полиция была разоружена. К 14 часам дружинники уже имели около 1.500 винтовок. Дружинник, получивший винтовку, знал, что ему делать, и бежал на сборный пункт. К этому же времени бо́льшая часть китайского города была в руках восставших, и только район вокзала в северном городе был в руках шандунцев. Здесь завязалась ожесточенная борьба. Противник, засевший на вокзале, представлял собою сборный отряд из разных частей шандунцев, численностью около 3.000 человек при одном бронепоезде и русских белогвардейцах в качестве инструкторов. Отряд этот уже в начале восстания был отрезан от всего мира, ибо дружинниками в первый же час восстания были перерезаны все провода в китайском городе, и если отряд упорно защищался, то только благодаря присутствию белогвардейцев.

Особенно упорная борьба завязалась у двух опорных пунктов противника, а именно у громадного пятиэтажного здания книгоиздательства „Комершел пресс“ и у русской церкви. Противник, засев в этих зданиях, высоко поднимающихся над остальными постройками, своим огнем уничтожал все живое, что появлялось на улицах. Только поразительная храбрость дружинников, подползавших к этим зданиям и штыками выбивавших оттуда противника, позволила еще больше сузить кольцо вокруг него и поставить его в худшие условия.

Таким образом, к вечеру первого дня дружинниками была одержана первая крупная победа над противником, и борьба перешла за обладание вокзалом. Подготавливая атаку вокзала наступающей ночью, дружинники обрезали электрические провода и лишили район вокзала освещения. Противник, опасаясь атаки, поджег вокруг вокзала все прилегающие к нему постройки для того, чтобы осветить район. Это усложнило положение дружинников, которым уже нельзя было перейти в атаку при ярком освещении пожара, а, кроме того, пришлось принимать участие в локализации пожара. Пришлось в течение ночи ограничиться постоянным держанием под огнем района вокзала. Дело осложнялось еще тем, что дружинники северной части города не могли получить подкрепление за счет дружины южного города. Отряд северного города имел лишь 800 винтовок и пять пулеметов; в южном городе без дела болтались 600 вооруженных дружинников с четырьмя тяжелыми пулеметами и десятью легкими, но вся беда была в том, что не было никакого способа доставить вооружение в северную часть города, ибо кратчайший путь через концессию был закрыт иностран-

нами, а следовать вокруг города было не безопасно, так как кое-где по окрестностям еще бродили группы противника и, кроме того, нужно было пройти довольно большое расстояние—не менее 20 км. Вследствие всех этих причин, было решено ночью атаки не производить и ожидать поддержки южан, прибытие коих в город ожидали с минуты на минуту. Одновременно командованием было решено в штаб Бай-Сун-Чи отправить рабочую делегацию с просьбой ускорить вхождение южан в город.

Первая половина дня 22-го марта прошла без особой активности с чьей-либо стороны. Настроение дружинников было прекрасное. Дружинники были осведомлены о поражении противника по всей Шанхай-Нанкинской линии. Капитуляцию противника, засевшего на вокзале, считали неизбежной.

Однако, противник проявил активность. Около 15 часов шандунцы решили частью своих сил прорваться к крепости Вузунг (в 20 км от Шанхая). По железнодорожной ветке был пущен эшелон с одним батальоном шандунцев. Эшелон прорвался сквозь оцепление дружинников и мог уже создать угрозу тылу дружинников. Однако, перед самым Вузунгом эшелон встретила Вузунгская дружина с вооружением всего в 2 винтовки и несколько револьверов. Противник, переоценив силы дружинников Вузунга, решил повернуть обратно, но на обратном пути на окраине города было устроено крушение поезда, и шандунцы в числе 320 человек сдались дружинникам. Этот успех еще больше влил бодрости в дружинников, и было решено немедленно атаковать вокзал. Атака была назначена на 17 часов. Против этой атаки противник не устоял и оставил вокзал, отступая всеми своими силами по Шанхай-Ханчжоуской дороге. Пройдя около 10 км, шандунцы были встречены войсками южан и, видя себя окруженными со всех сторон, бросая оружие, бежали на иностранную концессию. И тут не повезло шандунцам. Англичане, видя растерзанный вид шандунских солдат, приняли их за дружинников и открыли по ним пулеметный огонь; первым залпом было убито свыше 50 шандунцев. Как только англичане установили свою ошибку, шандунцы были приняты англичанами и японцами под свою защиту. Интернированных оказалось свыше 2.000 человек. Интересно отметить, что через несколько дней японцы отправили интернированных солдат опять в армию Чжан-Цзун-Чана, доставив их на своем пароходе.

Таким образом, в общей сложности дружинники вели уличный бой 28 часов, а если считать до момента входа в город южан, то город был в руках восставших 30 часов.

Трофеи восставших выразились в 1.500 винтовок, 9 тяжелых пулеметов, 13 легких пулеметов, несколько бомбометов, значительное количество ручных гранат и большое количество патрон. Потери дружинников: 9 убитых и около 30 человек раненых. Всего убитых было 69 человек, если считать и павшее от пуль шандунцев мирное население.

Переходя к выводам, необходимо отметить из **положительных моментов** следующее: восстание было назначено непосредственно за об'явлением всеобщей забастовки и в такой момент, когда все население Шанхая было готово оказать содействие восставшим (исключение могла составить только крупная буржуазия).

Отличное выполнение задачи по разоружению полиции. Быстрый сбор дружинников: прямо с предприятий дружинники направились на сборные пункты. Немедленный перерыв связи между отдельными группами противника. Правильно принятое решение предварительно выбить противника из больших зданий, командующих над местностью. С политической стороны,—хорошо обработанное общественное мнение через делегатские собрания, профсоюзы и пр.

Из основных **недостатков** нужно отметить непринятие мер по переброске вооружения из южного города. Восставшие слишком были уверены в быстром подходе южан.

Три шанхайские восстания по своему характеру совершенно различны как по своей политической, так и по военной подготовке.

В отношении политической подготовки мы видим, как революционное руководство эволюционировало от подчинения мелкой и средней буржуазии к сотрудничеству с буржуазией во втором восстании и, наконец, к совершенно самостоятельным действиям в третьем.

Кроме того, мы видим, как военное руководство восстанием от кустарничества перешло в дальнейшем к тщательно разработанному плану.

Во всех случаях можно отметить готовность подавляющего количества городского трудящегося населения выступить активно на помощь восстающим. Однако, в первом и во втором восстаниях не было уменья достаточно широко привлечь к делу эти слои населения. Пути мелкой и средней буржуазии на том этапе революционного движения несомненно совпадали с путями революционной партии. Буржуазия полностью воспринимала лозунги по борьбе с милитаристами, разорявшими ее непомерными поборами, и по борьбе с империалистами, оскорблявшими национальное самолюбие китайцев и своей политикой тормозящими развертывание национальной промышленности и разоряющими страну.

В тот период китайцы, не исключая и буржуазию, рассчитывали на Национальное правительство, которое, по их представлению, шло по пути освобождения китайского народа от милитаризма и империализма. В это верили и довольно широкие слои рабочего класса, но последующие события — разгром рабочих организаций, поправление вождей Гоминдана—открыли массам глаза на попутчиков в революционном движении и еще больше укрепили уверенность в том, что только своими силами под руководством революционной партии можно достичь поставленных перед собой целей.

БОЧАРОВ

К РОКОВЫМ ДНЯМ

Очерки событий 1923 г. в Болгарии и тактики БКП (т. с.)

НА „Добром поле“ [1]) в 1918 г. рухнула иллюзия на возрождение „Великой Болгарии“. Позорный Нейский договор, стомиллиардное бремя репарации, хозяйственное разорение, 300 тысяч убитых и инвалидов, растущая дороговизна, бешеная спекуляция, безработица, непосильные налоги — вот результаты безумной политики болгарской буржуазии. История редко показывает примеры подобной катастрофы „национальных идеалов“,— катастрофы столь позорной и гибельной.

Возмущенные, покидающие фронты солдаты отправились к Софии потребовать отчет от виновников войны и погромов. Немецкие пушки спасли трон и господство буржуазии, но так называемая „Радомирская революция“ [2]) была сигналом к борьбе против тех, которые ввергли народ в несчастья, а страну в позор. Сразу широко разливается революционная волна во всей стране. Ни отречение Фердинанда, ни смена правительства новым коалиционным не могут успокоить возбуждение масс. Последствия войны страшные [3]). Из хаоса хозяйственного разорения исхода не видно. И все настойчивее и внушительнее поднимается по всей стране требование: наказать виновников войны! Сменить управление страной!

И на политическую сцену Болгарии, где до сих пор свободно располагалась буржуазия, решительно и дерзко выступили рабочий класс и крестьянство. Буржуазные партии теряют всякий кредит и

---

1) „Добро поле“—местность в Македонии, где была разбита болгарская армия в 1918 г.

2) Покидающие фронт солдаты после Добропольского поражения взбунтовались и под руководством Райко Даскалова и Стамболийского, вождей Земледельческого Союза, в гор. Радомире объявили республику и направились к Софии. Перед Софией они были разбиты с помощью германских войск. Даскалов бежал в антантовскую армию, а Стамболийский написал „верноподданное“ письмо новому царю Борису и потом вошел в коалиционное правительство.

3) Болгария имеет 5 миллионов населения, 115.000 км^2 территории. Нейский договор отнял 11.000 км^2, полмиллиона населения страны и все Егейское побережье.

Репарации и государственный долг превзошли в несколько раз стоимость национального богатства.

Внешний долг—3.343.474.079 зол. фр. Внутрен. долг—3.757.931.153 зол. лев. На современные болгарские левы это составит 100 миллиардов лев, или по 20 тысяч на душу населения страны.

Кроме этого, Болгария обязалась выплачивать все расходы по оккупации ее союзными армиями. Содержать репарационную и другие союзнические комиссии в стране и ввести 50.000 тонн угля Югославии сроком на 5 лет и т. д.

„Мы принесли в жертву войне все свое национальное богатство“—говорит доктор Данев, министр финансов в 1919 г.

Убитые и раненые в круглых цифрах составляют 300.000.

Общий доход земледелия упал, по сравнению с довоенным, на 40—50%.

становятся ненавистными народу. Земледельческий Союз, поднимающийся на плечах проснувшихся крестьянских масс, и коммунистическая партия, за которой стоят болгарские рабочие и сознательные крестьяне,— вот новые политические силы, которые начинают играть первую роль в социальной жизни страны.

Болгария послевоенного периода представляет собой кипящее море. Начинаются забастовки в невиданных до сих пор размерах. Некото[рые] превращаются в столкновение с государственной властью, как, напр., забастовки перништских углекопов. В городах и селах происходят постоянные собрания, митинги, демонстрации, которые часто заканчиваются кровавыми столкновениями с полицией. Крестьянство теперь проявляет необыкновенную активность. Во многих местах крестьяне сбрасывают сельские власти и прогоняют бирников (налоговых сборщиков).

Разрастающееся революционное движение руководилось партией „тесных социалистов", теперь Болгарской Коммунистической Партией. Она была единственной партией, которая вела героическую борьбу против войны, и потому приобрела влияние в рабочем классе и крестьянстве. Теперь она росла с каждым часом, ее лозунги подхватывались массами; на организуемые ею митинги, собрания и демонстрации шли десятки тысяч; тираж ее газеты превысил тираж буржуазной прессы.

Буржуазия чувствует, что почва шатается под ее ногами. „Радомир" может повториться, и повториться под знаком большевизма. И она ищет спасения. Старая Европа была спасена Шейдеманом и К°. Болгарская буржуазия также нашла своего Шейдемана в лице Стамболийского.

Так Болгарский Народный Земледельческий Союз пришел к власти.

Посевная площадь в 1914 г.—2.819.505 *га*, в 1919 г.—2.008.642 *га*. В 1910 г. в Болгарии насчитывалось 478.000 лошадей и 1.606.000 голов рогатого скота, в 1920 г. соответственно 117.000 и 845.000. При этом Болгария обязалась заплатить 70.000 голов скота Югославии.

Баланс заканчивался дефицитом. В 1919/20 г. доход—844.000.000 лев., расход—1.473.000.000 лев., дефицит 629.000.000 лев. В 1920/21 г. доход—2.005.000.000 лев., расход—2.356.000.000 лев., дефицит—351.000.000 лев.

Бумажное обращение увеличилось неимоверно:

Госбанк.	Золото и серебро.	Кредитн. билеты
1916 г.	85 милл.	834 милл.
1921 г.	59 „	3.615 „

Индекс оптовых цен поднялся в 25 раз, а зарплата в 10 раз.

Промышленность в Болгарии, и так очень ничтожная, за время войны почти остановилась, кроме мукомольной, текстильной и табачной, работавших на армию. После войны она не восстановлялась, а капитал уходил в спекуляцию. Около 600 млн. лев. были вложены в торговлю и банки, а только 90 млн. в промышленность. Замирание промышленности создало после войны большую безработицу.

Было вполне очевидно, что больших политических и экономических вопросов болгарской действительности Земледельческий Союз не сможет разрешить. И история его властвования подтверждает лишний раз ту истину, что крестьянство в современную общественную эпоху не может самостоятельно держать государственную власть и управлять страной.

Старая организация, имевшая здоровые корни, особенно в среднем крестьянстве, в известные моменты поднималась до уровня мелкобуржуазной революционной партии. Земледельческий Союз вырос после балканской и мировой войн и стал играть одну из первых ролей в политической жизни страны. Популярность Стамболийского, энергичного и ловкого демагога, особенно выросла после его пресловутой ссоры с царем Фердинандом и последовавшего затем тюремного заключения. „Радомирский бунт" способствовал увеличению влияния Союза, вопреки противонародной и шовинистической политике, которую его вожди вели за время войны[1]).

Программа Союза была очень радикальной. Но она, как и мировоззрение ее вождей, была совершенно неопределенной. Одна часть, руководимая Драгиевым, бывшим сельским учителем и основателем Союза, старалась слепить в одно целое: евангелие, социализм и эгоистическую психологию мелкого собственника. Другая часть, руководимая Стамболийским, смотрела несколько реальнее на вещи: „Человечество живет за счет трудовых сословий, главное—за счет крестьянства. Но „кожедеры" со своими адвокатскими партиями обманули крестьянство, кустарей и рабочих, управляют ими и эксплоатируют их. Пора трудовым сословиям освободиться. Болгария даст первый пример". (Из его речей).

Комментарии здесь излишни.

Стамболийский высказывался против капитализма. Капиталистический порядок он думал заменить кооперацией, сохраняя частную собственность. Политическое управление он представлял себе, как режим „народовластия", при чем власть находится в руках крестьянского сословия, а когда другие трудовые сословия, т.-е. рабочие и кустари, освободятся от своих обманщиков —„адвокатских партий",— управление становится вполне „народным", т.-е. переходит в руки всех трудовых сословий.

Как относился он к коммунизму? Коммунизм он отрицал. Стамболийский подвергал КП жестоким преследованиям, хотя в минуты „просветления" он любил бросать фразы, что после его „зеленого Интернационала", который он хотел организовать, будущее будет принадлежать Красному Интернационалу. Овладев правительственной

[1]) Стамболийский не был против войны, а только против нее на стороне центральных сил; в парламенте депутаты Зем. Союза поддерживали Радославова и голосовали военные кредиты.

властью, вожди Союза были исполнены реформаторских намерений. Они чувствовали сильное давление проснувшихся крестьянских масс. Они должны были итти навстречу их нуждам, чтобы вести их за собой.

Союз насчитывал 120.000 чел., в большинстве малоимущих и средних крестьян. И хотя руководящая роль принадлежала кулацкому элементу и сельской интеллигенции, все же необходимо было считаться с большинством, которое часто и настоятельно поднимало свой голос.

В реформаторской деятельности правительства Стамболийского можно отметит главных три момента:

1. Устранение городской буржуазии от руководства политической и хозяйственной жизнью страны и насаждение на ее места кулаков и деревенских парвеню. Проведение через парламент законов: „об осуждении виновников войны“, которым кабинет Радославова был брошен в тюрьму, „о конфискации незаконно добытых богатств за время войны“, „закон о консорциуме“, которым экспорт хлеба монополизировался в руках зажиточных крестьян; „о ростовщичестве“ и др.; хотя эти законы и были половинчатыми, но они сильно били по карману городскую буржуазию.

2. Попытки удовлетворить нужды крестьянства, чтобы вести его за собой, напр.: проведение „закона о трудовой поземельной собственности“, по которому из отчужденной государством земли составлялся фонд трудовой поземельной собственности, раздававшийся маломощным крестьянам с выплатой сроком на 15 лет. Фактически крестьяне этой реформой закабалялись Ипотечным Банком, которому они выдавали обязательства на 15 лет с высоким процентом.

Остальные законы, „о ростовщичестве“, по которому ростовщик не мог продавать землю крестьян за долги, „о реформе суда“, который предусматривал выезды уездных судов в деревню, тогда как ранее крестьяне были принуждены итти в город, а также отменял адвокатскую защиту, и др.,— подобные законы преследовали цель удовлетворения крестьянства, хотя здесь была большая доля демагогии.

3. Борьба против революционного движения и Компартии. Изданные законы об изменении „избирательного права“, „о собраниях“ „о коммунах“ и ряд других были направлены против революционного коммунистического движения. Здесь необходимо отметить интересную позицию, занятую Стамболийским. Он был очень самонадеян и думал, что в политической борьбе в запутанных классовых отношениях можно так же хитрить, как он хитрил в деревне. Сначала, когда он был недостаточно силен, он заигрывал с коммунистами, думая использовать их против буржуазии. Он организовал террор против коммунистов, чтобы убить только стремление коммунистов к захвату власти. Но после расправы над буржуазией в Тирново, после большой избирательной победы, в 1923 г. и под натиском внешних факторов он решает унич-

тожить КП. Он открывает жестокую кампанию против КП, чем предопределяет в конечном счете свое собственное падение.

Особенно интересен изданный им закон „о коммунах“, в котором предусматривалось выселение коммунистов с их семьями в Бургасские болота, где они должны были, по его мнению, строить коммунистический строй. Здесь этот оригинальный человек превзошел всякую оригинальность. В политике это называется идиотизмом.

4. Попытки выйти из экономической разрухи, последовавшее после войны, как, напр., закон „о трудовой повинности“, и усилия восстановить транспорт, поднять экспорт, укрепить валюту и пр. Вот главные моменты реформаторской деятельности Земледельческого Союза.. Даже с демократической точки зрения она не сделает особой чести З. Союзу ни в политическом, ни в хозяйственном отношении.

Земледельческие вожди договариваются до отмены пропорционального избирательного права, а их кооперативная деятельность представляет собой больше шума, чем дела. А что касается попыток оздоровления хозяйственной жизни страны, то это лучше всего выражено министром финансов Земледельческого правительства: „мы копаем колодезь не лопатой, а иголкой“. Только в области народного просвещения они делают жест, открыв прогимназии почти в каждой деревне, но и это не дало особых результатов, так как тяжесть по издержкам легла на местные бюджеты.

Нужно отметить, что в массах реформы Земледельческого правительства не встретили ожидаемого сочувствия. К концу его властвования недовольство рабочих и крестьянских масс все усиливалось и усиливалось. Для растущих государственных нужд и выплаты репараций единственным источником были налоги. Они достигли чудовищной цифры. Для маленькой Болгарии с 5 мил. населения государственный бюджет вырос до $4^1/_2$ миллиардов. Одни только косвенные налоги были увеличены с 150 мил. до 2 000 мил. Здесь Стамболийский не нашел новых путей,—пошел по старой протоптанной дороге прошлых правительств. Сверх этого администрация Земледельческого правительства, вместе с деревенскими кулаками-депутатами, руководствовалась старым мудрым правилом: „не упускай момента — воруй и тащи!“ Все это подрывало престиж правительства и усиливало недовольство масс.

Болгарская буржуазия искала спасения в страшные дни после войны, когда вихрь революции носился над Европой, в Земледельческом Союзе. Стамболийский, которого она допустила к власти, исполнил свою роль. Варварски подавленная забастовка почтово-телеграфных служащих и железнодорожников, жестокие преследования Компартии и рабочего движения дают полное основание рабочему классу и сознательному крестьянству не возносить его в воспоминаниях, а зачислить его в ряды тиранов и мракобесов.

Но буржуазия промахнулась в своих расчетах. Она забыла, что Стамболийский, хитрый крестьянин, алчный, эгоистичный, почувствовал себя сильным. И когда буржуазия сделала попытку оторваться от него, она встретила отпор. Этот крестьянин совсем не имел намерения уходить. Он нахально расположился за государственной трапезой и начал использовать привилегии власти.

Здесь был заложен один из источников конфликта между Земледельческим Союзом и буржуазией. Власть была золотым дном для управляющих клик. Под ее сенью рождались и выкармливались буржуазные группировки в Болгарии, вся мудрость и вся политическая история которых представляет жестокую и подлую борьбу за власть. И теперь буржуазия не могла мириться с тем положением, чтобы оставить этот пирог в руках деревенских кулаков и парвеню. Больше того: она вытеснялась из политической и экономической жизни страны. Кроме этого, она боялась нарастающего большевизма и считала, что Стамболийский, несмотря на борьбу с компартией, откроет ей путь к власти. Даже в деятельности Стамболийского она находила методы большевизма. Отчуждение, хотя и с выплатой, земли, конфискация „честно" приобретенного во время войны богатства, заключение в тюрьму министров и т. п.—разве это не „большевизм"? Разве это не разжигание аппетитов масс? Кто гарантирует, что завтра массы не потребуют большего? Тем более, что правые элементы Союза, под влиянием трудностей в управлении разоренной страной и тяжелой борьбы Союза на два фронта — с буржуазией и рабочим классом — тяготели к примирению с буржуазией, и Стамболийский оперся в борьбе с ними на крестьянские организации Союза. „Мы избранные и отвечаем только перед крестьянскими организациями и больше ни перед кем",— заявлял он. Организации были подтянуты к управлению страной. Они назначали и смещали административных чиновников. Перед конгрессом Союза отчитывались министры. „Это уже настоящий большевизм,— кричала буржуазия,— это управление партией, а не парламентом, это подрывает всякую конституцию".

Сначала буржуазия попробовала свергнуть земледельческое правительство своими старыми испытанными методами восточной политики. Она прибегнула к дворцам и посольским лестницам. Но царь не решался сменить Стамболийского, а часть внешних сил сама ориентировалась на Земледельческое правительство.

Тогда жалкая болгарская буржуазия решилась принять героические меры. Она не имела революционных традиций и привыкла получать все даровое. Но теперь она должна была бороться. Началась широкая политическая кампания для свержения „диктатора" и „большевика".

Здесь Стамболийский еще раз „сорригинальничал". Он разрешил „всенародный" митинг всем буржуазным и мелкобуржуазным партиям,

т. н. „конституционный блок партий порядка и закона" в старой столице Тирново и даже предоставил участникам проезд по железным дорогам с 50% скидкой. Конец этой политической кампании „партий порядка и закона" был действительно мольеровский. Митинговавшим буржуазным политикам, адвокатам, бывшим министрам, депутатам, банкирам, мещанам и пр. здорово пришлось от „случайно" заседавшего в Тирново в тот же самый день „конгресса розопроизводителей". „Розопроизводители" с палками напали на митингующих, избили и разогнали их. А над бывшими министрами—Тодоровым, Малиновым, Маджаровым и др.—учредили „народный суд", который после выдергивания у них бороды и усов, постановил заключить их в тюрьму и предать суду полностью кабинеты 1913 и 1918 гг., также как виновников войны.

Мосты между Стамболийским и городской буржуазией были уничтожены.

Чтобы предвидеть ход событий, не нужно было итти в Дельфийский храм. Буржуазия не могла помириться с этим положением. Ей оставалась только одна дорога — конспирация и переворот.

Наступали роковые дни.

9-е июня.

Утром 9 июня София проснулась блокированной; по улицам сновали патрули; на площадях торчали пулеметы.

Ночью был совершен переворот.

В этот прекрасный летний день высочайший указ даровал „милому" народу новое правительство. „Отставка" Стамболийского была „принята", министры его кабинета арестованы, чтобы быть спасенными от „народа", который может „возмутиться".

Переворот произошел совершенно неожиданно.

Политики, администрация, армия, народ были оглушены этой неожиданностью. Им даже и в голову не приходило мысли о возможности таких событий. Накануне 9 июня некоторые из министров спокойно глазели в опереточных театрах, а министр просвещения по обыкновению был пьян.

После прежних безуспешных заговорщических попыток буржуазии — на этот раз, переворот, подготовленный искусно и скрытно, вполне удался. Власть не оказала никакого сопротивления, и столица была занята в 3—4 часа.

Но не так дело обстояло в стране. Провинция восстала против нового правительства. Вопреки тому, что было об'явлено военное положение и власть перешла в руки начальников гарнизонов, которые стояли за новое правительство, некоторым вождям Союза удалось поднять массы.

Союз в предвидении подготовляющегося переворота все же готовился встретить его. Его вожди неоднократно запугивали, что если буржуазия попробует сделать переворот, „Содом и Гоморра", как Стамболийский любил называть Софию, будет стерта с лица земли. Организовались т. н. „оранжевые ядра", т.-е. боевые дружины Союза, которые по первому призыву должны были выступить с оружием в руках. Как только пришла весть о совершившемся перевороте, так сразу же во многих местностях страны наиболее решительные люди Союза об'явили „крестьянскую диктатуру", мобилизуя население, и выступили против городов.

Так против Плевен (губ. город в северной Болгарии) министр земледелия Обов, случайно находившийся в своем селе, мобилизовал население и с несколькими тысячами крестьян осадил город, предложив сдаться. Но начальник гарнизона, конечно, и не думал сдаваться. Он имел в своем распоряжении достаточно артиллерии и пулеметов и мобилизовал в помощь себе буржуазию. Вожди крестьян не решились атаковать город. Им не хватало смелости и оружия. Земледельческие министры забыли дать оружие своим грозным „оранжевым ядрам".

В то же самое время, внутри города, под руководством местной организации компартии восстали рабочие и заняли командные пункты города. Местная парторганизация была одной из самых старейших и сильных организаций БКП, пользовавшаяся огромным влиянием над рабочими. В самом же городе Плевнах полтора года назад городской совет был в руках КП.

Офицеры и буржуазия потеряли голову, положение их было критическое. Но вдруг неожиданно явилось спасение. Премьер-министр Цанков, уведомленный о происходящем, вызвал к себе секретаря ЦК БКП и попросил его уладить волнения плевенских коммунистов,— „не потому что власть не может справиться, а потому, что не хотим проливать излишнюю кровь". И секретарь ЦК Луканов не поколебался опозорить себя и партию. Он послал от имени ЦК телеграмму, в которой приказывал плевенской организации сложить оружие и не вмешиваться в борьбу. И она сложила оружие. При существующей беспрекословной дисциплине в БКП у Плевенского комитета не хватило смелости не исполнить это бессмысленное приказание, и рабочие вернулись по домам. Спустя некоторое время, буржуазия отблагодарила за это:—десятки рабочих были брошены в тюрьму, а вожди восстания были убиты.

После отступления коммунистов, отступили и крестьяне, осаждавшие город.

Значительный отпор дал Стамболийский. Он успел отбить посланный Цанковым для его ареста отряд. Находясь в это время на своей даче около своей родной деревни Славовицы (Пловдивский округ),

он мобилизовал население окружающих деревень и, имея в своем распоряжении один броневик и пулеметы, упорно сражался 3—4 дня с войсками правительства и македонскими партизанскими отрядами, но был разбит. При бегстве, он был захвачен, зверски растерзан и убит.

С большой силой поднимаются крестьяне в Карловском и Казанлыкском уездах под предводительством коммунистического депутата П. Дворьянова, крестьянина. Но и здесь, когда повстанцы направились к окружному городу Филиппополю, приехал на автомобиле представитель окружного комитета партии с офицерами и предложил разойтись. И крестьяне разошлись. И здесь буржуазия „сдержала" свое слово. Вопреки обещанию не искать виновников, было арестовано много крестьян. Над Дворьяновым варварски издевались.

Надо еще отметить Килифаровское восстание в Тирновском округе. Коммунист депутат Сарайлиев, запасный капитан, организовал значительный отряд из коммунистов, земледельцев и анархистов и выступил на гор. Тирново. Отряд не был поддержан окружающими деревнями и городами и, после ряда сражений и потерь в боях, распался.

Помимо этого еще в целом ряде мест выступали крестьяне. Так, например, г. Шумла был осажден несколькими тысячами крестьян, а в Врачанском и Видинском округах восставали отдельные деревни, но военные власти быстро с ними справлялись.

Так массы встретили новое правительство.

* * *

Переворот был совершен вновь образовавшейся после войны партией „Народный сговор", которая абсолютно не имела никакого влияния в массах. Цанковское правительство вышло из этой партии. Оно не имело ни одного политически известного человека, кроме Казасова, одного из вождей болгарских меньшевиков. Но „Народный сговор" был только ширмой, которой прикрывались действительные силы, совершившие переворот: дворец и офицерство, подкрепленные автономистами [1]), врангелевцами и великобританской дипломатией.

После войны и отречения Фердинанда, дворец перестал быть главным фактором в политической жизни Болгарии. Царь Борис III или „Царчето" [2]), как обыкновенно называли его в Болгарии, был достаточно хитер и разыгрывал роль маленького английского монарха. Он еще не решался ополчиться против Стамболийского, который фамильярничал: „ты, хлопец, царствуй, но в управление не вмешивайся". В его памяти было еще свежо воспоминание о Радомире и Владае и он опасался за свою царственную голову. Буржуазия страшно негодовала на его „соглашательство". Даже „широкие социалисты"

---

1) О ганизация македонских национальных революционеров.

2) „Царчето", уменшительно от царь.

доказывали его права, как конституционного монарха, и требовали свержения „зеленого большевика". Но когда республиканское настроение в Земледельческом Союзе усилилось и появилась опасность, что Стамболийский может об'явить республику, царь решился действовать. Вместе с офицерством, он явился главным организатором и совершителем переворота. Говорят даже, что он накануне девятого днем был у Стамболийского, который на своей даче писал проект новой конституции, с целью замаскировать перед Стамболийским готовящийся переворот и, использовав момент, собственноручно испортил его радио.

Болгарское офицерство, запасное и кадровое, также было недовольно Земледельческим правительством. После поражения Болгарии в мировой войне, разбухший болгарский милитаризм был уничтожен. Огромное количество офицеров и унтер-офицеров было выброшено на улицу, а оставшиеся на службе чувствовали себя обиженными. Их часто сменяли, увольняли и пр. Как первые, так и вторые ненавидели З. Союз, считая его виновником „Доброго поля" и „Радомира". Непригодные ни к какой работе, они искали приюта у власти, лелея воспоминания о своем прошлом величии. Земледельческое правительство не оказалось покровителем и кормильцем для них и они восстали против него.

„Народный сговор" имел поддержку в Македонской национально-революционной организации т. н. „автономистов". Она ополчилась против Стамболийского особенно решительно после того, когда им был заключен с Югославией т. н. „Нишский договор", который предусматривал свободный переход болгарской границы сербскими войсками для преследования македонских революционных партизанских отрядов на болгарской территории. Это был вопрос жизни и смерти македонской автономистской организации, и она восстала против Зем. правительства. Ее партизанские отряды, насчитывавшие 6—8 тысяч, хорошо вооруженные, оказали большую помощь заговорщикам.

Врангелевцы насчитывали в Болгарии около 25—30 тысяч, значительная часть которых могла быть использована буржуазией.

И, наконец, устроители переворота имели гарантированную поддержку английской дипломатии, а также благосклонную поддержку Италии. Англия, вытесняемая Францией на Балканах, охотно согласилась поддержать переворот болгарской буржуазии, чтобы укрепить свое влияние. Она обещала взять новое правительство под дипломатическую защиту и оказать давление на соседние с Болгарией страны. Ясно, что без поддержки английской, а также и итальянской дипломатии, болгарская буржуазия и Борис III не решились бы на переворот.

Вот те реальные силы, которые создали 9 июня и Цанковский режим.

Нельзя недооценивать политические способности болгарской буржуазии. Ничтожная численно, потерявшая всякий кредит в гуще народных масс, имеющая против себя стоящий у власти Зем. Союз и сильную коммунистическую партию, болгарская буржуазия проявила замечательную стратегию и тактику. Она не поколебалась переменить свои прежние политические лозунги, которые стали ненавистны народу. Трансформируясь двадцать четыре раза в сутки и преодолевая внутренние противоречия, она создала т. н. „Конституционный блок партии порядка и закона", который имел поддержку от „широких социалистов" до „Радославовской партии". Это был единый фронт буржуазии. Она выступала сплоченной против Зем. правительства и КП, имея достаточно ума, чтобы натравливать Стамболийского против КП, поддерживая каждое насильническое мероприятие в этом направлении. Огромная пресса ее вела широкую кампанию как против „зеленого большевика", так и против „московских агентов", подготовляя общественное мнение к свержению Стамболийского. Она прекрасно понимала, что свергнуть Зем. правительство, при наличии сильной КП не легко. И она поэтому стремилась выиграть на конфликте этих двух сил, и она не ошиблась. КП недостаточно оценила роль Зем. Союза в общественной борьбе страны и ее отношение к нему было ошибочным.

Стамболийский со свойственной ему мнительностью, вопреки своему крестьянскому практицизму, совершил фатальную ошибку. После Тирновской комедии и референдума, он думал, что буржуазия больше не поднимется на ноги и, чтобы стать полным господином положения, он решил расправиться с КП. После мартовских выборов 1923 г., в которых он получил, благодаря изменению избирательного права, большинство мест в парламенте, и под давлением внешних сил, он решился дать сигнал на борьбу с КП. А с другой стороны, компартия выступила против правительства Земледельческого Союза.

„После законодательных выборов весной 1923 г., на которых буржуазные партии получили едва 2 десятка депутатских мест, руководители КП так сильно поддались влиянию избирательной победы Стамболийского, что сочли опасность буржуазного переворота на данное время устраненной и направили все свои усилия в сторону борьбы против правительства Стамболийского, считая его окончательно превратившимся в правительство сельской буржуазии" [1]).

Эти слова лучше всего иллюстрируют положение дел.

Благоприятный момент для буржуазии настал. И она решила не терять времени. Началась лихорадочная подготовка. Удар был намечен летом, когда основная масса крестьянства была занята своими полевыми работами.

1) Из статьи Г. Димитрова.

Намеченный план буржуазии был прост и ясен.

Главный удар она решила нанести в Софии, с занятием которой предполагала, что все закончится. Благодаря тому, что все высшие командные посты были заняты ее ставленниками, буржуазии удалось вывести из Софии верные правительству войска, которые были посланы против македонских партизан, начавших якобы демонстративные действия против Зем. правительства на южной границе. К часу ночи девятого июня офицеры-заговорщики поднимают по тревоге части и под предлогом усиления полицейских участков на случай ожидаемого „волнения" захватывают их и обезоруживают жандармов. Сопротивления почти нигде не было оказано. Только казарма курсантов „оранжевой гвардии" Земледельческого Союза оказала сопротивление, но посланные сюда юнкера после 1—2-часовой перестрелки заняли ее. Утром 9-го был издан высочайший указ об „отставке" правительства Стамболийского и „назначении" нового кабинета.

* * *

Разберем теперь позицию, которую заняла БКП в этот момент. БКП, когда происходила девятого июня борьба между буржуазией и Земледельческим Союзом крестьян, решила быть „нейтральной". Этот пресловутый „нейтралитет" был осужден Коминтерном как фатальная ошибка. Эта ошибка была также признана и болгарской партией:

„Девято-июньская тактика БКП является такой ошибкой, размеры и важность которой могут быть оценены вполне только теперь, когда уже закончился период, открытый белогвардейским переворотом". (Из резолюции ЦК 1925 г.).

Болгарская Коммунистическая Партия, наследница „тесняков", является одной из старейших и сильнейших секций Коминтерна. За свое 30-летнее существование она выковала старых, испытанных, марксистски образованных вождей и всегда в интернациональном социал-демократическом движении стояла на левом фланге. Она родилась вместе с зарождением пролетариата в Болгарии, пустила глубокие корни в нем, а после войны охватила своим влиянием не только пролетариат, но и все трудящееся население и превратилась в одну из первых политических сил страны. Она насчитывала до переворота 40 тыс. человек и получила одну четверть (51) депутатов в парламенте. По своему социальному составу в ней преобладали рабочие и крестьяне, но надо отметить, что руководство в большинстве находилось в руках интеллигенции, которая в партии составляла довольно значительный слой, что и было отмечено Коминтерном, как ее слабость. Она вела блестящую агитационно-пропагандистскую работу, которая может сравниться с работой германской социал-демократии в ее лучшие времена. Она очистилась от меньшевистских разновидностей давным давно (1903 г., 1906 г. и 1908 г.) и недопускала проникнове-

ния оппортунизма в свои ряды. И теперь кажется странным, как могла эта испытанная, сильная коммунистическая партия совершить такую роковую ошибку.

До окончания мировой войны, в болгарской партии не появлялось мысли, что она может играть роль авангарда революции на Балканах и в средней Европе. В ничтожной, мелкобуржуазной стране, когда перед болгарским пролетариатом, довольно малочисленным, совсем не стоял вопрос о революции, подобная мысль была бы поистине парадоксальна. Для каждого тесняка — члена революционной социал-демократической рабочей партии — было догмой положение, что болгарская пролетарская партия в социальной революции никогда не будет стоять на первом месте; напротив, она будет итти за социал-демократическими партиями крупных государств. Октябрьская революция российского пролетариата, революционная эпоха, наступившая после мировой войны, создали среди болгарских товарищей то убеждение, что на плечи БКП история может возложить великую задачу быть авангардом революции на Балканах и в средней Европе. Надо признать, что это положение принималось всей партией, но преимущественно в теории. Оно не вошло в плоть и кровь партийной деятельности. БКП не подготовилась сериозно и не перевоспиталась достаточно, чтобы выполнить эту историческую задачу.

Тактика единого фронта также не нашла правильного решения, оставшись агитационным лозунгом и не будучи применена в действительности.

В резолюции по этим вопросам (1922 г.) говорится, что БКП в настоящий момент не с кем осуществить единый фронт. О „широких социалистах" (меньшевиках) не может быть и слова: предатели — и точка. А между тем, хотя они и были ничтожной группой, они все-таки имели значительное влияние среди железнодорожников, почтово-телеграфных служащих, учителей и государственных служащих, а в революции, как нам известно, железнодорожники и почтово-телеграфные служащие играют огромную роль. С другой стороны, было бы политически очень выгодно внести в лагерь об'единяющейся буржуазии смущение, оторвав, или по крайней мере нейтрализовав „широких социалистов".

„Не было бы ошибкой с ее стороны (со стороны КП), если бы она сделала это до переворота (т.-е. предложила единый фронт широким социалистам)", — так пишет в одном месте тов. Коларов.

Также не было установлено связи с организацией кустарей, которая об'единяла большинство кустарей в стране и на которую очень большое внимание обращало правительство и буржуазия.

По отношению к Земледельческому Союзу, КП приняла также неправильное решение. Единый фронт с Зем. Союзом вообще отвергался, но допускался единый фронт снизу, с левым крылом Зем. Союза, ко-

торое находилось в периоде оформления (и которое до девятого июня так и не оформилось).

И в резолюции партийного Совета в январе 1923 г. о „рабоче-крестьянском правительстве“ также отвергается всякая коалиция с Земельческими Союзом, а батраки и маломощные крестьяне призываются порвать с Союзом и итти совместно с КП на борьбу за известные требования.

Де-факто эта линия означала — никакого единого фронта.

Это неправильное разрешение вопроса о едином фронте произошло из-за неправильной оценки классовой природы Зем. Союза и его роли в социальной жизни страны. „Идея и возможность осуществления единого фронта или коалиции между КП и Зем. Союзом совершенно исключены, потому что невозможен единый фронт и невозможна коалиция между компартией и сельской буржуазией, которая господствует в Зем. Союзе и проводит свои интересы и политику через Зем. правительство“ (Хр. Кабакчиев — „Тактика единого фронта в Болгарии“). Зем. Союз со всеми буржуазными партиями считали „одного поля ягодой“, как фигурально выражались болгарские товарищи, и смотрели на него, как на разложившийся труп (из конгресса КП 1922 г.), когда в действительности его корни в крестьянстве были гораздо глубже. Работа велась с ориентировкою на батрака и маломощного, а середняк фактически смешивался с кулаком: „С многочисленною и влиятельною в Зем. Союзе, недавно разбогатевшей буржуазией, состоявшей из средних крестьян-собственников, образовавших крыло Стамболийского, КП вела и будет вести борьбу“.

Некоторые товарищи ищут оправдания в том, что тактика единого фронта была формулирована только в 1922 году на расширенном пленуме ИККИ в феврале и окончательно разработана на IV конгрессе КП. Но это формальное оправдание. Тактика единого фронта существовала и ранее, хотя и не под этим названием. Образцом в этом отношении являлась тактика ВКП (б).

Третьей ошибкой была политика в македонском вопросе. БКП не заняла ясной позиции и в этом вопросе. Конечно, она заявляла о своей поддержке каждому национально-революционному движению. Она стояла за освобождение македонцев от ига Югославии, Греции и Болгарии. Но она заявляла, что освобождение Македонии осуществится только тогда, когда на Балканах произойдет революция и установится Балканская Федеративная Советская Республика, и по отношению к борьбе македонской автономистической организации под лозунгом „автономная независимая единая Македония“ заняла неопределенную позицию. Македонский вопрос вообще не занимал места в тактике партии. Например, в своей статье „Инпрекор“ за два месяца до переворота, тов. Кабакчиев, секретарь ЦК, говоря о „положении в Болгарии и тактике КП“ совершенно не упомянул о македонском вопросе.

Со своей неясной позицией по македонскому вопросу, неопределенной по отношению к македонской автономистической организации, БКП очутилась перед таким положением, что Македонская организация попала окончательно под влияние буржуазии. „Она (БКП) также своевременно не заняла ясной и определенной позиции в македонском вопросе — в деле защиты единой независимой Македонии и допустила, чтобы македонская автономистическая организация попала в руки буржуазии и превратилась в ее орудие для совершения переворота" — (из речи Г. Димитрова). При правильной тактике КП, македонская национально-революционная организация могла бы быть оторвана от буржуазии и привлечена на сторону революционного движения. Благоприятные условия после войны и погрома националистической политики буржуазии для этого имелись. Так, например, в 1920 г. члены МВРО[1]) поголовно голосовали за коммунистическую партию Югославии, которая и получила большинство голосов в Македонии. Но болгарскими товарищами этот момент был упущен, в виду неправильной тактики. Позднее БКП также не выступила активно на защиту македонского революционного движения и не призвала Балканскую Коммунистическую Федерацию к этому, когда Стамболийским был заключен „Нишский договор", который касался жизни и смерти ВМРО. С этого момента окончательно БКП выпустила из своих рук ВМРО, которая, ища спасения, бросилась в об'ятия буржуазии и была использована последней для переворота.

Четвертая ошибка — БКП оказалась технически неподготовленной к вооруженному восстанию. Там, где восставали крестьяне под руководством коммунистов, мы не видели боевой вооруженной организации; восставали стихийно, без плана и почти без оружия. Это проявилось и в гор. Плевны.

Не велось должной работы и среди армии. Правда, издавалась легальная военная коммунистическая газета и проводилась известная работа в казармах, но все это по сравнению с тем, что проделала наша русская партия, при гораздо труднейших условиях, было недостаточно. Мы не видели ни одной воинской части, которая бы выступила на сторону восставших девятого июня. Без сомнения, партия при том колоссальном влиянии, которое она имела в стране, имела также не мало сочувствующих и в наемной болгарской армии, состоящей в большинстве из бедняков крестьян и рабочих. Но одно дело сочувствие, а другое дело организация.

Пятая ошибка — недооценка 9 июня, как поворотного исторического момента, и неподготовленность партии к нему.

Руководство партии не оценило вполне значение и глубину буржуазного переворота, который императивно ставил перед партией вопрос о действии. Оно удовлетворилось формальным призывом к само-

[1]) Македонская внутренняя революционная организация.

стоятельной борьбе партии как против городской, так и против сельской буржуазии, если последние, борясь за власть, вызовут гражданскую войну. Точно так же, руководство партии недооценило и после девятого июня перспектив удара буржуазии по КП (12/IX—23 г.), который при напряженной революционной ситуации в Болгарии после девятого июня мог вызвать восстание, как это и случилось. Большинство ЦК в этом случае решило ограничиться только 24-часовой генеральной забастовкой.

А разве генеральная забастовка не могла превратиться в восстание? Почему это не учитывалось и не было подготовлено?

Вот те главные моменты, которые нужно искать в об'яснение девято-июньского поражения КП.

Нам остается отметить еще несколько характерных сторон.

В тот же день девятого июня ЦК выпустил воззвание, в котором констатируется, что в стране нет гражданской войны, а просто произошло столкновение между городской и сельской буржуазными группировками и что партия будет нейтральна в этой борьбе.

Все содержание этого воззвания говорит о смутном понимании вопроса гражданской войны и вооруженного восстания. Революционная партия не может остаться нейтральной во время социальных и классовых битв.

Массовое восстание болгарских крестьян и рабочих опровергнуло на следующий же день это поистине странное утверждение, высказанное в самый день переворота, что в стране нет гражданской войны.

Не особенно внимательно отнеслось руководство к вопросам о внедрении революционных навыков пролетариату и крестьянству, и без того бедных революционными традициями. Мы уже отметили некоторый парламентарный перегиб в деятельности БКП. Ее избирательные кампании были блестящими, а коммунистические депутаты использовали широко и шумно трибуну парламента. Но недостаточно было сделано в смысле воспитания и привития революционных навыков коммунистам и сочувствующим, рабочему классу и крестьянству. Мы не можем найти правильным со стороны болгарских товарищей восхваление „героизма в несопротивлении с оружием в руках врагу". „Не поддавайся провокации" — был обычный призыв ораторов. Вооруженная самооборона практиковалась довольно робко. Сначала даже против хулиганских и фашистских нападений, как, напр., поджог „Народного дома" партии и синдикального союза в Софии, не было употреблено оружия, и только потом партия начала призывать к самообороне, к оказанию вооруженного сопротивления. При отсутствии у болгарского пролетариата в прошлом вооруженной борьбы линия на „несопротивление оружием" была ошибкой.

Итак, болгарской буржуазии легко досталась власть девятого июня. Этот момент является важным историческим пунктом после войны...

Буржуазия снова берет кормило государства в свои руки. Она твердо хочет закрепить свое расшатанное господство и выйти из экономического кризиса, вновь переложить всю тяжесть последствий войны на спину трудового народа. И открывается тот режим, который называется „цанковским“, — самый кровавый, бесчестный, тиранический.

Девятого июня массы решительно восстали, они поднялись не столько в защиту Земледельческого правительства, сколько против буржуазии. Но они не имели вождей и были разбиты. Земледельческий Союз по своей мелкобуржуазной природе не мог быть вождем революционных масс. Мы наблюдаем нерешительность, неопытность вождей этого Союза в дни „девятого июня“. Они не использовали оставшегося полицейского и военского аппарата на борьбу против фашистов, они больше удовлетворялись ведением переговоров и предъявлением ультиматумов вместо решительных действий, они не использовали ни одной ночи, чтобы ворваться в города.

Коммунистическая партия Болгарии — авангард рабочего класса и трудящихся, которая была призвана вести массы к революции, отказалась от своей исторической миссии, не поняв, что исторический час пробил.

Нет сомнения, что главная ответственность за цанковский режим ложится на Земледельческое правительство. Оно было у власти и распоряжалось государственным аппаратом. Оно знало, что подготовляется переворот, но не сумело предотвратить его. Против рабочего класса и сознательного крестьянства, против КП оно вело террористическую кампанию и жестоко преследовало всякую попытку вооружения масс. Но никто не может снять ответственность и с КП.

„Мы не имеем права быть глупцами, потому что другие неразумны“, писал Маркс.

22-е сентября.

Торжествуя победу, устроители переворота не почили на своих лаврах. Под гул громких деклараций о „демократии, законности и порядке“, молебнов, шествий, банкетов ведется лихорадочная подготовка: реорганизуется армия, увольняются ненадежные офицеры, увеличивается кадр, сменяется весь административный аппарат, подтягиваются к столице врангелевцы и македонские партизаны, организуются фашистские ядра.

Положение страны было тревожное.

Цанковское правительство имело все основания опасаться. Переворот вызвал изменение в соотношении борющихся сил и оставил открытой дверь гражданской войне.

Буржуазия пришла опять к власти. Легкая победа возвращает ей решительность и уверенность. Она горит желанием возвратить все то, что она имела раньше, стремясь сокрушить все препятствия на своем

пути и прежде всего уничтожить своего заклятого врага—КП. Цанковское правительство имеет поддержку всех буржуазных и мелкобуржуазных партий, вплоть до широких социалистов (меньшевиков). Устроители переворота имели достаточно ума, чтобы надеть на свое фашистское лицо „демократическую" маску. В коалиционный кабинет был введен, между прочим, и меньшевик на должность министра путей сообщения. Своей программой они об'явили программу радикальной партии [1]). Они надеялись найти в мире еще глупцов.

Правительство не скупилось на обещания. Были обнадежены кустари и ремесленники на предмет получения кредита и льгот, государственным служащим и учителям было обещано улучшение материального и правового положения и т. д. Эти обещания, при всей своей наглости, имели некоторый успех — часть служащих, интеллигенции, кустарей попали на эту удочку. Надо отметить здесь, что часть железнодорожников и телеграфно-почтовых служащих, находящихся под влиянием меньшевиков, видя, что в кабинете сидит меньшевик, и под близким впечатлением прежнего террора Стамболийского, также поддалась демократическим иллюзиям.

В резкой оппозиции новому правительству находились КП и Земледельческий Союз, выражавшие настроение рабочего класса и крестьян.

Руководство Земледельческого Союза было разгромлено. Его вожди были частью убиты, частью заключены. Под напором своих членов, требовавших борьбы с новым правительством, потеряв своих вождей, сохраняя желание возвратить утерянную власть, перед перспективой быть уничтоженным,—Союзу оставалась только одна возможность борьбы и одно спасение — бороться рука об руку с КП и низвергнуть Цанкова. „Надежда теперь только на коммунистов",—заявил один из б. министров Земледельческого правительства, заключенный в тюрьму. 9 июня было для них жестоким уроком. Они поняли, что поражение является следствием ошибочной линии по отношению к рабочему классу.

КП была главным и самым опасным врагом нового правительства. Ее силы были сохранены, девято-июньский кризис изживался, и она взяла курс на вооруженное восстание. Ее влияние еще более усиливалось. Единый фронт с Земледельческим Союзом реализировался. К ней были обращены все надежды трудового народа. Рабочий класс и крестьянство в своем огромном большинстве открыто выражали свое недовольство новым правительством. Они прекрасно видели под бело-розовой мантией лоскутья старых партий. Они предугадали, что ничего хорошего, им новая власть дать не может; последует лишь увеличение экономического и политического рабства.

[1]) Ничтожная категория мелкобуржуазных интеллигентов с очень демократичной программой.

Поход против Земледельческого Союза, репрессии в деревнях, начавшееся наступление капиталистов-предпринимателей на рабочих, сгон крестьян с земли, которую они получили по закону „о трудовой поземельной собственности", ожесточенный вой против КП, исключительный по притеснениям режим—все это являлось достаточными признаками. Среди рабочих замечается беспокойство. Затишье, имевшееся в городах в 1922 и в начале 1923 года, теперь начинает сменяться заметным брожением. Но оно все еще далеко отстает от послевоенного периода.

Напряжение в деревне гораздо выше, чем в городе. Политический момент совпадает с сельско-хозяйственным кризисом в связи со сбытом хлеба. Следующая картина хорошо иллюстрирует настроение крестьян:

„28 августа крестьяне нескольких уездов собрались по случаю традиционного праздника в Лопушанском монастыре. На груди почти всех были приколоты коммунистические значки. Молодежь распределяла коммунистическую литературу. Пели революционные песни, оркестры играли „Интернационал".

На этот традиционный с'езд приехал министр-председатель Цанков митинговать, но многотысячная масса встретила его шумом и криком и демонстративно ушла с собрания, говоря: „нечего нам слушать кожедерюв". (Из заметки селькора „Рабочей газеты").

Итак, переворот поставил друг против друга Цанковское правительство, опирающееся на буржуазию, и городских мещан, военные клики македонских и врангелевских наемников, с одной стороны, и Компартию при поддержке Земледельческого Союза и всего трудящегося населения—с другой.

* * *

Все более разростающееся недовольство народных масс, решительный поворот в политике КП, осуществление единого фронта с Земледельческим Союзом—все это толкнуло Цанковское правительство на роковой шаг—совершить нападение на КП. Цанков и К° ясно отдавали себе отчет, насколько серьезен этот шаг, но они также понимали, что могущественная коалиция двух партий трудящихся масс может низвергнуть правительство.

Колебание не было продолжительным. Военные взяли верх над теми, которые предпочитали осторожность и отсрочку. Они были люди действия: „лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас".

Поход открывают газеты „Мир" и так называемый „Сеяч" (сеятель), который занял позу Катона и, подобно попугаю, повторял: „надо покончить с коммунизмом".

„С коммунизмом в Болгарии надо покончить теперь, в настоящий момент, когда он переживает кризис, когда он без оружия, когда он еще только готовится совершить преступление. Не использовать настоящий удобный момент—значит совершить непростительную ошибку, для исправления которой потребуются большие жертвы" (газета „Мир" 7.IX—1923 г.).

И вслед за ним в один голос воет вся капиталистическая пресса: „распни его, распни его!“ Не отстают и меньшевики:

> „Кто желает бороться за власть и теперешнюю систему, чтобы победить, тот должен ограничить свободу выборов, иначе соглашение БКП с Земледельческим Союзом низвергнет нынешнее правительство“ (газета „Эпоха“ 10.IX—1923 г.).

Подлецы! И они кричали и кричат против диктатуры большевиков. Они не нашли ни одного слова протестовать против репрессий нового правительства, против избиения членов Земледельческого Союза, против массовых арестов коммунистов, против конфискации коммунистической и профсоюзной прессы, против избиения Габровского и других старейших деятелей рабочего движения, против хулиганских банд, посылаемых в города и деревни правительством, против беззаконий, против несоблюдения конституции и т. д. Нет, они не протестуют. Они считают правительство демократическим. Там ведь сидит их министр!

Удар на БКП правительство намечает на 12 сентября. Предлог легко выдумывается:

> По сведениям правительства, коммунистические вожди готовятся сделать первую попытку захватить власть вооруженной силой 17 сентября.
>
> Вот почему сегодня, 12 сентября, в 6 часов утра, правительство арестовало всех коммунистических вождей...
>
> Правительство предупреждает, что всякая малейшая попытка нарушить порядок будет жестоко подавлена во имя безопасности отечества. (Из заявления министра внутренних дел 12.IX 1923 г.).

Так подготовилась эта мерзкая провокация.

12 сентября были арестованы повсеместно руководители КП; закрыты, после произведенных обысков, все партийные и профессиональные клубы, произведен обыск в магазинах кооператива „Освобождение“ [1]), закрыты все типографии партии и т. д. В Софии было арестовано более 300 деятелей КП, среди них члены ЦК тт. Кабакчиев, Пенев и др., а вождь и основатель партии т. Благоев больной был арестован домашним арестом. Был захвачен и главный руководитель военной организации. В провинции во всех городах и деревнях были арестованы сотни лучших руководителей партии. Общее число арестованных достигало нескольких тысяч.

Удар для партии был тяжелый—весь партийный и военный аппарат был расстроен. В ответ на этот удар партия и массы активно реагировали. В Софии перед народным домом 13 сентября собралась с протестом огромная толпа, которую полиция с трудом разогнала. На 15/IX об'является однодневная забастовка. Рабочие собрались на рыночной площади. Полиция атакует их с нагайками и обнаженными шашками, но каждый раз рабочие отбивают ее атаку. В перестрелке был убит один из наиболее освирепевших полицейских начальников Константинов.

[1]) Кооператив „Освобождение“ основан КП; самый мощный в Болгарии, имел 70.000 членов.

Правительство об'являет осадное положение. Производятся дополнительные массовые аресты.

В провинции происходят также столкновения. Большое количество крестьян и рабочих убегает в леса. В других местах обезоруживаются посланные войсковые и полицейские отряды.

Для всех становится ясным, что правительство решило уничтожить КП, ее сторонников и сторонников Земледельческого Союза. И больше ничего не остается делать, как выйти с оружием в руках против варварского нападения власти.

Картина восстания примерно такова.

13 сентября восстают деревни Моглыш, Казанлишского уезда, дер. Леснчево, Церово, Татар — Пазарджийского уезда, дер. Бобошево, Дупнишского уезда. К 14 сентября восстание охватывает деревни в уездах: Ново-Загорский, Черпанский, Тирновский. 16—17 сентября восстает полностью Старо-Загорский округ. Повстанцы занимают город Новые-Загоры. 18—19—20 волна восстания заливает уезды Пазарджийский, Ихтыманский, Самоковский, Варненский, Тырновский, Шуменский, Руссенский, Бургасский и др. 21—22—23 восстают Врачанский и Виденский округа; повстанцы занимают города: Фердинанд, Берковица, Орехово, Лом. Устанавливаются революционные комитеты и рабоче-крестьянская власть.

Почти вся страна втянута в борьбу. Положение правительства критическое. Его войска во Врачанском округе терпят поражения. Сформировавшиеся революционные полки наступают к окружному городу Вратца и через Петроханский горный проход двигаются к Софии. 26—27—28 происходят решительные бои. Правительство уже успело к этому времени справиться с недостаточно организованным выступлением в южной Болгарии и перебросить все свои резервы на Врачанское направление.

После упорных боев повстанцы были разбиты.

29—30 сентября восстание фактически закончилось. Разбитые повстанцы разбрелись по горам: одна часть была захвачена правительственными войсками, другая часть перешла границу Юго-Славии, Греции и Румынии.

Историки с отвращением пишут о жестокостях Альбы и Галлифе. Но то, что совершилось в маленькой Болгарии в век „цивилизации", действительно чудовищно.

Неделями продолжается усмирение. Карательные отряды кружат по всей стране, всюду наводя ужас и оставляя пустыню.

Вот, например: „Карательный отряд занимает второй раз деревню Медковец. Собирают все население на площадь. Отделяют в сторону мужчин от 20 до 40 лет и на глазах всего населения расстреливают. Командир отряда приказывает музыке играть танец и под страхом смерти принуждает несчастных жен, стариков, детей плясать над тру-

И вслед за ним в один голос воет вся капиталистическая пресса: „распни его, распни его!“ Не отстают и меньшевики:

„Кто желает бороться за власть и теперешнюю систему, чтобы победить, тот должен ограничить свободу выборов, иначе соглашение БКП с Земледельческим Союзом низвергнет нынешнее правительство“ (газета „Эпоха“ 10.IX—1923 г.).

Подлецы! И они кричали и кричат против диктатуры большевиков. Они не нашли ни одного слова протестовать против репрессий нового правительства, против избиения членов Земледельческого Союза, против массовых арестов коммунистов, против конфискации коммунистической и профсоюзной прессы, против избиения Габровского и других старейших деятелей рабочего движения, против хулиганских банд, посылаемых в города и деревни правительством, против беззаконий, против несоблюдения конституции и т. д. Нет, они не протестуют. Они считают правительство демократическим. Там ведь сидит их министр!

Удар на БКП правительство намечает на 12 сентября. Предлог легко выдумывается:

По сведениям правительства, коммунистические вожди готовятся сделать первую попытку захватить власть вооруженной силой 17 сентября.

Вот почему сегодня, 12 сентября, в 6 часов утра, правительство арестовало всех коммунистических вождей...

Правительство предупреждает, что всякая малейшая попытка нарушить порядок будет жестоко подавлена во имя безопасности отечества. (Из заявления министра внутренних дел 12 IX 1923 г.).

Так подготовилась эта мерзкая провокация.

12 сентября были арестованы повсеместно руководители КП; закрыты, после произведенных обысков, все партийные и профессиональные клубы, произведен обыск в магазинах кооператива „Освобождение“ [1]), закрыты все типографии партии и т. д. В Софии было арестовано более 300 деятелей КП, среди них члены ЦК тт. Кабакчиев, Пенев и др., а вождь и основатель партии т. Благоев больной был арестован домашним арестом. Был захвачен и главный руководитель военной организации. В провинции во всех городах и деревнях были арестованы сотни лучших руководителей партии. Общее число арестованных достигало нескольких тысяч.

Удар для партии был тяжелый—весь партийный и военный аппарат был расстроен. В ответ на этот удар партия и массы активно реагировали. В Софии перед народным домом 13 сентября собралась с протестом огромная толпа, которую полиция с трудом разогнала. На 15/IX об'является однодневная забастовка. Рабочие собрались на рыночной площади. Полиция атакует их с нагайками и обнаженными шашками, но каждый раз рабочие отбивают ее атаку. В перестрелке был убит один из наиболее освирепевших полицейских начальников Константинов.

[1]) Кооператив „Освобождение“ основан КП; самый мощный в Болгарии, имел 70.000 членов.

Правительство об'являет осадное положение. Производятся дополнительные массовые аресты.

В провинции происходят также столкновения. Большое количество крестьян и рабочих убегает в леса. В других местах обезоруживаются посланные войсковые и полицейские отряды.

Для всех становится ясным, что правительство решило уничтожить КП, ее сторонников и сторонников Земледельческого Союза. И больше ничего не остается делать, как выйти с оружием в руках против варварского нападения власти.

Картина восстания примерно такова.

13 сентября восстают деревни Моглыш, Казанлыкского уезда, дер. Лесичево, Церово, Татар — Пазарджийского уезда, дер. Бобошево, Дупнишского уезда. К 14 сентября восстание охватывает деревни в уездах: Ново-Загорский, Черпанский, Тырновский. 16—17 сентября восстает полностью Старо-Загорский округ. Повстанцы занимают город Новые-Загоры. 18—19—20 волна восстания заливает уезды Пазарджийский, Ихтыманский, Самоковский, Варненский, Тырновский, Шуменский, Руссенский, Бургасский и др. 21—22—23 восстают Врачанский и Виденский округа; повстанцы занимают города: Фердинанд, Берковица, Орехово, Лом. Устанавливаются революционные комитеты и рабоче-крестьянская власть.

Почти вся страна втянута в борьбу. Положение правительства критическое. Его войска во Врачанском округе терпят поражения. Сформировавшиеся революционные полки наступают к окружному городу Вратца и через Петроханский горный проход двигаются к Софии. 26—27—28 происходят решительные бои. Правительство уже успело к этому времени справиться с недостаточно организованным выступлением в южной Болгарии и перебросить все свои резервы на Врачанское направление.

После упорных боев повстанцы были разбиты.

29—30 сентября восстание фактически закончилось. Разбитые повстанцы разбрелись по горам: одна часть была захвачена правительственными войсками, другая часть перешла границу Юго-Славии, Греции и Румынии.

Историки с отвращением пишут о жестокостях Альбы и Галлифе. Но то, что совершилось в маленькой Болгарии в век „цивилизации", действительно чудовищно.

Неделями продолжается усмирение. Карательные отряды кружат по всей стране, всюду наводя ужас и оставляя пустыню.

Вот, например: „Карательный отряд занимает второй раз деревню Медковец. Собирают все население на площадь. Отделяют в сторону мужчин от 20 до 40 лет и на глазах всего населения расстреливают. Командир отряда приказывает музыке играть танец и под страхом смерти принуждает несчастных жен, стариков, детей плясать над тру-

И вслед за ним в один голос воет вся капиталистическая пресса: „распни его, распни его!“ Не отстают и меньшевики:

„Кто желает бороться за власть и теперешнюю систему, чтобы победить, тот должен ограничить свободу выборов, иначе соглашение БКП с Земледельческим Союзом низвергнет нынешнее правительство“ (газета „Эпоха“ 10.IX—1923 г.).

Подлецы! И они кричали и кричат против диктатуры большевиков. Они не нашли ни одного слова протестовать против репрессий нового правительства, против избиения членов Земледельческого Союза, против массовых арестов коммунистов, против конфискации коммунистической и профсоюзной прессы, против избиения Габровского и других старейших деятелей рабочего движения, против хулиганских банд, посылаемых в города и деревни правительством, против беззаконий, против несоблюдения конституции и т. д. Нет, они не протестуют. Они считают правительство демократическим. Там ведь сидит их министр!

Удар на БКП правительство намечает на 12 сентября. Предлог легко выдумывается:

По сведениям правительства, коммунистические вожди готовятся сделать первую попытку захватить власть вооруженной силой 17 сентября.

Вот почему сегодня, 12 сентября, в 6 часов утра, правительство арестовало всех коммунистических вождей...

Правительство предупреждает, что всякая малейшая попытка нарушить порядок будет жестоко подавлена во имя безопасности отечества. (Из заявления министра внутренних дел 12.IX 1923 г.).

Так подготовилась эта мерзкая провокация.

12 сентября были арестованы повсеместно руководители КП; закрыты, после произведенных обысков, все партийные и профессиональные клубы, произведен обыск в магазинах кооператива „Освобождение“ [1]), закрыты все типографии партии и т. д. В Софии было арестовано более 300 деятелей КП, среди них члены ЦК тт. Кабакчиев, Пенев и др., а вождь и основатель партии т. Благоев больной был арестован домашним арестом. Был захвачен и главный руководитель военной организации. В провинции во всех городах и деревнях были арестованы сотни лучших руководителей партии. Общее число арестованных достигало нескольких тысяч.

Удар для партии был тяжелый—весь партийный и военный аппарат был расстроен. В ответ на этот удар партия и массы активно реагировали. В Софии перед народным домом 13 сентября собралась с протестом огромная толпа, которую полиция с трудом разогнала. На 15/IX об'является однодневная забастовка. Рабочие собрались на рыночной площади. Полиция атакует их с нагайками и обнаженными шашками, но каждый раз рабочие отбивают ее атаку. В перестрелке был убит один из наиболее освирепевших полицейских начальников Константинов.

[1]) Кооператив „Освобождение“ основан КП; самый мощный в Болгарии, имел 70.000 членов.

Правительство об'являет осадное положение. Производятся дополнительные массовые аресты.

В провинции происходят также столкновения. Большое количество крестьян и рабочих убегает в леса. В других местах обезоруживаются посланные войсковые и полицейские отряды.

Для всех становится ясным, что правительство решило уничтожить КП, ее сторонников и сторонников Земледельческого Союза. И больше ничего не остается делать, как выйти с оружием в руках против варварского нападения власти.

Картина восстания примерно такова.

13 сентября восстают деревни Моглыш, Казанлыкского уезда, дер. Лесичево, Церово, Татар — Пазарджийского уезда, дер. Бобошево, Дупнишского уезда. К 14 сентября восстание охватывает деревни в уездах: Ново-Загорский, Черпанский, Тирновский. 16—17 сентября восстает полностью Старо-Загорский округ. Повстанцы занимают город Новые-Загоры. 18—19—20 волна восстания заливает уезды Пазарджийский, Ихтыманский, Самоковский, Варненский, Тырновский, Шуменский, Руссенский, Бургасский и др. 21—22—23 восстают Врачанский и Виденский округа; повстанцы занимают города: Фердинанд, Берковица, Орехово, Лом. Устанавливаются революционные комитеты и рабоче-крестьянская власть.

Почти вся страна втянута в борьбу. Положение правительства критическое. Его войска во Врачанском округе терпят поражения. Сформировавшиеся революционные полки наступают к окружному городу Вратца и через Петроханский горный проход двигаются к Софии. 26—27—28 происходят решительные бои. Правительство уже успело к этому времени справиться с недостаточно организованным выступлением в южной Болгарии и перебросить все свои резервы на Врачанское направление.

После упорных боев повстанцы были разбиты.

29—30 сентября восстание фактически закончилось. Разбитые повстанцы разбрелись по горам: одна часть была захвачена правительственными войсками, другая часть перешла границу Юго-Славии, Греции и Румынии.

Историки с отвращением пишут о жестокостях Альбы и Галлифе. Но то, что совершилось в маленькой Болгарии в век „цивилизации", действительно чудовищно.

Неделями продолжается усмирение. Карательные отряды кружат по всей стране, всюду наводя ужас и оставляя пустыню.

Вот, например: „Карательный отряд занимает второй раз деревню Медковец. Собирают все население на площадь. Отделяют в сторону мужчин от 20 до 40 лет и на глазах всего населения расстреливают. Командир отряда приказывает музыке играть танец и под страхом смерти принуждает несчастных жен, стариков, детей плясать над тру-

пами своих отцов, мужей и сыновей. Озверевшая свора затем неистово начинает дебоширить и насиловать женщин".

Аресты не поддаются учету. Тюрьмы, подвалы, училища, баржи, госпитали, отели—все переполнено. Связанные, избитые арестованные бросаются в кучу друг на друга, без воды, без хлеба, без света. И тут же пьяные офицеры, буржуазные сынки, шпикц гуляют и устраивают себе забавы, избивая и стреляя в арестованных. Каждую ночь выводят пачками коммунистов и членов З. С. и расстреливают. Зверства буржуазии не поддаются описанию. Убийств в эти дни было так много и совершались они с такой жестокостью, что некоторые офицеры от кошмарного ужаса пролитой крови сходили с ума.

Буржуазия мстила за тот великий страх, который она пережила в сентябрьские дни.

Четырнадцать дней она трепетала за свое господство, четырнадцать дней развевались красные знамена, четырнадцать дней рабочие и крестьяне с оружием в руках декларировали свою твердую волю к завоеванию свободы. И теперь свирепая капиталистическая свора набросилась на поваленный народ, который в завоеванных областях совершил только одно преступление: был великодушным.

Мерзкая буржуазия! Она дала хороший классовый урок пролетариату и крестьянству. И когда исторический час снова пробьет, она не найдет на земле места.

* * *

В нашу задачу не входит описание всей истории восстания, для этого потребовалась бы целая книга. Вероятно, в близком будущем будут такие книги. Здесь мы остановимся на некоторых моментах, которые характерны для действий повстанцев и правительства.

София. В распоряжении правительства: Софийская пех. дружина, тырновская пех. дружина, 1 и 2 жандармские дружины, лейб-гвардейский полк, 1-й конно-жандармский полк, военная и жандармская школы, 4-й смешанный арт. дивизион и др. части крепостной артиллерии, 1 инж. дружина, 1 и 2 самокатные дружины, несколько самолетов и пр. Кроме этого — значительные полицейские силы и фашисты. В общем силы правительства, вместе с фашистами, Врангелевскими и македонскими отрядами, можно считать не меньше 8.000.

Коммунистическая партия может противопоставить до 1.000 бойцов, из которых 400 вооружены винтовками, остальные разного рода револьверами; было также и несколько пулеметов. Кроме этого, как на первый свой резерв она рассчитывала не только на тысячную партийную организацию и на комсомольскую организацию, но и на десятитысячную профессиональную организацию, стоящую за КП.

Помимо этого, к Софии могли быть подтянуты Перништские углекопы, а также и другие организации Софийского округа и др. горо-

дов. Руководство КП могло рассчитывать и на силы ЗС, значительные в Софийском округе.

После арестов 12 сентября большая часть партийных работников и руководители военной организации, как мы уже указали, попали в руки правительственной власти. Таким образом, аппарат был значительно расстроен. Делаются усилия реорганизовать его, но по недостатку времени достигнуть существенных результатов было трудно.

В это время правительство действует решительно. Его агенты — всюду. На 20—21 сентября производятся массовые аресты, захватывается более тысячи рабочих. Это вносит еще большую дезорганизацию. Попадают в тюрьмы еще некоторые из неарестованных до сих пор руководителей КП. Оставшееся руководство принуждено постоянно укрываться от преследований и под впечатлением нового удара партия теряется. „Когда пригласили одного из офицеров взять командование в Софии, он отказался, потому что на вопрос, заданный им Ревкому, где и какие боевые силы партии в Софии, Ревком не мог указать ему ничего определенного". (Из речи софийского тов. на партконференции 1924 г.).

При организации командования в Софии, Ревком натолкнулся даже на одного провокатора офицера, который раскрыл правительству готовившееся восстание, указал квартиру Ревкома и сообщил об от'езде тт. Коларова и Димитрова в Врачанский округ. Эти товарищи, а также и Ревком едва успели скрыться.

Руководство совершенно растерялось. Появились сомнения в предстоящем успехе. И тогда окружной секретарь софийского партокруга дал на 21-е так. наз. „контр-пароль", т.-е. отмену восстания.

София не восстала. Это является одной из причин неудачи сентябрьского восстания.

ЦК, понимая все значение столицы, должен был оставить самых решительных товарищей для руководства восстанием. Создать твердый деловой Ревком и командование. При наличии сил и умело концентрированного использования их, обрушиваясь с одного об'екта на другой, завоевав известный территориальный базис, если бы даже не удалось захватить столицу, все же этим самым были бы связаны все главные правительственные силы, благодаря чему провинции удалось бы покончить с местными правительственными войсками и притти на помощь восставшей столице.

А при отсутствии восстания в Софии правительство имело совершено спокойный тыл, который дал ему возможность мобилизовать значительные силы и бросить их в угрожаемых направлениях. Именно части софийского гарнизона через Петроханский проход наносят сокрушительный удар по флангу Врачанских революционных войск, где восстание было наиболее сильно.

Старая Загора — окружной город, важный железнодорожный узел. Правительство располагает одним пехотным батальоном, одним жандармским батальоном, смешанным арт. дивизионом, прибывшим из Филиппополя и взводом кавалерии. Кроме этого, в распоряжении правительственной власти было около 180 полицейских и около 100—150 фашистов и врангелевцев. Всего около 1.300 чел. бойцов, около 20 пулеметов и 12 орудий.

Компартия могла выставить в городе 100—180 бойцов. Сельские районы: Змеевский район — 200 бойцов, Дылбошский — 300 бойцов, Карабунарский — 200—280 бойцов, Кирилловский — 100; всего около 1000 чел. Вооружение — разнокалиберные винтовки и револьверы с незначительным количеством патронов и некоторым количеством ручных гранат. Задачей восставших было захватить город. Атака была назначена на 15 часов 20 сентября. Сигналом должно было служить нападение городского отряда гранатометчиков на тюрьму. Районы должны были, заняв с вечера свои деревни, мобилизовать население, направиться к городу и занять перед моментом атаки указанные им исходные пункты.

Об'екты были следующие: Змеевскому — казарма пехотного б-на; Дылбошскому — тюрьма и жандармские казармы; Карабунарскому — полицейское управление; Кирилловскому — вокзал и быть в резерве.

К указанному времени не все районы успели занять исходные рубежи. Кроме этого, их не встретили представители Ревкома, как это было раньше условлено. Между отрядами не было установлено никакой связи.

Городской отряд, который должен был подать первый сигнал атакой на тюрьму, явился к тюрьме в незначительном составе: часть его уже к этому времени была арестована, другая же часть была направлена в районы. Власти, предупрежденные о восстании, окружили этот отряд и он едва вышел, пробивая себе дорогу ручными гранатами. Услышав гранатные взрывы, остальные отряды бросаются выполнять поставленную задачу.

Змеевский отряд атакует казармы пехотного батальона, но, встреченный убийственным пулеметным огнем с второго этажа казармы, останавливается и начинает вести перестрелку. Только маленькая группа храбрецов ворвалась в первый этаж. Солдаты перебрались во второй этаж и укрепились. Ворвавшиеся повстанцы, видя невозможность проникнуть во второй этаж, после нескольких выстрелов вверх в потолок, решили отступить. Им в голову не пришла мысль зажечь пол, чтобы тем самым деморализовать солдат. После безуспешной перестрелки отряд отступил.

Дылбошский отряд, наступающий на тюрьму, также был встречен сильным огнем и вынужден был отступить. Кирилловский отряд успешно занимает вокзал и, не имея никаких дополнительных прика-

заний, спокойно сидит, перестреливаясь с близкими артиллерийскими казармами. После отступления других отрядов и он отходит. Карабунарский отряд не подошел к указанному пункту во-время и не принял участия в борьбе.

Этим и закончилась вся борьба в Старой Загоре. Правительственным войскам после этого легко удается покончить с восстанием в округе.

Мы не можем подробно останавливаться на ошибках Старо-Загорских товарищей, отметим только, что Ревком и командование были не на своем месте. Городской отряд, довольно сильный, разбрасывается, тогда как его, наоборот, нужно было бы еще более усилить. Приходящие районные отряды не об'единяются под единым командованием, которое могло бы, осуществляя определенный маневр, и руководить их действиями.

Мы видим, как отряды самостоятельно наступают и отступают, а резервный отряд, занимающий вокзал, совершенно не используется. При положении, что противник уже знает о восстании, надо было выбрать важнейший пункт и, с значительным перевесом сил, быстро покончив с ним, развивать успех дальше. Время для атаки нужно было назначить с рассветом. Также и сигнал следовало подавать не внутри города, а извне, так как иначе противник мог его предупредить.

Лом. Силы противника: 2-й конный жандармский полк, около 120 полицейских, 40—50 фашистов — всего около 600 бойцов.

КП могла выставить городской отряд около 200 человек (вооружены 100—120 чел. винтовками, остальные револьверами).

Районы: Кулемахленский — 200 ч., Медковский — 250 ч., Криборский — 150 ч., Киселевский — 300 ч., Добродольский — 150 ч., Волчедромский — 200 ч.; всего около 1500 человек.

До 12 сентября городской совет находился в руках КП, а в уезде крестьянство было под абсолютным влиянием КП и ЗС.

Задача — занять город и кавалерийскую казарму. Атака назначается по прибытии районных отрядов на исходные пункты в городе. Городской отряд ожидает районные отряды для совместного участия в атаке.

Ночью 22 сентября районы занимают деревни, мобилизуют население, арестуют всюду приверженцев правительства (такая мера проводилась почти по всей Болгарии) и направляются в город. К исходному пункту они во-время прибыть не успели, и атаки в назначенное время не последовало. И только день спустя, повстанцы, сбивая высланные раз'езды (и здесь власть была предупреждена), осаждают город при поддержке 3000—4000 крестьян. Городской отряд присоединяется к ним.

Повстанцы не все были вооружены винтовками. Правительственные войска и фашисты кольцом укрепились в кавалерийской казарме, обнесенной колючей проволокой.

Три дня повстанцы вели безуспешную перестрелку, не использовав ни одной ночи с тем, чтобы решительно атаковать и ворваться в казарму. И наконец, кто-то из повстанцев догадался прервать водоснабжение казарм. Это внесло большую деморализацию, и солдаты готовы были сдаться. Но в это время из гор. Видин по Дунаю пришел пароход с артиллерией и начал обстреливать восставших. Лишенные руководства (председатель Ревкома и командующий, когда пришел пароход, под предлогом поисков орудия, бросили фронт), повстанцы отступили и разбрелись. Только одна небольшая группа под предводительством священника Игнатьева, получившая несколько позднее от Фердинандского штаба орудие, упорно сопротивлялась еще несколько дней, отступая по железной дороге.

Здесь также бросается в глаза отсутствие руководства. Восставшие действуют медленно, давая противнику опомниться и укрепиться, а также, несмотря на значительный перевес в силах, они не прибегают к ночным действиям, чтобы под прикрытием темноты внезапно ворваться в казармы.

Врачанский округ. Самая светлая страница сентябрьского восстания — это восстание во Врачанском округе. Здесь план восстания был разработан подробно, и организационная работа была проведена. Имелся необходимый минимум оружия, которое врачанские товарищи приобрели во-время. Удар, нанесенный восстанию 12-го сентября, не отразился сильно, так как большинство руководителей заблаговременно скрылись.

Здесь нет надобности останавливаться подробно на этом восстании. Мы хотим лишь указать на наиболее характерные моменты. Задачей был захват окружного города Вратца, затем сформировать революционные войска и направиться на Софию. Для этой цели занимаются уездные города Фердинанд, Берковица, Орехово. Для обеспечения операции высылаются от Берковского уезда заслон на Петроханский проход против Софии, от Ореховского уезда — заслон на вокзал Червенный Берег, против города Плевен, а также поручается одной минно-подрывной команде разрушить железнодорожные мосты на магистрали Мездра—София.

Выполнить план не удалось. Подрывная команда не разрушила железнодорожных мостов, а также указанные заслоны заблаговременно не заняли свои места и дали возможность противнику занять Петроханский проход и вокзал Червенный Берег. Также и уездные города в свое время не были заняты, кроме Фердинанда. Это привело к тому, что борьба пошла не за город Вратца, а превратилась в малую войну по всему округу.

Сначала был занят **город Фердинанд.** На его занятии мы остановимся несколько подробнее, потому что он является единственным городом, в котором повстанцы действовали безукоризненно. Пра-

вительство располагало здесь около 200 полицейских и фашистов. Силы восставших: 400—450 бойцов с 250 винтовками, город дает 60 чел. К утру 26-го сентября районные отряды занимают исходные пункты и по поданному сигналу (большой костер на высоком холме) атакуют город и занимают его. Интересно отметить здесь один момент: часть полицейских и фашистов, укрепившись на втором этаже почтово-телеграфной станции, не хотели сдаваться, но когда командующий отрядом громко крикнул: „Зажигайте здание!", они, услышав это, сдались. В ту ночь остальные части города не были заняты. Днем, от Вратца выслан поезд с ротой усиленного состава, при одном орудии, и беспрепятственно доходит до Фердинанда, так как узловой вокзал Бойчиновцы не был занят местным отрядом. Рота высадилась, отбросила высланные против нее небольшие отряды повстанцев и заняла город.

Повстанцы отступили на ближайшие холмы. Тут произошло событие, решившее дальнейший исход борьбы. Командир роты правительственных войск сам попал в мешок. Скучившись со всей своей ротой в вокзале, притащив туда же и поезд с пушкой, он потерял возможность вести обстрел и обороняться. В это время повстанцам на помощь пришел Лопушанский революционный батальон, лучший в округе, с пулеметом. Немедленно началась атака, завершившаяся полным успехом. Рота сдалась.

Сразу же после этого формированы новые отряды и вооружены захваченными винто .... я пулеметами. Одна часть с приданной пушкой была направлена в помощь Берковским повстанцам, другая по железной дороге, после занятия вокзала Бойчиновцы, — к Вратца.

23-го сентября падает Берковица. Правительственный отряд, силой около батальона, с двумя орудиями отходит на Петроханский проход, где укрепляется. Повстанцы не отрезали ему пути отступления.

В Берковском уезде также формируются революционные отряды, которые сливаются с Фердинандским и направляются к Вратца. Против Петроханска высылается отряд в 200—300 чел. К концу дня 23/IX командование уже берет в свои руки штаб округа.

Революционные войска разбивают у вокзала Бойчиновцы высланные против них правительственные войска и успешно продвигаются по железной дороге вперед. Но уже встречают подтянутые правительственные войска.

В это время в Ореховском уезде, после занятия села Кнежа (самая большая деревня в Болгарии) и дер. Селановцы, были сформированы два сильных отряда: Кнежский — 400 чел., Селановский — приблизительно такой же силы. Последний успел захватить уездный город Орехово. По приказанию штаба округа Кнежский отряд направляется к Вратца, а Селановский—против наступающего от Плевен противника.

К 25 сентября повстанцы достигают самых больших успехов; весь округ, кроме окружного города, в их руках. Но к этому времени пра-

вительство, подавив восставших в других местностях, начало комбинированное наступление против Врачанских революционных войск. С запада поступают войска Белоградчикского уезда. Штаб округа выслал отряд, который вместе с местными повстанцами разбил и отбросил эти силы; с юго-востока наступает гарнизон г. Плевен, который отбросил части Селановского отряда и заходит во фланг наступающим к Вратца революционным полкам.

На Врачанском направлении наступающих повстанцев сдерживают остатки Врачанского правительственного гарнизона, поддержанные подтянутыми другими войсками.

С юга, через Петроханский проход, части Софийского гарнизона, вместе с отступившим Берковским батальоном, с приданной артиллерией и грузовиками с пулеметами, сбивают революционный отряд и на 26 сентября занимают Берковицу. Этот удар является сокрушительным для повстанцев. Правительственные войска заходят в тыл революционным войскам и утром 27-го переходят в наступление на Фердинанд, — на центр революционного восстания. Повстанцы повсеместно отступают, часть их укрывается в лесах, другая значительная часть переходит границу Юго-Славии.

Так кончилось восстание во Врачанском округе.

Надо отметить, что в тылу у повстанцев сразу же после захвата власти был установлен полный порядок. Ревкомы производили мобилизацию, реквизицию, организовали питание войск, эвакуацию раненых и проч., и за это время не было ни одного случая мародерства.

* * *

Прежде чем перейти к рассмотрению основных моментов действий правительства и КП, мы остановимся кратко на Болгарии, как на театре военных действий.

Болгария занимает площадь в 103.189 $км^2$, без больших географически-изолированных областей, являющихся особенно пригодными для гражданской войны. От запада к востоку она перерезана большим Старопланинским горным хребтом на две половины, которые соединены между собой двумя железными дорогами Мездра-София и Тырново—Стара-Загора, а также двумя горными шоссейными дорогами — Петроханская и Шипченская — и еще тремя обыкновенными проходами. Это дает возможность, при занятии этих железнодорожных узлов и проходов небольшими, но стойкими отрядами, изолировать одну часть страны от другой. Пути сообщения относительно развитые. Длина железных дорог — 2.633 км; шоссейных — 4.087 км. Кроме этого можно вполне использовать реку Дунай, протекающую по всей северной границе Болгарии. Самая большая отдаленность деревень от железных дорог составляет два пехотных перехода; это способствует быстрой переброске войск во всех направлениях. Современных форти-

фикационных сооружений, кроме Шуменской крепости, не имеется, но есть значительное количество сооружений старо-турецкого типа, которое надо учитывать в гражданскую войну.

Для полноты обзора рассмотрим еще и силы противников.

После Нейского договора Болгарская армия была свернута в 8 пехотных полков, 16 жандармских пехотных батальонов, один береговой пех. жандармский батальон; 8 жандармских конных полков, два конных полка старой организации и лейб-гвардейский полк.

Артиллерия свернута в 8 артдивизионов, 3 тяжелых артдивизиона в укрепленных пунктах — Шумен, Видин, Рущук. Свернуты также и другие специальные войска. Общая численность армии и жандармерии составляет 30 тысяч, которая при мобилизации развертывается в 200 тысяч. Кроме этого, правительство располагает поддержкой: автономистов — 8 тысяч человек, „врангелевцев" — 5—6 тысяч, Кубрат (фашисты) 15 — 20 тысяч; всего, вместе с войсками, около 60—65 тысяч.

Здесь невозможно показать точные силы коммунистической партии и Земледельческого Союза.

Настоящую боевую организацию коммунистическая партия еще не вполне создала, а Зем. Союз таковой не имел („оранжевые ядра" нельзя считать настоящей боевой организацией). Так что их силы — это партийные организации (о которых мы говорили выше), комсомол — 15—16 тысяч, профсоюзная организация, примыкающая к КП,— около 40 тысяч, и, наконец, опорой их была рабоче - крестьянская масса. Вооружение революционных сил было ничтожно. Вот картина соотношения сил противников.

Решив уничтожить КП, правительство подготовляет свой план действий. Надо признать, что так называемый „комитет десяти" (т.-е представители правительства, военной лиги, автономистов) ясно представлял себе положение вещей. Рассматривая силы противника — коммунистической партии, комитет учитывал, что при напряженной политической атмосфере, удар на КП не пройдет безболезненно, без вооруженного сопротивления. Но вместе с тем, он полагал, что, так как вожди будут арестованы, то движение будет обезглавлено и выльется в мелкие стычки, которые легко можно ликвидировать. Во всяком случае, план комитета был рассчитан на подавление восстания. Правительство подготовляется во всеоружии.

Во-первых, принимаются все меры к парализованию восстания в Софии; стягиваются значительные количества войск и автономистов.

Во-вторых, усиливается охрана железных дорог на узловых станциях, как Стара-Загора, Горная-Ореховица и др.

В-третьих, принимаются меры к установлению связи городов с провинцией (надо отметить здесь воззвание министра путей сообщения — меньшевика — с призывом к почтово-телеграфным служащим выполнять свои обязанности).

В-четвертых, формируются ударные отряды из фашистов, врангелевцев и автономистов для отправки в угрожаемые районы.

В-пятых, даются директивы начальникам гарнизонов о поголовных арестах коммунистов, членов З. С. и их сторонников при первых признаках восстания.

В случае восстания войскам указано укрепляться в городах или в казармах до выяснения обстановки (здесь учитывается, с одной стороны, ненадежность войск, с другой, — слабое вооружение повстанцев и недостаток патронов). По выяснении обстановки, организовать небольшие, но технически хорошо вооруженные отряды, бросая их в центр восстания, не образуя фронта и не обращая внимания на свой тыл.

В-шестых, правительство добилось от междусоюзнической контрольной комиссии разрешения на частичную мобилизацию.

Итак, правительство, подготовившись и взяв инициативу в свои руки, поставило себя в выгодное положение.

И восстание вспыхнуло с большой силой. Были моменты, когда правительство совершенно терялось. Только благодаря тому, что восстание в провинции было разрозненно (выступления были не одновременные, что дало правительству возможность перебрасывать силы), что имелась с провинцией постоянная связь, которую повстанцы не разрушили, что в Софии восстания не было, — правительство было спасено.

Можно смело утверждать, что если бы повстанцы дрались упорнее, сковывая движения местных войск, и восстание было бы повсеместным, то расчеты генерала Волкова без сомнения рухнули бы.

После девято-июньской ошибки в КП наступает сильное брожение против ЦК. Оформляется оппозиционное течение. Некоторые окружные и местные комитеты посылают резолюции против позиции ЦК, занятой им на девятое июня (Видинский, Бургасский и другие). Некоторые настаивают на немедленной подготовке вооруженного восстания (Врачанский).

Упорное отстаивание ЦК своих позиций, решение партийного Совета, созванного 9 июня, одобряющее линию ЦК, заставили почти два месяца партию дискуссировать, вместо непосредственной боевой работы.

И только решительное вмешательство Коминтерна и тов. Коларова, вернувшегося из Советской России, помогло партии скорее перейти к новому курсу — вооруженному восстанию.

Перед лицом ответственности в предстоящей борьбе, дискуссия прекратилась, и все силы партии направились на подготовку восстания. Но время, которое заняла дискуссия, было безвозвратно потеряно.

Серьезная подготовка в партии начинается с конца июля, и понятно поэтому, что до 12 сентября невозможно было многого сделать.

Политическая подготовка оказалась недостаточной и не велась вполне удачно. Оценка борющихся сил не была достаточно верна. ЦК предлагал единый фронт не только с ЗС, но и с меньшевиками, автономистами, когда было ясно, что последние (автономисты и меньшевики), участвовавшие в перевороте буржуазии, не могли пойти на это, да и наивно было бы думать, чтобы они на второй день после переворота, в котором участвовали активно на стороне буржуазии, могли выступить против правительства Цанкова.

Здесь сказывается 9 июня.

Если до 9 июня не с кем было заключать единый фронт, то теперь давайте со всеми! Были и такие, которые предлагали заключить единый фронт даже с радикальной партией [1]).

Болгарские товарищи забыли, что после переворота соотношение борющихся сил совершенно изменилось. Единый фронт можно предлагать меньшевикам и автономистам только после длительного периода, когда в 9-июньской коалиции наступило бы столкновение противоречивых интересов. Результатов, понятно, получиться не могло. Меньшевики просто отказали, а вожди автономистов, как теперь ясно, играли провокаторскую роль.

Агитация партии в этот период была недостаточно четкая. „Рабочая газета" в этот момент держит решительно оппозиционное направление против правительства; издается несколько воззваний. Но все это очень мало по сравнению с тем, что надо было сделать. Процесс восставших 9 июня плевенских коммунистов, который в это время мог сыграть огромную революционную роль, превращается в адвокатскую полемику.

„Мы заявляем, что благодаря неясности положения в момент гражданской войны между двумя буржуазными кликами, часть рабочих выступила в защиту своей жизни и семьи, но никакого участия в борьбе за власть не принимала".

(Заявление КП по Плевенскому процессу „Рабочей газеты").

„Было бы очень смешно, если б не было так больно",—говорит Вольтер.

И за все время процесса партия не предприняла решительных выступлений, которые бы были связаны с лозунгом: „долой правительство фашистов". Это было тем более необходимо, что городские рабочие и городская беднота хотя и были в брожении, но революционный дух города не был на должной высоте.

Итак, политическая подготовка была не вполне достаточная и не вполне четкая.

[1]) Ничтожная мелкобуржуазная интеллигентская партия.

Организационно-техническая подготовка из-за недостатка времени была не совсем закончена. С момента взятия курса на вооруженное восстание, началась энергичная работа по созданию военной организации и вооружения. Назначается главное командование; страна распределена на военные области и округа, последние разделились на военные районы и т. д.

Но до 12 сентября было сделано немного; в большинстве округов рядовых бойцов не успели ввести в организацию; даже Шуманский округ едва к 12 сентября выделил командование. План восстания не был закончен по всей стране. По части вооружения дело не особенно двинулось дальше того, что было раньше. Конечно, был произведен учет винтовок и револьверов, но не были приняты энергичные меры к пополнению недостатка патронов, и если больше ничего нельзя было сделать, то тогда нужно было хотя бы обеспечить себя ручными гранатами и подрывными веществами. Вообще партия к 12 сентября в политическом, организационном, техническом отношении не была готова для восстания.

„Компартия выбрала единственно правильный и неизбежный путь, не поставив, однако, себя заранее в лучшие условия этой борьбы, не обеспечив себя". (Из книги „Уроки болгарского восстания" т. Тихомирова).

ЦК, сознавая неподготовленность партии, думает удовлетвориться всеобщей 24-часовой забастовкой в виде протеста в случае удара со стороны правительства на партию.

„Компартия сознавала свою слабость и хотела избегнуть кровавого столкновения. Как-раз в этот момент, пользуясь уроком событий и порывая со старыми предрассудками, она развила широкую агитацию единого фронта трудящихся, обращаясь с этой целью публично к Землед. Союзу и к меньшевистской партии. Будучи предупреждена о готовящихся арестах, она думала ограничиться 24-часовой генеральной забастовкой - протестом. (В. Колларов. Предисловие к книге Тихомирова).

Теперь ясно, что восстание произошло бы и помимо партии, конечно в виде местных мятежей, и партия должна была поддержать его и что решение ЦК удовлетвориться 24-часовой забастовкой было неправильно. Восстание вспыхнуло и без всеобщей забастовки, которая не была проведена. Так что правильно было бы в ответ на 12-е об'явить генеральную забастовку, принимая все меры к проведению ее повсюду, стремясь превратить ее в вооруженное восстание.

Как курьез, можно упомянуть о предложении меньшинства ЦК, что следует удовлетвориться письменным протестом. Эти люди имели наивность думать, что это только репрессивная мера правительства против „замысла" КП, а не логическое завершение 9 июньского переворота. Большая заслуга товарищей Колларова, Димитрова, Петрова и др. из большинства ЦК состоит в том, что они не поколебались при крайне трудно сложившейся обстановке поднять знамя восстания и спасти

есть и будущее партии. Под руководством КП восстание развернулось с огромной силой и размахом. На призыв партии отозвались массы рабочих и крестьян. Были изданы к трудящимся массам и солдатам воззвания, а также и специальная директива ко всем организациям. В этой директиве давались указания об организации ревкомов из коммунистов и членов Земледельческого Союза и их работе, о борьбе с контрреволюцией, об обеспечении тыла и т. д. Вопреки бешеному вою буржуазии и ее лакеев о грабежах и бесчинствах, во всех завоеванных областях был установлен образцовый порядок; мобилизации, реквизиции, все мероприятия были проведены без всякого насилия. Ревкомы достойно исполнили свой долг.

Находятся люди, которые об'являют сентябрьское восстание безумным и обвиняют большинство ЦК в том, что оно, не имея шансов на успех, в отчаянии бросило партию на верную гибель. Тов. Колларов решительно восстает против подобных утверждений, заявляя, что ЦК глубоко верил в успех восстания. И, действительно, мы уже указали на много благоприятных шансов, при которых сентябрьское восстание могло быть победоносным.

Конечно, для каждого ясно, что стопроцентной гарантии на успех революции быть не может. И тот, кто ждет этих стопроцентных гарантий, тот не революционер.

При рассмотрении поражения сентябрьского восстания можно отметить следующие моменты:

Первое.— Стратегические и тактические ошибки руководства партии. Мы уже указывали на них: недооценка значения и глубины удара на партию со стороны правительства 12 сентября; не вполне верный анализ соотношения сил после 9 июня; недостаточная политическая и техническая подготовка (последняя из-за недостатка времени); отсутствие восстания в Софии; неразрушение связи и путей сообщения, широко использованных при восстании правительством, в то время как у главного руководства восставших связь с местами отсутствовала; неумелое управление в боях и проч.

При этом особенно необходимо подчеркнуть некоторые из них:

а) Отсутствие решительного и единого руководства ЦК, который здесь является интегральным полководцем и который должен был освободиться от всех колеблющихся элементов, что в свое время не было сделано [1]).

б) Не определен пункт главного удара, как для всей страны, так и по округам. Мы повсюду наблюдали равномерное распределение сил повстанцев против сил правительства, когда надо было обеспечить превосходство сил на важнейших пунктах, а на второстепенных лишь ограничиваться небольшими отрядами для сковывания противника.

[1]) До сентябрьского восстания часть ЦК не признавала, что 9 июня совершена ошибка.

в) Неиспользование имеющихся в армии ком'ячеек. Если они по своей малочисленности и слабости не могли поднять бунта в казармах, то надо им было приказать портить орудия, пулеметы, а в решительные моменты убивать офицеров и производить суматоху.

Второе. — Последствия девято-июньской тактики. Дисциплина в партии после 9 июня в зн. ительной мере была ослаблена, а также и вера в ЦК была поколеблена. Надо все это было учесть и предпринять решительные меры к ликвидации этого.

Мы имеем немало мест, где старые деятели партии хотя и получили приказание о восстании, но его не выполнили.

Третье. — Инициатива находилась, за малым исключением, в рук правительства.

Четвертое. — Слабые революционные традиции у пролетариата и крестьянства. Мы видели повсюду колоссальную неопытность; например: отряд солдат арестует сразу тысячу рабочих, и они не дают должного отпора. Слабое упорство и быстрое разочарование после первых неуспехов.

Пятое. — Внезапность совсем отсутствовала. Правительство знало о восстании как от своих агентов, так и от неосторожных коммунистов. А внезапность, как известно, играет огромную роль не только на войне, но и в восстании.

Нет сомнения, что КП, беря руководство сентябрьским восстанием, встала на единственно правильный путь. Она не могла оставить поднимающихся рабочих и крестьян. И те, которые осуждают сентябрьское восстание, — они этим самым показывают свою меньшевистскую природу.

В пламени сентябрьских дней КП в сердцах трудящихся масс завоевала себе горячее признание, как верный защитник и борец за их интересы, за их свободу. Она на деле доказала, что она может и готова бороться с оружием в руках за установление в Болгарии рабоче-крестьянской власти. Если бы она не действовала вместе с восставшими массами, она не только бы потерпела поражение, но и обанкротилась бы. Она бы погибла под тяжестью невыполненного исторического долга и презрения разочаровавшихся в ней масс трудящихся. И вечным укором, как далекое эхо, звучали бы для нее иронические слова римского сената: „Были когда-то галлы и были они „воинственны".

С. БЕЛИЦКИЙ

ЭШЕЛОННАЯ ВОЙНА

I. Введение.

Военная наука до гражданской войны в России в 1917—21 гг. не знала эшелонной войны. Войска использовали железную дорогу лишь как средство перевозки. Войсковые части, будучи разбиты по эшелонам, не представляли собою боевой силы во время нахождения в пути. Однако, во время мировой войны, как и в англо-бурской войне, железнодорожные колеи настолько густо покрыли театр военных действий, что возникла мысль использовать их для переброски артиллерийских батарей на железнодорожных платформах. Такие железнодорожные артиллерийские установки были затем прикрыты броней, и, таким образом, образовались бронепоезда. Специфические условия использования бронепоездов и жизнь и быт бойцов на бронепоездах получили затем во время эшелонной войны большое развитие.

Эшелонный период нашей гражданской войны был вызван создавшимися условиями политической обстановки. В революционных центрах, где власть перешла в руки пролетариата, был избыток активных сил в то время, когда на остальной территории бывшей царской России имелись такие пункты и районы, в которых либо открыто выступала контр-революция, либо где установление диктатуры пролетариата требовало вмешательства какой-то силы извне. Особенно беспокоил нас тогда вопрос об окраинах. Напомним, что Октябрьский переворот до этих окраин докатился поздно; так, например, в Иркутске и ряде других городов Сибири переход власти к советам произошел лишь в ноябре месяце; такой крупный центр, как Пермь, откликнулся на Октябрьский переворот лишь в декабре, а почти все Черноморское побережье советизировалось в декабре и январе. На Дону и Сев. Кавказе царскими генералами открыто формировалась белогвардейская армия.

Экономическая связь между отдельными районами была нарушена, и пролетариат, возглавлявший государство, был заинтересован в том, чтобы возможно скорее восстановить нарушенную связь между центром и окраинами. Ждать было некогда, ибо не ждали голод и разруха; не ждала буржуазия, которая в свою очередь, не особенно веря в прочность большевистской власти, стремилась овладеть центрами Республики. Ко всему этому неокрепшая, молодая советская власть стояла перед фактом неурядицы на железнодорожном транспорте, где стихийно демобилизовавшиеся солдаты старой армии с оружием в ру-

ках пробивались к себе на родину. Политическое содержание пробивавшихся с оружием в руках эшелонов было разное: там были белые и красные, которые в разных пунктах уже фактически завязали боевые столкновения (казачьи эшелоны, русские части с украинизированного фронта, части румынского фронта).

Все это, вместе взятое, выдвинуло перед нами три основных задачи: а) занять революционными отрядами определенные районы Республики в целях их советизации, б) окружить и уничтожить зародившиеся очаги контр-революции, в) освободить железнодорожный транспорт от классово-враждебных нам или деклассированных дезорганизаторских элементов.

II. Оперативные и организационные черты эшелонной войны.

О том, что использование железнодорожного транспорта в развертывающихся революционных событиях должно будет играть значительную роль, можно было уже догадаться во время Корниловского наступления. Быстрая переброска контрреволюционных частей к Петрограду (ныне Ленинград) дала ряд уроков. Положительными сторонами этих уроков можно считать быструю концентрацию сил к подступам центра революции. Отрицательные стороны связаны с неумением наладить накопление эшелонов; совершенно отсутствовало политическое обеспечение операций у Корнилова; сильно давало себя знать отсутствие бронепоездов. На другой день после Октября Керенский в известной степени повторяет ошибки Корнилова. У него, правда, уже был бронепоезд, но он не обеспечил охрану железной дороги. Железнодорожные рабочие у ст. Бологое разбирают путь, а затем красногвардейский отряд под командованием тов. Потапова (батальон 245 Финляндского полка, дружина Питерских красногвардейцев и бронеплощадка Путиловцев) захватывают этот поезд в плен. Выступления Корнилова и Керенского переносят центр тяжести борьбы от окопов позиционной войны к железнодорожным магистралям.

События первого периода существования советской власти были наполнены крупнейшими политическими осложнениями. Следующие факторы побудили Советскую власть, не дожидаясь образования намеченной новой социалистической регулярной армии, начать боевые действия: 1) не подчиняющаяся Советской власти Ставка главнокомандующего, 2) необходимость помочь еще не закончившей свою борьбу революционной Москве, 3) обеспечить подвоз из Сибири хлеба, ибо атаман Дутов угрожал этому подвозу, 4) осложнения с Украинской радой, 5) фактическая концентрация контрреволюционных сил на Дону под руководством генералов Корнилова, Каледина, Алексеева и Деникина. Из всех этих задач наиболее важной была необходимость срочно прервать железнодорожное сообщение между Украиной

Доном и затем поочередно уничтожить эти два основных очага контр-революции. Надеяться на то, что местные силы сами с этим справятся, не приходилось. Каледину удалось при помощи добровольческих отрядов подавить восстание рабочих в Донбассе и Ростове. Петлюровцы хозяйничали в Киеве и на правобережной Украине. Дутов угрожал Челябинску.

Обстановка же в целом, в политическом отношении, благоприятствовала Советской власти. Очаги контрреволюции были сравнительно малочисленны. Вся страна представляла собой бурлящее революционное море; не только революционные отряды Красной гвардии, но и некоторые части старой армии готовы были принять участие к ликвидации контр-революции. Обстановка диктовала необходимость быстрых и решительных действий. Не повторять ошибок Парижской Коммуны, не замыкаться в революционных центрах, а быстро броситься к окраинам и там задушить контр-революционные потуги. Железнодорожный транспорт в этих целях и используется, как средство переброски революционных сил, но затем события так развертываются, что военные действия в целом переходят к так называемой „эшелонной войне".

„Эшелонной войной" называется она потому, что железнодорожный подвижной состав —„эшелон"—являлся в данном случае не только временным средством переброски, но и постоянным жильем, сосредоточением питания, средством эвакуации, средством маневрирования. Отсутствие колесных обозов характерно для всего периода эшелонной войны. К услугам эшелонов всегда была готовая железнодорожная, телеграфная, телефонная связь. Бронепоезда и бронеплощадки сравнительно легко прикрывали железнодорожные эшелоны. Из средств передвижения эшелон становится значительным боевым фактором.

Борьба зимой и весной 1917—18 гг. велась за губернские и областные города; обычно это совпадало с железнодорожными узлами, где к тому же часто сосредоточивались богатейшие запасы продовольствия и вооружения старой армии. Помимо этого, захват железнодорожного узла давал значительные боевые преимущества: он позволял действовать по нескольким направлениям, он позволял одновременную концентрацию нескольких десятков эшелонов; наличие депо и железнодорожных мастерских допускало быстрое формирование бронепоездов и бронеплощадок. Наличие на узлах больших каменных построек позволяло их использовать в качестве более или менее прочного укрытия (бой у Жлобина в 1918 г.). Меньшее значение имели станции, так называемого, второго разряда, но которые все же позволяли одновременное нахождение на такой станции нескольких эшелонов. В гораздо более тяжелом положении находились, так называемые, станции третьего разряда, которые стесняли маневр. Вот почему вся эшелонная война характерна скачками от одного железнодорожного узла к другому.

В зависимости от политического значения отдельные железнодорожные направления насыщались эшелонами с красногвардейцами. Происходил естественный процесс об'единения разрозненных усилий в пределах одного железнодорожного направления. Концентрация усилий разных направлений давалась с величайшим трудом, и вряд ли она была достигнута полностью до самого конца эшелонной войны. Эта проблема управления упиралась не только в общую политическую обстановку, которая характерна самостийностью мест, но и в качественный состав тех отрядов, которые дрались во время эшелонной войны. Тут мы имели, во-первых, красногвардейские отряды, сформированные на фабриках и заводах,— они были политически сознательны, но слабо обучены и плохо маневрировали. Во-вторых, мы имели дело с отрядами из частей старой армии,— их боевая подготовка была выше, но моральная устойчивость была слаба. Наконец, были отряды смешанного характера, которые в общем были небоеспособны, часто не выполняли приказаний и давали большой процент дезертиров.

Личный состав всех этих отрядов характерен своей текучестью. Пополнение было большей частью за счет местных средств. Только некоторые красногвардейские отряды получали пополнение со своих заводов и фабрик. Все эти разнообразные и многочисленные отряды обыкновенно спаивались при помощи наиболее стойкого отряда в руках старшего начальника. Во главе каждого железнодорожного направления можно было найти такое ядро, при помощи которого держалась в сравнительном повиновении вся остальная разнообразная и разношерстная масса. Обычно это же ядро и имело у себя непосредственно бронепоезда. Наиболее характерным примером будет отряд тов. Полупанова на Юге Украины в 1918 г. Численность каждого отдельного отряда была обычно в 250 человек.

Для дезорганизации боеспособности красногвардейских отрядов в период эшелонной войны были благоприятные обстоятельства. Отсутствовала планомерная политическая обработка: ее заменяли митинг, листовка. Враждебная агитация имела совершенно свободный доступ к красногвардейским отрядам. На железнодорожных узлах в период разрухи оседал в большом количестве деклассированный элемент. Но вместе с тем боевые действия на железных дорогах способствовали втягиванию в борьбу железнодорожного пролетариата, который в эшелонной войне играл значительную роль. Мы имеем такие факты, как участие железнодорожных рабочих Полесских ж. д. в борьбе с польскими легионерами в районе Жлобин—Гомель. Киевские железнодорожники вели ожесточенную борьбу с Петлюрой. Челябинские железнодорожники дрались с Дутовым. Но наряду с железнодорожными рабочими существовал еще железнодорожный персонал, верхушка которого (в особенности движенцы) часто была на стороне наших врагов. Мы имеем с их стороны много случаев явного предательства, из кото-

рых следует отметить пропуск эшелонов есаула Чернецова в Донбассе 28 января 1918 г. в тыл красногвардейским частям.

Через величайшие трудности, столкновения, трения все же отдельные красногвардейские отряды на отдельных направлениях об'единялись, и тогда создавались штабы под всякого рода громкими названиями. Действовали начальники этих направлений весьма самостоятельно. Связь с центром была слабая. Слушались они, главным образом, того, от кого зависели в получении денег и оружия. И, несмотря на все это, события развертывались так, что в общем координация усилий отдельных направлений получалась сама собой. Их об'единяло стремление в кратчайший срок покончить с тем очагом контр-революции, против которого они действовали. Это наиболее легко проследить при рассмотрении боевых действий против Украинской рады, Дона и атамана Дутова.

Дабы покончить с организационными вопросами эшелонной войны, коснемся кратко системы снабжения. Эшелонную войну питали базы старой армии, местные реквизиции, возимые запасы и трофеи от разоружаемых частей противника. Очень много из этой системы снабжения перешло к первому периоду действий Красной армии.

Эвакуация совершалась путем импровизированных летучек. Во время эшелонной войны уже появились пролетарские санитарные отряды; как в области снабжения, так и в области эвакуации многое из этого красногвардейского периода перешло к первому периоду Красной армии.

Переходя к чисто оперативной стороне боевых действий в эшелонной войне, надо прежде всего отметить характерные влияния технических элементов железнодорожного транспорта. Очень часто красногвардейские отряды кровью платились за незнание всех условий технического использования железнодорожного транспорта. Мы имеем в начале 1918 г. ряд крушений эшелонов, хотя бы к примеру на участке между станциями Зверево и Должанское. Приходилось поэтому привлекать на свою сторону большое количесто железнодорожных специалистов. В известной степени слабый темп операции против Украинской рады можно об'яснить тем, что железнодорожная администрация в своем большинстве на Украине была националистически настроена и противилась продвижению красных отрядов, которые считались в их шовинистических глазах представителями „москалей“.

Вторым наиболее характерным оперативным моментом надо считать то, что бои происходили недалеко от эшелонов, преследование велось в эшелонах, в эшелонах же и отступали. Отсюда—маневренность, быстрота операций и сравнительно слабое влияние окружающего населения. Гораздо большее влияние оказывало само начертание железнодорожной сети, ибо оно сильно влияло на оперативные замыслы. Комбинация овладения отдельными железнодорожными узлами позволяла

организовать не только выход во фланг, но даже и в тыл противника. Мы имеем такой пример, как выход белых на севере Донбасса, к станции Гуково, в начале 1918 г., в тыл нескольким красногвардейским отрядам, действовавшим в районе станции Зверево.

Третьим характерным оперативным моментом следует считать сочетание эшелонной войны с вооруженным восстанием в городах; отсюда же также намечается ее теснейшая связь с уличными боями. Примеров тому мы в эшелонной войне имеем множество. Красные эшелоны приближаются к Киеву и в нем вспыхивает восстание. То же самое мы имеем в Ростове, Таганроге, Конотопе. Сплошь и рядом эшелоны, заняв железнодорожный узел, сразу же ввязываются в уличные бои. Так было в Полтаве 4/I 1918 г. и у Жлобина в первых числах января 1918 г.

Четвертым характерным моментом для эшелонной войны является разнообразный противник, с которым пришлось красным иметь дело. Старая армия развалилась. Она при распаде выделила по обе стороны баррикады кадры для гражданской войны. Это были красные и белые островки среди бушующего революционного моря. Но если красные, благодаря господству пролетариата, были в основном социально однородны, то среди белых мы отмечаем пестроту. Тут были, с одной стороны, белогвардейские отряды чисто классового характера; примером могут служить белые отряды на Дону и Сев. Кавказе. Они очень энергично сопротивлялись красногвардейцам, но были малочисленны. В мемуарах Деникина мы можем найти красочное описание „ледяного похода“ Корнилова, во время которого у белых были неоднократные схватки с эшелонами красных. Обычно белые уходили от преследования, и им даже удавались одиночные нападения на красные бронепоезда. Другим противником по своему характеру являлись отряды петлюровцев на Украине. Их боеспособность была ничтожна, и они массами переходили на нашу сторону. Около 10 тысяч бойцов Муравьева под Киевом легко справляются с 30-тысячной армией Петлюры. Совсем другой противник появляется перед нашими красногвардейцами на Украине во время немецкой оккупации. Немцы также использовали при этой оккупации методы эшелонной войны. Но они особенно не упорствовали на самой железной дороге, а предпочитали брать маневром по грунтовым путям в обход железнодорожных узлов. Многие исследователи истории гражданской войны восстание чехо-словацкого корпуса хотят причислить к эшелонной войне. Это будет не совсем верно, ибо чехо-словаки пользовались железнодорожными составами только как средством переброски. Автору этой статьи пришлось лично наблюдать, как чехи под станцией Миас (между Златоустом и Челябинском), как только столкновение с красными отрядами началось, тотчас же высадились из эшелонов, отогнали последние на 80 верст в тыл и приняли с нашими эшелонами бой в условиях полевой войны.

Все это нами приводится к тому, чтобы доказать разнохарактерность того противника, с которым пришлось имет дело красногвардейским отрядам в эшелонной войне, и этим об'ясняется пестрота оперативных форм и своеобразие отдельных столкновений.

Наиболее характерными операциями эшелонной войны надо считать действия Красной гвардии против донских казаков. Здесь мы имеем концентрическое наступление. Со всех сторон на Ростов движутся красногвардейские эшелоны. Со стороны Воронежа Петров, со стороны Купянска Саблин, со стороны Харькова Сиверс, с юга—части кавказского фронта, со стороны моря — революционные суда черноморского флота (см. схему 1).

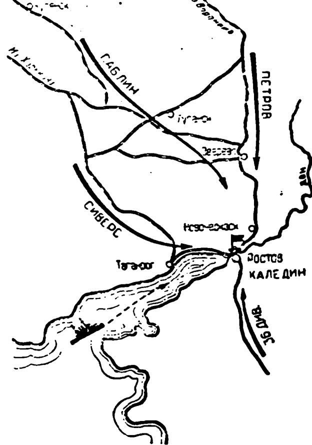

Схема 1. Наступление Красной гвардии на Дон (январь 1918 г.)

Не менее интересным таким же концентрическим наступлением является движение красногвардейских отрядов на Киев для ликвидации Петлюры. Со стороны Гомеля на Бахмач двигаются эшелоны Берзина, со стороны Полтавы — Егоров, со стороны Житомира —второй гвардейский корпус (см. схему 2).

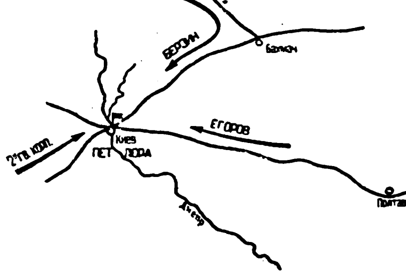

Схема 2. Наступление Красной гвардии на Киов в январе—феврале 1918 г.

И та и другая операции прошли с успехом для красногвардейских частей, но тут же выявились обстоятельства отрицательного порядка. Города и районы были взяты, но живая сила (основное организационное ядро) ускользнуло по грунтовым путям. Петлюра ушел к немцам

и скоро с ними опять вернулся на Украину. Корнилов проскочил из Ростова на Кубань, где при помощи Антанты затем из этого ядра образовалась добровольческая армия.

Другие виды боевых операций эшелонной войны, как-то: занятия определенных районов без активного сопротивления со стороны контрреволюционных сил или разоружение эшелонов враждебных или дезорганизаторских сил не представляют собой ничего интересного.

Причину краха эшелонной войны надо искать в малой численности войск, имевшихся тогда у красных. Эта малая численность в обстановке нагрянувшей интервенции не позволяла перейти к полевой войне. Когда же численность войск возросла, то война переходит постепенно на грунтовые пути; действия в эшелонах становятся сначала придатком, а затем вовсе отмирают. В полевой войне нет никакого смысла так упорно драться за обладание тем или иным железнодорожным узлом или городом, как в войне эшелонной. Борьба с противником решается другими способами.

Однако, влияние эшелонной войны еще долго сказывалось. Она имеет непосредственную связь с использованием Красной армией подвод для переброски по грунтовым путям. Еще в период эшелонной войны Егоров под Киевом вынужден свои войска из эшелонов пересадить на подводы, так как гайдамаки взорвали мост недалеко от Киева. В конце 1919 г. под Омском одна из бригад 27 дивизии повторяет опыт Егорова и в одни сутки на подводах перебрасывается на 105 верст.

30/VIII 1919 г., во время набега Мамонтова, главком приказывает организовать на станциях: Богоявленск, Лебедянь, Грязи, Шахматная эшелоны с паровозом под парами для преследования Мамонтова. Однако, Мамонтов успел разрушить железнодорожный путь, и потому мы здесь не имели возрождения эшелонной войны. Летом 1920 г. конница Жлобы гибнет на полях Сев. Таврии, при чем некоторые части белых, из числа окруживших Жлобу, действовали методами эшелонной войны.

III. Тактические черты эшелонной войны.

К положительным сторонам использования эшелонов надо отнести их постоянную готовность к действию при наличии паровоза под парами. Подвижность эшелонов позволяет им быстро проскакивать обстреливаемые пространства. Известное моральное воздействие оказывают бронепоезда, прикрывающие эшелоны. Надлежащее оборудование предохраняет эшелон от ружейных пуль и мелких осколков. Перевозимые в эшелонах десанты в состоянии решать небольшие самостоятельные боевые задачи.

К числу отрицательных сторон следует отнести зависимость эшелонов от железнодорожной колеи, ограниченность огневой сферы влияния небольшой полосой в обе стороны от железнодорожной колеи, ограниченность во времени в зависимости от запаса топлива и воды, слишком видимая цель для артиллерии и авиации противника и трудность маскировки, чувствительность тыла, и, наконец, то, что войска привыкают к своим вагонам и с трудом от них отрываются.

Все эти специфические условия эшелонной войны усугублялись низкой степенью тактической и боевой подготовки войск, пестротой вооружения, постоянной импровизацией бронепоездов и бронеплощадок и примитивностью тактических форм.

Разведка велась только вдоль железной дороги с помощью дрезин, бронеплощадок и отдельных паровозов. Охранение сводилось обычно лишь к охране железнодорожного полотна. Иногда в целях охранения занимался ближайший раз'езд.

Незначительное число вооруженных бойцов не требовало большого плацдарма для развертывания. Мы приведем несколько примеров тактического действия эшелонов. Тов. Примаков так описывает бой под Полтавой в начале 1918 г. Впереди шел бронепоезд, обстрелявший станцию; стрелки высыпали из вагонов в две цепочки; никаких резервов не было, город был занят быстро, потери ничтожны. Случаи фланговых ударов очень редки. Тов. Межлау описывает более позднюю форму ведения боевых действий. За пять верст до противника пехоту оставили на раз'езде. На землю сгрузили два орудия, которые затем передвигали ручным способом. Командование на бронепоезде лично отправилось на разведку. Оперативный план не разрабатывался, письменные распоряжения не отдавались, телефонов не было. Наиболее совершенную форму эшелонной войны мы найдем во время наступления на Ростов, 5/II 1918 г. Эшелоны там двигались по нескольким направлениям на Ростов, а конница была брошена в обход.

Слабая моральная устойчивость войск сказывалась на тактических действиях. Один лишь факт обстрела станции, депо уже производил потрясающее впечатление. Как только перевес обнаруживался, то более слабая сторона без всякого сопротивления снималась, разрушала пути и уходила к следующему железнодорожному узлу. Пространством не дорожили; отзвуки этого настроения были характерны и для первого периода Красной армии.

При равенстве сил или при превосходстве вспыхивали горячие, короткие и решительные бои. Эти бои способствовали выработке особого типа командира, характерного для эшелонной войны.

Часть этих качеств перешла к Красной армии, часть качеств „атамановского" порядка была отвергнута, и вот почему многие „герои" эшелонной войны не нашли себе применения в последующих этапах строительства вооруженных сил нашей республики.

IV. Современные взгляды на эшелонную войну на Западе.

Определенная политическая обстановка, сходная с нашей обстановкой конца 1917 г., вызвала к жизни и на Западе эшелонную войну. Наиболее характерным примером является Германия. В результате развала старой государственной власти в 1918 г. там разгорелась борьба за власть. Стремление к быстрому захвату центров страны было также характерно для красной и белой стороны. 17/II 1919 г. генерал Меркер подавляет восстание в Средней Германии. Он сам следует в головном эшелоне, координирует действия соседних железнодорожных направлений и в результате концентрического наступления подавляет восстание. Им написан большой труд на тему о подавлении революционных восстаний, где выявлен этот опыт эшелонной войны в Германии.*В 1923 г. у Лейпцига опять повторяется эшелонная война, ибо рейхсвер захватывает в свои руки железнодорожные пути, локализирует революционный очаг и подавляет восстание. В действиях Меркера и рейхсвера мы находим много общего по внешним оперативным и тактическим формам с нашей эшелонной войной начала 1918 г.

События в Китае, где значительное большинство боевых действий идет вдоль железнодорожных путей, также дают основание предполагать, что и там применимы некоторые особенности эшелонной войны.

Мы имеем сведения, что белогвардейская бригада Нечаева все время перебрасывается в эшелонах и прикрывается бронепоездами. Эти бронепоезда в действиях бригады Нечаева играют обычно решающую роль.

V. Заключение.

Следует раньше всего уточнить понятие эшелонной войны. Действия вдоль грунтовых путей, операции речных флотилий, имея много сходного с эшелонной войной, все же не могут называться эшелонной войной.

На вопрос, может ли повториться эшелонная война, мы ответим, что она повторится, если повторится политическая обстановка, сходная с нашей обстановкой 1917—18 гг. или с германской 1919—21 гг. Но на Западе эшелонная война в силу большей густоты железнодорожной сети будет более скоротечна.

По существу своему эшелонная война — это временный этап первоначальных боевых действий. Она либо кончается сокрушением противника, либо переходит к полевой войне через целый ряд промежуточных этапов.

В условиях нарастания революционного движения в мировом масштабе перед нашими коммунистическими партиями стоит задача не только тщательного изучения опыта эшелонной войны у нас, но

к подготовки себя к ней. Необходимо знать технику железнодорожного дела, необходимо заложить революционные ячейки на железнодорожном транспорте, необходимо заранее учесть технические, тактические и оперативные свойства тех или иных железных дорог. Необходимо тщательно работать над привлечением на свою сторону железнодорожных рабочих и окрестного населения.

Как только вспыхнет эшелонная война, надо тщательно координировать работу отдельных железнодорожных направлений. Быстро выбросить вперед разведку на дрезинах, за ними послать бронепоезда, хотя бы импровизированные, затем продвигать эшелоны с пехотой. Не драться в лоб, вдоль железнодорожной колеи, а стремиться решить задачу обходом. Как только враг дрогнул, немедленно посадить пехоту в эшелоны и начать преследование. Иметь наготове рабочие железнодорожные дружины для быстрого восстановления испорченных путей. Будет целесообразно сразу учесть отрицательную сторону одной лишь эшелонной войны, и потому часть сил полезно бросить на подводах или на грузовиках по промежуточным грунтовым путям. Этим самым будут обеспечены действия на железных дорогах и взаимодействие между отдельными направлениями. Таким путем может быть осуществлен быстрый захват новых железнодорожных узлов. Этот захват должен быть координирован революционным взрывом изнутри.

Наконец, следует учесть мощное влияние новых военных средств войны — авиации и химии. Они могут в эшелонной войне найти большое применение. Тот, кто заблаговременно будет иметь в своих руках эти средства, получит тем самым большие преимущества.

Эшелонная война не умерла. Она неизбежно возобновится при определенных политических условиях. Мимо изучения ее нельзя пройти.

Ф. АНУЛОВ

УЛИЧНЫЙ БОЙ

Литература по вопросам уличного боя, по выявлению его тактических свойств и особенностей, крайне скудна. Между тем формы вооруженной уличной борьбы начинают играть все более и более крупное значение в современном военном искусстве.

Город — промышленный центр, со всеми его характерными чертами и особенностями,—слабо изучается для целей войны. Наша эпоха — эпоха империалистических войн и пролетарских революций. Если в империалистической войне побеждает тот, кто окажется сильнее в поле или на воде, то в пролетарской революции победа остается на стороне того, за кем пошел город и деревня.

Город концентрирует основные богатства промышленного хозяйства страны. Промышленное хозяйство не может существовать без рабочих рук. Рабочие руки, в свою очередь, составляют кадровую армию пролетариата, участие в борьбе которой, при всех прочих условиях, организует победу пролетарской революции.

Пролетарская революция это — война, это захват власти из рук господствующего класса при помощи оружия. Основной господствующей формой пролетарской революции является вооруженное восстание. Вооруженное восстание, в свою очередь, решается уличными боями в промышленных городах и, главным образом, в столице страны.

Город есть лабиринт, есть величина со многими неизвестными для незнающего его бойца. Уличная борьба без знания, без изучения города, в значительной степени обречена на поражение. Изучение города — залог достижения наибольших результатов в уличной борьбе, при затрате минимальных сил и средств.

В современной военной литературе очень часто смешивают понятие об уличном бое с боем за населенные пункты.

Несмотря на некоторую, на первый взгляд кажущуюся общность, между этими двумя понятиями имеется большое различие.

Бой за населенный пункт возникает вне города, и участь такого боя решается обыкновенно маневром полевых армий. В империалистической войне 1914—18 гг. воюющие стороны очень часто сталкивались (на западном фронте) в полосе населенных пунктов. Борьба за населенные центры принимала подчас серьезное значение в исходе той или иной операции полевой армии. Судьба населенных пунктов в операциях империалистической войны решалась обыкновенно разрушительной силой артиллерийского огня. Артиллерийская подготовка для атаки населенного пункта превращала его в груду развалин. По-

левая армия завершала операцию борьбы за населенный пункт маневром или лобовой атакой.

Эпоха пролетарских революций и уличных боев в промышленных городах, после империалистической войны, внесла нечто новое в искусство борьбы за город. Борьба за населенный пункт превращается в уличный бой внутри города. Цели и задачи в уличной борьбе внутри города уже совершенно иные. Если в борьбе полевой армии за населенный промышленный центр главное внимание обращается на его значение в общей системе маневра, то в уличном бое, внутри города, главное внимание уделяется захвату господствующего аппарата власти, как основной и главной цели.

Вооруженное восстание в городах обречено на поражение, если отсутствует руководство, если отсутствует план уличной борьбы. План уличного боя—это ключ к победе при вооруженном восстании. Речь идет, конечно, об оперативном плане, построенном на основе захвата власти и государственного аппарата, в первую голову,

Белые источники полагают, что в октябре 1917 года власть в Питере „валялась на улице". Нашлись охотники — большевики — и без особого труда эту власть над столицей, а затем и над всей страной взяли в свои руки. Такое суждение глубоко ошибочно. Это — суждение слепца, не понявшего того, что совершалось в великие дни 1917 года.

Октябрьский переворот в Питере был совершен по плану и на основе искусства вооруженной борьбы в городах, на основе искусства борьбы за государственную власть в стране. Творцом оперативного плана октябрьского переворота в Питере является Ленин. Об этом достаточно красноречиво говорят документы, написанные в 1917 году великим стратегом нашей эпохи.

Питер — голова страны. Захват Питера во много раз увеличивает шансы на победу вооруженного восстания по всей стране.

8 октября 1917 года Ленин, намечая основные принципиальные положения теории вооруженного восстания, указывает, что „в применении к России и к октябрю 1917 года" эти положения означают:

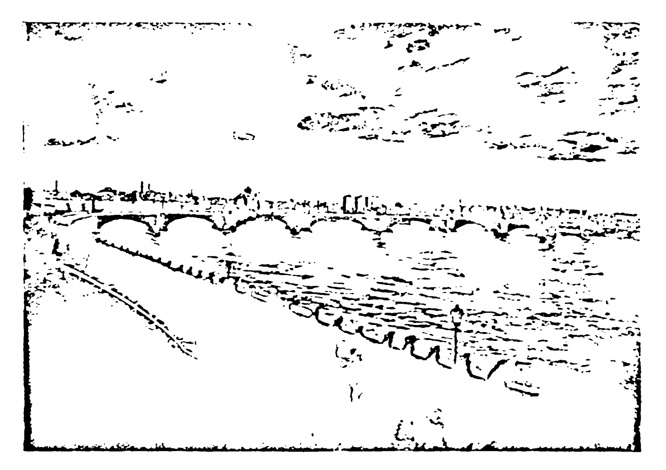
„Одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тысячами (а может быть и больше) нашей „буржуазной гвардии" (юнкеров), наших „вандейских войск" (часть казаков) и т. д."... („Советы постороннего").

Столица — Питер—главный операционный центр борьбы за государственную власть. Это учтено в оперативном плане Ленина.

Главная задача уличной борьбы — это захват государственного аппарата и средств связи и передвижения, в первую голову. Это также учтено Лениным.

„Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефоны; б) телеграф; в) железнодорожные станции; г) мосты в первую голову". („Советы постороннего").

Захват мостов через реку Неву. Кажется, мелочь. Но это такая мелочь, которая может иметь решающее значение на исход вооруженного восстания. Своевременный захват мостов рабочей Красной гвардией не дал возможности Временному правительству оторвать рабочие районы от центра столицы, где сосредоточен государственный

Высадка моряков у Николаевского моста в Петрограде 25 октября 1917 г.

аппарат власти. На основе январских событий 1905 года и исходя из искусства уличной борьбы в большом промышленном центре, пересеченном рекой и каналами, Ленин не забыл этой „мелочи" в своем плане Октябрьского переворота.

Выбор главных направлений уличной борьбы и выделение лучших частей для выполнения наиболее важных оперативных задач точно также не ускользает из внимания Ленина.

„Выделить самые решительные элементы (наших „ударников" и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях". („Советы постороннего").

Успех Октябрьского переворота в царской столице, на ряду с другими причинами, зависел также и от наличия оперативного плана вооруженного захвата власти.

План захвата города, план уличной борьбы — есть элементарное требование военного искусства к процессу вооруженного восстания. Без плана вооруженного восстания, все действия, направленные к овладению городом, а значит, и уличный бой, будут протекать стихийно, без руководства и неизбежно превратятся в путч.

При затяжном характере уличной борьбы главное внимание должно быть уделено организации связи и разведки.

Связь это — нервы уличной борьбы. Без связи нет руководства Связь обеспечивает плановость боевых действий, согласовывает активность мелких соединений и приводит их к общей цели борьбы. Орга-

Комиссару Штаба

Рапорт

[illegible]

Комиссар 3 участка

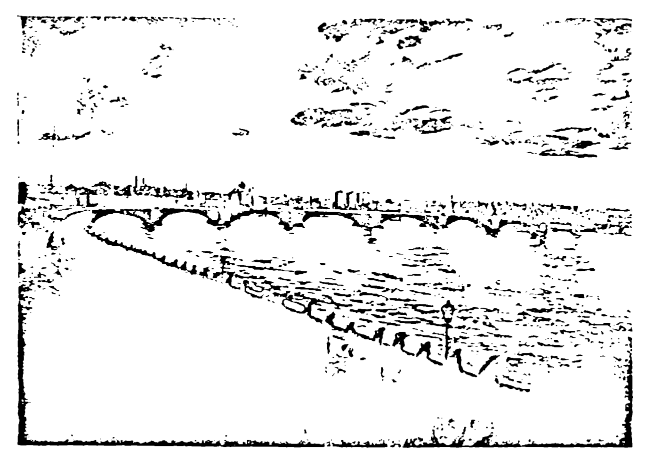
[illegible]

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Октябрьские дни 1917 года. Донесение комиссара одного из участков.

„Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефоны; б) телеграф; в) железнодорожные станции; г) мосты в первую голову". („Советы постороннего").

Захват мостов через реку Неву. Кажется, мелочь. Но это такая мелочь, которая может иметь решающее значение на исход вооруженного восстания. Своевременный захват мостов рабочей Красной гвардией не дал возможности Временному правительству оторвать рабочие районы от центра столицы, где сосредоточен государственный

Высадка моряков у Николаевского моста в Петрограде 25 октября 1917 г.

аппарат власти. На основе январских событий 1905 года и исходя из искусства уличной борьбы в большом промышленном центре, пересеченном рекой и каналами, Ленин не забыл этой „мелочи" в своем плане Октябрьского переворота.

Выбор главных направлений уличной борьбы и выделение лучших частей для выполнения наиболее важных оперативных задач точно также не ускользает из внимания Ленина.

„Выделить самые решительные элементы (наших „ударников" и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях". („Советы постороннего").

Успех Октябрьского переворота в царской столице, на ряду с другими причинами, зависел также и от наличия оперативного плана вооруженного захвата власти.

План захвата города, план уличной борьбы — есть элементарное требование военного искусства к процессу вооруженного восстания. Без плана вооруженного восстания, все действия, направленные к овладению городом, а значит, и уличный бой, будут протекать стихийно, без руководства и неизбежно превратятся в путч.

При затяжном характере уличной борьбы главное внимание должно быть уделено организации связи и разведки.

Связь это — нервы уличной борьбы. Без связи нет руководства Связь обеспечивает плановость боевых действий, согласовывает активность мелких соединений и приводит их к общей цели борьбы. Орга-

Время 3 час. [illegible]
Окт. 29
1917 год

Начальнику Штаба

Донесение

ф. I 33/29

Доношу, что в моем участ. [illegible]

[illegible]

Прошу [illegible]

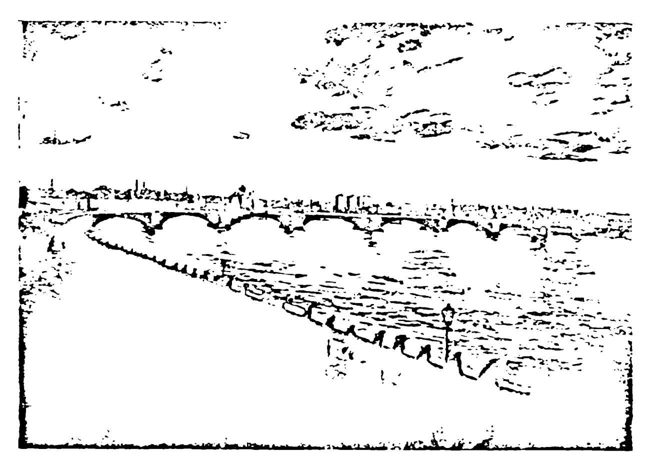
Комиссар 3 участка
[illegible]

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Октябрьские дни 1917 года. Донесение комиссара одного из участков.

„Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефоны; б) телеграф; в) железнодорожные станции; г) мосты в первую голову“. („Советы постороннего“).

Захват мостов через реку Неву. Кажется, мелочь. Но это такая мелочь, которая может иметь решающее значение на исход вооруженного восстания. Своевременный захват мостов рабочей Красной гвардией не дал возможности Временному правительству оторвать рабочие районы от центра столицы, где сосредоточен государственный

Высадка моряков у Николаевского моста в Петрограде 25 октября 1917 г.

аппарат власти. На основе январских событий 1905 года и исходя из искусства уличной борьбы в большом промышленном центре, пересеченном рекой и каналами, Ленин не забыл этой „мелочи“ в своем плане Октябрьского переворота.

Выбор главных направлений уличной борьбы и выделение лучших частей для выполнения наиболее важных оперативных задач точно также не ускользает из внимания Ленина.

„Выделить самые решительные элементы (наших „ударников“ и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях“. („Советы постороннего“).

Успех Октябрьского переворота в царской столице, на ряду с другими причинами, зависел также и от наличия оперативного плана вооруженного захвата власти.

План захвата города, план уличной борьбы — есть элементарное требование военного искусства к процессу вооруженного восстания. Без плана вооруженного восстания, все действия, направленные к овладению городом, а значит, и уличный бой, будут протекать стихийно, без руководства и неизбежно превратятся в путч.

При затяжном характере уличной борьбы главное внимание должно быть уделено организации связи и разведки.

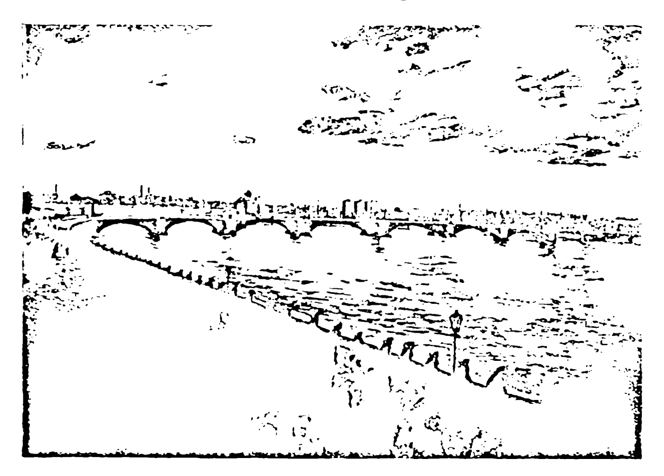
Связь это — нервы уличной борьбы. Без связи нет руководства Связь обеспечивает плановость боевых действий, согласовывает активность мелких соединений и приводит их к общей цели борьбы. Орга-

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Октябрьские дни 1917 года. Донесение комиссара одного из участков.

„Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой **каких угодно потерь** были удержаны: а) телефоны; б) телеграф; в) железнодорожные станции; г) мосты в первую голову“. („Советы постороннего“).

Захват мостов через реку Неву. Кажется, мелочь. Но это такая мелочь, которая может иметь решающее значение на исход вооруженного восстания. Своевременный захват мостов рабочей Красной гвардией не дал возможности Временному правительству оторвать рабочие районы от центра столицы, где сосредоточен государственный

Высадка моряков у Николаевского моста в Петрограде 25 октября 1917 г.

аппарат власти. На основе январских событий 1905 года и исходя из искусства уличной борьбы в большом промышленном центре, пересеченном рекой и каналами, Ленин не забыл этой „мелочи“ в своем плане Октябрьского переворота.

Выбор главных направлений уличной борьбы и выделение лучших частей для выполнения наиболее важных оперативных задач точно также не ускользает из внимания Ленина.

„Выделить **самые решительные** элементы (наших „ударников“ и **рабочую молодежь**, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях“. („Советы постороннего“).

Успех Октябрьского переворота в царской столице, на ряду с другими причинами, зависел также и от наличия оперативного плана вооруженного захвата власти.

План захвата города, план уличной борьбы — есть элементарное требование военного искусства к процессу вооруженного восстания. Без плана вооруженного восстания, все действия, направленные к овладению городом, а значит, и уличный бой, будут протекать стихийно, без руководства и неизбежно превратятся в путч.

При затяжном характере уличной борьбы главное внимание должно быть уделено организации связи и разведки.

Связь это — нервы уличной борьбы. Без связи нет руководства. Связь обеспечивает плановость боевых действий, согласовывает активность мелких соединений и приводит их к общей цели борьбы. Орга-

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Октябрьские дни 1917 года. Донесение комиссара одного из участков.

низация связи в уличной борьбе — вещь крайне трудная. Уметь связать между собою отдельные боевые единицы, организовать взаимодействие боевого процесса в условиях уличного боя — все это требует большой сноровки и большого искусства.

Центральная городская телефонная станция является готовой сетью для связи в условиях уличной борьбы. Захватить, при чем захватить своевременно, телефонную городскую станцию — одна из главных задач борьбы. Опыт Питера и Москвы в октябре 1917 года эту мысль целиком подтверждает. Своевременный захват телефонной станции в Питере дал возможность Военно-Революционному Комитету (ВРК) руководить восстанием планомерно и организованно. С другой стороны, оставление без внимания телефонной станции в Москве создало чрезвычайно трудные условия для революционных войск. Сдача юнкерам Кремля—первое тому доказательство. Кремль был сдан юнкерам 27 октября 1917 года только потому, что у гарнизона Кремля (56 пехотный полк) не было связи с ВРК (телефонная станция к этому времени была занята юнкерами). Провокация и обман, примененные при взятии Кремля юнкерами, были возможны только в силу отсутствия связи. Московский урок забывать не следует. Он подчеркивает всю важность организации связи в уличной борьбе.

Не менее важное значение имеет для уличного боя разведка. Без разведки уличный бой неминуемо будет протекать с повязкой на глазах, втемную и подчас впустую. Разведка — это глаза и уши уличного боя. Из всех форм разведывательной работы в уличном бое наиболее важное значение играет агентура. Тайная разведка в районе, занятом противником, и организация своевременной передачи разведывательных сведений в оперативные центры имеет большое значение для быстрого исхода борьбы с малыми жертвами. Только тогда будет избрано правильное направление для удара, только тогда можно создать оперативный план разгрома противника, когда известно его расположение, намерения и настроение частей. Все это должно быть добыто разведкой. В уличных боях Октябрьского восстания в Москве разведывательная работа получила широкое развитие и сыграла немаловажную роль для организации победы революционных войск.

Разведка и связь в своей работе дополняют друг друга. Без связи, без своевременной передачи разведывательных данных, разведке — грош цена. Связь обслуживает разведку, делает ее осмысленной и полезной. Связь и разведка являются важным отделом тактики уличного боя.

Важное значение для уличной борьбы имеет также вопрос об организации огня. Огневые средства являются решающими в технике уличной борьбы. Наиболее ощутительными огневыми средствами уличного боя служат автомат и ручная бомба. Пулемет — любимец уличных бойцов. Ручная бомба — неизменный их спутник. Большое значение имеет также умелое и искусное использование винтовки.

Успех Октябрьского переворота в царской столице, на ряду с другими причинами, зависел также и от наличия оперативного плана вооруженного захвата власти.

План захвата города, план уличной борьбы — есть элементарное требование военного искусства к процессу вооруженного восстания. Без плана вооруженного восстания, все действия, направленные к овладению городом, а значит, и уличный бой, будут протекать стихийно, без руководства и неизбежно превратятся в путч.

При затяжном характере уличной борьбы главное внимание должно быть уделено организации связи и разведки.

Связь это — нервы уличной борьбы. Без связи нет руководства Связь обеспечивает плановость боевых действий, согласовывает активность мелких соединений и приводит их к общей цели борьбы. Орга-

Комис. 3 участ. Окт. 29 1917 год

Начальнику Штаба

Донесение

[illegible]

Комиссар 3 участка

[illegible]

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Октябрьские дни 1917 года. Донесение комиссара одного из участков.

низация связи в уличной борьбе — вещь крайне трудная. Уметь связать между собою отдельные боевые единицы, организовать взаимодействие боевого процесса в условиях уличного боя — все это требует большой сноровки и большого искусства.

Центральная городская телефонная станция является готовой сетью для связи в условиях уличной борьбы. Захватить, при чем захватить своевременно, телефонную городскую станцию — одна из главных задач борьбы. Опыт Питера и Москвы в октябре 1917 года эту мысль целиком подтверждает. Своевременный захват телефонной станции в Питере дал возможность Военно-Революционному Комитету (ВРК) руководить восстанием планомерно и организованно. С другой стороны, оставление без внимания телефонной станции в Москве создало чрезвычайно трудные условия для революционных войск. Сдача юнкерам Кремля—первое тому доказательство. Кремль был сдан юнкерам 27 октября 1917 года только потому, что у гарнизона Кремля (56 пехотный полк) не было связи с ВРК (телефонная станция к этому времени была занята юнкерами). Провокация и обман, примененные при взятии Кремля юнкерами, были возможны только в силу отсутствия связи. Московский урок забывать не следует. Он подчеркивает всю важность организации связи в уличной борьбе.

Не менее важное значение имеет для уличного боя разведка. Без разведки уличный бой неминуемо будет протекать с повязкой на глазах, втемную и подчас впустую. Разведка — это глаза и уши уличного боя. Из всех форм разведывательной работы в уличном бое наиболее важное значение играет агентура. Тайная разведка в районе, занятом противником, и организация своевременной передачи разведывательных сведений в оперативные центры имеет большое значение для быстрого исхода борьбы с малыми жертвами. Только тогда будет избрано правильное направление для удара, только тогда можно создать оперативный план разгрома противника, когда известно его расположение, намерения и настроение частей. Все это должно быть добыто разведкой. В уличных боях Октябрьского восстания в Москве разведывательная работа получила широкое развитие и сыграла немаловажную роль для организации победы революционных войск.

Разведка и связь в своей работе дополняют друг друга. Без связи, без своевременной передачи разведывательных данных, разведке — грош цена. Связь обслуживает разведку, делает ее осмысленной и полезной. Связь и разведка являются важным отделом тактики уличного боя.

Важное значение для уличной борьбы имеет также вопрос об организации огня. Огневые средства являются решающими в технике уличной борьбы. Наиболее ощутительными огневыми средствами уличного боя служат автомат и ручная бомба. Пулемет — любимец уличных бойцов. Ручная бомба — неизменный их спутник. Большое значение имеет также умелое и искусное использование винтовки.

Успех Октябрьского переворота в царской столице, на ряду с другими причинами, зависел также и от наличия оперативного плана вооруженного захвата власти.

План захвата города, план уличной борьбы — есть элементарное требование военного искусства к процессу вооруженного восстания. Без плана вооруженного восстания, все действия, направленные к овладению городом, а значит, и уличный бой, будут протекать стихийно, без руководства и неизбежно превратятся в путч.

При затяжном характере уличной борьбы главное внимание должно быть уделено организации связи и разведки.

Связь это — нервы уличной борьбы. Без связи нет руководства Связь обеспечивает плановость боевых действий, согласовывает активность мелких соединений и приводит их к общей цели борьбы. Орга-

Начальнику Штаба

Донесение

Комиссар Участка

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Октябрьские дни 1917 года. Донесение комиссара одного из участков.

низация связи в уличной борьбе — вещь крайне трудная. Уметь связать между собою отдельные боевые единицы, организовать взаимодействие боевого процесса в условиях уличного боя — все это требует большой сноровки и большого искусства.

Центральная городская телефонная станция является готовой сетью для связи в условиях уличной борьбы. Захватить, при чем захватить своевременно, телефонную городскую станцию — одна из главных задач борьбы. Опыт Питера и Москвы в октябре 1917 года эту мысль целиком подтверждает. Своевременный захват телефонной станции в Питере дал возможность Военно-Революционному Комитету (ВРК) руководить восстанием планомерно и организованно. С другой стороны, оставление без внимания телефонной станции в Москве создало чрезвычайно трудные условия для революционных войск. Сдача юнкерам Кремля—первое тому доказательство. Кремль был сдан юнкерам 27 октября 1917 года только потому, что у гарнизона Кремля (56 пехотный полк) не было связи с ВРК (телефонная станция к этому времени была занята юнкерами). Провокация и обман, примененные при взятии Кремля юнкерами, были возможны только в силу отсутствия связи. Московский урок забывать не следует. Он подчеркивает всю важность организации связи в уличной борьбе.

Не менее важное значение имеет для уличного боя разведка. Без разведки уличный бой неминуемо будет протекать с повязкой на глазах, втемную и подчас впустую. Разведка — это глаза и уши уличного боя. Из всех форм разведывательной работы в уличном бое наиболее важное значение играет агентура. Тайная разведка в районе, занятом противником, и организация своевременной передачи разведывательных сведений в оперативные центры имеет большое значение для быстрого исхода борьбы с малыми жертвами. Только тогда будет избрано правильное направление для удара, только тогда можно создать оперативный план разгрома противника, когда известно его расположение, намерения и настроение частей. Все это должно быть добыто разведкой. В уличных боях Октябрьского восстания в Москве разведывательная работа получила широкое развитие и сыграла немаловажную роль для организации победы революционных войск.

Разведка и связь в своей работе дополняют друг друга. Без связи, без своевременной передачи разведывательных данных, разведке — грош цена. Связь обслуживает разведку, делает ее осмысленной и полезной. Связь и разведка являются важным отделом тактики уличного боя.

Важное значение для уличной борьбы имеет также вопрос об организации огня. Огневые средства являются решающими в технике уличной борьбы. Наиболее ощутительными огневыми средствами уличного боя служат автомат и ручная бомба. Пулемет — любимец уличных бойцов. Ручная бомба — неизменный их спутник. Большое значение имеет также умелое и искусное использование винтовки.

Успех Октябрьского переворота в царской столице, на ряду с другими причинами, зависел также и от наличия оперативного плана вооруженного захвата власти.

План захвата города, план уличной борьбы — есть элементарное требование военного искусства к процессу вооруженного восстания. Без плана вооруженного восстания, все действия, направленные к овладению городом, а значит, и уличный бой, будут протекать стихийно, без руководства и неизбежно превратятся в путч.

При затяжном характере уличной борьбы главное внимание должно быть уделено организации связи и разведки.

Связь это — нервы уличной борьбы. Без связи нет руководства Связь обеспечивает плановость боевых действий, согласовывает активность мелких соединений и приводит их к общей цели борьбы. Орга-

Комис. 3 участка
Окт. 29
1917 год

Начальнику Штаба

Донесение

[illegible]

[illegible]

Комиссар 3 участка
[illegible]

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Октябрские дни 1917 года. Донесение комиссара одного из участков.

низация связи в уличной борьбе — вещь крайне трудная. Уметь связать между собою отдельные боевые единицы, организовать взаимодействие боевого процесса в условиях уличного боя — все это требует большой сноровки и большого искусства.

Центральная городская телефонная станция является готовой сетью для связи в условиях уличной борьбы. Захватить, при чем захватить своевременно, телефонную городскую станцию — одна из главных задач борьбы. Опыт Питера и Москвы в октябре 1917 года эту мысль целиком подтверждает. Своевременный захват телефонной станции в Питере дал возможность Военно-Революционному Комитету (ВРК) руководить восстанием планомерно и организованно. С другой стороны, оставление без внимания телефонной станции в Москве создало чрезвычайно трудные условия для революционных войск. Сдача юнкерам Кремля—первое тому доказательство. Кремль был сдан юнкерам 27 октября 1917 года только потому, что у гарнизона Кремля (56 пехотный полк) не было связи с ВРК (телефонная станция к этому времени была занята юнкерами). Провокация и обман, примененные при взятии Кремля юнкерами, были возможны только в силу отсутствия связи. Московский урок забывать не следует. Он подчеркивает всю важность организации связи в уличной борьбе.

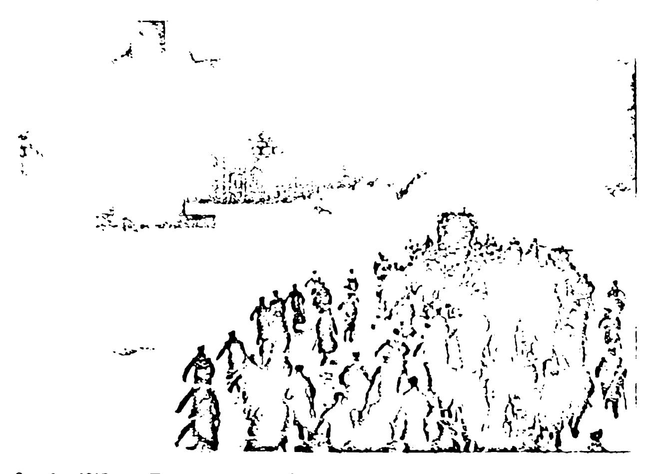
Не менее важное значение имеет для уличного боя разведка. Без разведки уличный бой неминуемо будет протекать с повязкой на глазах, втемную и подчас впустую. Разведка — это глаза и уши уличного боя. Из всех форм разведывательной работы в уличном бое наиболее важное значение играет агентура. Тайная разведка в районе, занятом противником, и организация своевременной передачи разведывательных сведений в оперативные центры имеет большое значение для быстрого исхода борьбы с малыми жертвами. Только тогда будет избрано правильное направление для удара, только тогда можно создать оперативный план разгрома противника, когда известно его расположение, намерения и настроение частей. Все это должно быть добыто разведкой. В уличных боях Октябрьского восстания в Москве разведывательная работа получила широкое развитие и сыграла немаловажную роль для организации победы революционных войск.

Разведка и связь в своей работе дополняют друг друга. Без связи, без своевременной передачи разведывательных данных, разведке — грош цена. Связь обслуживает разведку, делает ее осмысленной и полезной. Связь и разведка являются важным отделом тактики уличного боя.

Важное значение для уличной борьбы имеет также вопрос об организации огня. Огневые средства являются решающими в технике уличной борьбы. Наиболее ощутительными огневыми средствами уличного боя служат автомат и ручная бомба. Пулемет — любимец уличных бойцов. Ручная бомба — неизменный их спутник. Большое значение имеет также умелое и искусное использование винтовки.

Однако, совершенно исключительное значение играет в уличной борьбе артиллерия. В Октябрьские дни 1917 года в Москве, да и в Питере, одну из решающих ролей сыграла именно артиллерия.

Артиллерийские выстрелы из Петропавловской крепости и с крейсера „Аврора" создали перелом к атаке Зимнего дворца, как последнего редюита Временного правительства. Участие 1 запасной артил-

Октябрь 1917 г. в Петрограде. Атака Зимнего дворца со стороны Дворцовой площади.

лерийской бригады на стороне революционных войск в Москве имело не меньшее значение в исходе восьмидневной уличной борьбы. Подавление восстания левых эсеров в Москве было также решено артиллерией. Несколько метких артиллерийских выстрелов прямой наводкой в штаб Попова вызвали панику и бегство лево-эсеровского центра.

Искусство использования огня в условиях уличного боя — дело несколько более сложное, нежели в полевых условиях. Наблюдение затруднено. Сектор обстрела сужен. Передвижение и выбор позиции чрезвычайно своеобразны. Районы мертвых пространств значительны. В этих условиях организация огня должна иметь свой план, свое организованное и осмысленное оформление. Как общее правило, организация огня в условиях уличного боя должна быть построена на принципе фланкирования и косоприцельной установки. Только при построении огневого мешка можно добиться в уличной борьбе максимального эффекта и наибольшей поражаемости.

Фортификация и маскировка — следующие отделы тактики уличного боя. Фортификационные сооружения облегчают процесс уличной борьбы, в особенности при затяжном его характере.

Баррикада имеет значительный стаж в истории революционной борьбы. Однако, на одной баррикаде уличной, серьезной, затяжной борьбы не построишь.

Во-первых, в условиях современной тактики баррикада служит скорее препятствием для движения конницы, артиллерии и бронемашин противника, нежели средством для прикрытия бойцов. Бойцы располагаются и маскируются так, чтобы вести боевую защиту баррикады, отнюдь не находясь непосредственно на баррикадах, а располагаясь в лежащих по обе стороны улицы жилых помещениях.

Организация пулеметного гнезда, маскировка артиллерийских позиций от воздушной и земной разведки, маскировка живой силы — все эти задачи играют свою роль, и выполнение их лежит на фортификации и на искусстве маскировки.

Уличный бой в промышленных городах будет играть большое значение в будущей вооруженной борьбе. Решающее значение уличная борьба будет приобретать при вооруженном восстании с целью захвата государственной власти. Гражданская война на Западе немыслима без уличной борьбы в промышленных городах, и в столицах в первую голову.

Уличный бой есть выражение гражданской войны внутри города.

Менее важное, но все же крупное значение будут иметь формы уличной борьбы при действиях регулярной армии. Революционно-классовая война, при непосредственно-революционной ситуации на Западе, неминуемо будет сопровождаться методами гражданской войны в городах. Гражданская война в городах и есть уличный бой между классами, населяющими город.

Шанхай — живой злободневный пример. Национальная армия Кантона не взяла Шанхая. Его захватили шанхайские рабочие, а затем открыли ворота в Шанхай для национальной армии.

За изучение тактики уличного боя необходимо приняться серьезно. Учет опыта войны 1917—20 года в России—залог успешной проработки этого вопроса.

Р. А. ЭСТРЕЙХЕР-ЕГОРОВ

М. В. ФРУНЗЕ И УЧЕНИЕ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ КЛАССОВОЙ ВОЙНЕ

„... наши противники вряд ли дадут нам возможность мирного социалистического строительства, которое несет угрозу самому существованию капитализма. А поэтому наша задача — последовательно и неуклонно готовить условия нашей победы.

Важнейшим из этого ряда условий является надлежащим образом поставленная и направленная работа наркомпросов Союзных республик. В результате этой работы армия должна получить культурно-грамотного и политически воспитанного воина-гражданина. Когда это будет достигнуто, то это на $^9/_{10}$ предрешит исход любого грядущего столкновения".

(М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. II, стр. 100).

Взгляды на ведение войны после опыта мировой и гражданской войн сильно изменились в сравнении с ранее существовавшими.

Раньше считалось нерушимой аксиомой мнение, что военное ведомство является единственным органом, обязанным нести заботу за подготовку обороны страны, изыскивающим в таинственной атмосфере штабных кабинетов те пути, которые должны были лечь в основу организации побед на будущих фронтах.

Равным образом считался неизменным принципом взгляд, что постоянная армия является наиболее крепкой и надежной формой строительства вооруженных сил, способных драться в большой войне за интересы господствующего в стране класса.

К подобным же заблуждениям следует отнести и мысль, что современную большую войну можно закончить одним сокрушительным ударом при помощи одних только сил и средств, накопленных для войны в мирное время. В соответствии с последним взглядом весь план войны был построен, главным образом, на расчетах возможно грандиозного мобилизационного взрыва в начале войны, возможно быстрого направления на фронт многочисленных потоков поездов и принятия правильной группировки сил на фронте, предопределяющей путь будущей победы.

Но дорого поплатились во время мировой войны воюющие стороны за свои ошибки. После истечения первых месяцев маневренного периода войны, настал, никем из военных теоретиков отчетливо не пред-

виденный, позиционный период, в возникновении коего немалую роль сыграло истощение запасов снарядов у обеих сторон [1]).

Оказалось, что генеральные штабы обеих сторон не учли в своих планах развития новых факторов, влияющих на ход войны. Они не учли значения усилившейся техники и возросших производственных возможностей страны, дававших возможность питать войну, в процессе последней, нарастающими усилиями развертывающейся промышленности, доставляющей невиданное дотоле количество средств разрушения, исключительной мощности. Война из скоротечного поединка сил превратилась в состязание техники и машин [2]), во много раз увеличивающих сопротивляемость живой силы и тем самым затягивающих темп войны. Последнее обстоятельство влияло в дальнейшем на количество вовлекаемых в вооруженную схватку живых сил. Кадровые армии быстро истощились вначале войны и им на смену выступил серый, подлинный народ, не отшлифованный в длительной казарменной муштровке, живущий запросами и нуждами, приносимыми им с глубокого тыла в атмосферу фронта.

Мировая война показала, что факторы, с которыми приходится иметь дело на фронте, сильно осложнились. Прежние рецепты военного искусства, приготовленные в мастерских войн времен Наполеона и Мольтке, не могли больше охватить бесчисленных новых связей и отношений, выросших на новой производственной и классовой основе. Необходимы стали новые методы подготовки обороны страны. По окончании войны все генеральные штабы принялись за разработку новых путей строительства вооруженных сил и укрепления обороны страны. В основу этих работ был положен момент обеспечения множества сил и массовости средств, необходимых в будущей войне.

Получилась необходимость теоретического осмысления этих новых путей. Более или менее сознательно выростает новая наслойка системы военных наук — учение о войне, отразившаяся, хотя и под иными названиями, в таких трудах, как „Размышления о военном искусстве“ Серриньи, „Стратегия“ Свечина. Из имеющихся взглядов по этому вопросу наиболее чеканным является мнение тов. Тухачевского о необходимости, в виду усложнения военного дела, создания, кроме наук тактики и стратегии, отдельной военной науки — полемостратегии, трактуемой, как высший синтез элементов и факторов, выступающих в подготовке и ведении современной войны,— как учение о войне.

Какое содержание следовало бы вложить в понятие учения о войне? По нашему определению, учение о войне — это наука о сущности войны, о подготовке и наиболее целесообразном использовании сил и средств страны для целей победы. Стратегия должна быть наукой

[1]) Reboul. «Mobilisation industrielle». Часть I, стр. 14.
[2]) См. М. В. Фрунзе. Собр. сочинений. Том III, стр. 252.

о наиболее целесообразном использовании вооруженных сил и средств на театре военных действий, тактика же наукой о наиболее целесообразном использовании вооруженных сил и средств на поле сражения.

Отличия между отдельными слоями военных наук строятся, таким образом, на количественных признаках элементов войны.

Что же нам следует понимать под учением о революционной классовой войне? Полагаем, что эта отрасль науки — более конкретизированная форма учения о войне в условиях данной обстановки Советского государства. Это — увязка общих норм учения о войне с конкретной фазой развития Советского государства и его капиталистического окружения.

М. В. Фрунзе перед назначением командующим войсками Южного фронта (1920 г.).

В лице М. В. Фрунзе мы находим крупного мыслителя в области теоретического оформления основных элементов учения о революционно-классовой войне и одновременно крупного практика в области воплощения в жизнь осознанных им положений. Теоретическая деятельность Фрунзе имела глубоко практический уклон и носила следы серьезной марксистской трактовки, проникающей во все поры его анализа. Всякому практическому начинанию в области укрепления военной мощи Союза предшествовал этап напряженной теоретической проработки изучаемого вопроса, освещения его лучами марксистской диалектики, прежде чем он мог быть поставлен в порядок дня своего осуществления.

Мысль Фрунзе о необходимости разработки высшего синтетического военного учения развивалась постепенно.

Его статья „Единая военная доктрина и Красная армия", помещенная в первом номере журнала „Армия и Революция" в 1921 году, является первой попыткой теоретического оформления учения о революционной классовой войне и первым этапом на пути развития основных положений о подготовке обороны страны. Следующие этапы все более крепнувших и созревающих взглядов по основным военным

вопросам встречаем у Фрунзе в последующие годы, пока эти взгляды, в 1924 и 1925 гг., не приняли вполне законченного вида.

Название единой военной доктрины не было вполне удачным для охвата тех задач, которые поставил перед собой Фрунзе. Последний, отражая недоумевающую критику по этому вопросу на окружном совещании военных работников в 1922 году, заявил:

„Некоторые товарищи находят слово „доктрина" не особенно удачным, так как с ним сразу же связывается представление о чем-то неподвижном, догматическом и шаблонном. Дело, конечно, не в названии; мне тоже кажется, что это слово не особенно правильно и недостаточно отчетливо дает представление о том комплексе идей, которые связаны для меня с понятием о единстве взглядов в армии. От него, действительно, веет чем-то доктринерским, противоположным тому духу творчества, инициативы и активности, которые как-раз должны быть наиболее характерным свойством доктрины нашей армии. Важным представляется существо дела, а оно сводится к следующему: 1) Красная армия должна воспитываться и обучаться на основе единых понятий, единых взглядов по всем вопросам, связанным с ее деятельностью и задачами; 2) это единство должно охватить и пропитать все стороны, все проявления ее жизни и в мирное и в военное время"[1]).

Под единством взглядов М. В. Фрунзе понимал теоретическое закрепление, на основе марксистского анализа, основных положений по всем вопросам обороны страны, обучения, воспитания и строительства Красной армии, а равно по вопросам использования опыта последних войн, в конкретной обстановке развития революции.

Таким образом, М. В. Фрунзе под несовершенной оболочкой названия „единой военной доктрины" развивает мысль о необходимости приведения всего военного дела к одному знаменателю в соответствии с производственным и классовым сост[illegible]ием определенных моментов развития нашего Союза.

Печатные работы и выступления последних лет М. В. Фрунзе дают богатейший материал для построения стройной системы учения о революционной классовой войне.

С узко-военной точки зрения, учение о революционной классовой войне является наукой о подготовке, накоплении и использовании сил и средств страны в целях обеспечения победы над противником в условиях нашей советской действительности. Это учение, как историческое, предполагает конкретные условия времени и места.

Фрунзе, желая определить линию своего практического поведения в области укрепления обороны страны и правильного строительства

[1]) «Материалы окружного совещания 1922 г.», стр. 51.

вооруженных сил,— в ряде своих выступлений настойчиво ставит вопрос о характере будущей войны. В этом отношении он является последователем Клаузевица, который писал: „всякая война должна быть рассматриваема, прежде всего, по вероятности ее характера и общих ее очертаний, основанных на политических величинах и отношениях. Далее... можно сказать... (она) должна быть рассматриваема, как органическое целое, от которого невозможно отрывать его единичные члены. Каждое единичное действие должно сливаться с общим целым, исходить из той же одной идеи. Если припомним все это, то для нас станет вполне ясным и достоверным, что только политика и в праве занять верховное положение, из коего должны исходить главные линии, направляющие войну"[1]).

Фрунзе рисует характер будущей войны следующим образом:

„Первым элементом, который определяет собой характер будущей войны, которую будет вынужден вести СССР, является ее особая социально-классовая природа. **Та война, которую мы будем вести, не будет являться войной национальной. Она будет революционно-классовой войной. Это означает, что наша армия будет драться не за интересы нации, взятой в целом, будет драться не за то, чтобы захватить, посягнуть на достояние какого-нибудь другого народа, а за то, чтобы обеспечить завоевания нашей революции от покушений внутренних и внешних классовых врагов пролетариата.** Этот момент отражается на всем нашем строительстве. Именно он определяет классовый рабоче-крестьянский характер нашей армии. Он пронизывает всю систему нашей организации, находит свое отражение в методах обучения и воспитания армии и в целом ряде других практических выводов"[2]).

В другом месте читаем:

„В основе нашей экономической и политической организации и организации буржуазных государств лежит глубокое, непримиримое противоречие, и это противоречие, раз оно начнет разрешаться военными методами, приведет к острому, глубокому и, **по всей вероятности, затяжному столкновению.** Последний момент связан с тем, что во-первых, мы, сам наш Союз, представляем довольно серьезную величину как с точки зрения численности населения, так и с точки зрения экономических ресурсов, а с другой стороны, мы будем иметь против себя весь или значительную часть буржуазно-капиталистического мира, который, в свою очередь, может выставить против нас

[1]) Клаузевиц. „Война", том II, стр. 339. Перевод Войде.
[2]) М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Том III, стр. 250.

огромные силы. Вот почему, когда дело дойдет до серьезного столкновения, то вряд ли оно сможет окончиться в короткий промежуток времени нанесением сокрушительного удара“[1]).

В приведенных выдержках выражена наиболее существенная часть взглядов Фрунзе на будущую войну. Из них вытекают следующие выводы:

План современной войны включает, как одно из его существеннейших звеньев, мирную подготовку элементов войны. Эта подготовка предопределяет собой окончательный успех войны. Этот момент принимался во внимание и в подготовке прежних войн, но не в таком всеохватывающем размере. Если войны до-империалистического периода поглощали, главным образом, законченные подготовкой еще в мирное время ресурсы (мобилизационные запасы), то современные войны требуют не столько подготовки мобилизационных запасов, сколько потенциальных ресурсов, приспособленных к последовательному поглощению в самом процессе войны.

По своему внутреннему существу, процесс войны в современных условиях является длительным актом накопления перевеса сил для решительного удара против истощившего ранее свои боевые ресурсы противника. Этот акт накопления проходит через путь истощения баз обеих сторон, что является характернейшим критерием современной большой войны. Чем богаче и емче базы воюющих сторон, тем длительнее самый процесс войны.

Фрунзе, говоря о необходимости напряжения всего рабоче-крестьянского тыла для обеспечения нужд будущих наших войн, совершенно правильно указывает:

„Когда стратегия сокрушения обанкротилась, когда первые оперативные планы, рассчитанные на то, чтобы нанести сразу сокрушительный удар противной стороне, не увенчались успехом, когда стратегия сокрушения заменилась стратегией истощения,—тогда все государства и, в первую очередь, военные аппараты должны были поставить перед собою вопрос о привлечении к делу обороны решительно всех сил и средств тыла. Это подтверждает тот же самый опыт, когда на осуществление этой задачи, в связи с неподготовленностью к ней военного аппарата и аппарата гражданского, ушло очень много времени. Эти данные мы должны учесть для того, чтобы в момент будущего военного столкновения не оказаться в положении неподготовленных. Теперь же, еще в мирное время, мы должны создать все условия, которые обеспечили бы организацию нашего тыла, в самом широком смысле этого слова, т.-е. обеспечили бы мобилизацию всех сил и всех ресурсов страны“[2]).

[1]) М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Т. III, стр. 251.
[2]) Там же, стр. 133.

Сокрушительный характер скоротечных наполеоновских войн, как и войны франко-прусской в 1870 году, об'ясняется, с одной стороны, отсутствием в те эпохи достаточно насыщенной материальной базы для длительного воспроизводства процессов вооруженного насилия на театре военных действий, с другой же — решительным превосходством сил победителей. План войны, разработанный Мольтке, тоже базировался на реализации колоссального перевеса сил тогдашн Пруссии над противником.

Фрунзе, предсказывая затяжной темп войны, исходил из соображений емкости баз обеих сторон, долженствующих в будущей войне получить дальнейшее расширение и углубление, вследствие усиления техники и дальнейшего роста производительных сил страны. Вставая на такую точку зрения, он проявил глубокое понимание основных моментов будущей войны.

Но было бы большой ошибкой, исходя из одного лишь затяжного темпа войн различных эпох, отождествлять стратегическую линию, применявшуюся во времена Фридриха, с линией, проводимой в современных войнах. Причины этой затяжности войн в различные эпохи различны; равным образом различны методы практической линии поведения полководцев указанных эпох.

Как не парадоксально кажется это на первый взгляд, — по существу, длительность войн эпохи Фридриха об'ясняется небольшими сравнительно наемными армиями, выставляемыми обеими сторонами на поля сражения и трудно пополняемыми в процессе войны. Равным образом длительность об'ясняется крайней скудостью тогдашних баз и слабой их приспособленностью к служению целям войны. Трудности финансирования войны и небольшие размеры боевых ресурсов вызывали своеобразную „стратегию утомления". Она заключалась в стремлении у обеих сторон сохранить свою живую силу и проводилась путем беспрерывных маневров на тылы противника, осад крепостей и уклонения от больших кровопролитных боев. Это была стратегия сохранения живой силы, и все моменты ведения войны были проникнуты этим мотивом.

Клаузевиц определил стратегию того времени названием стратегия утомления, включая в это понятие кроме вышеуказанных моментов и ограниченную целевую установку войн того времени [1]). Последнее вытекало не только из об'ективных военно-материальных условий того времени, но также из узких политических мотивов кабинетных войн.

Затяжность современной войны об'ясняется другими мотивами. Здесь нет стратегии ограниченных целей, бескровных операций и утомительных маневров по тылам противника. Здесь, стратегия истощения

[1]) См. Клаузевиц — „Война", том II, стр. 319. Перев. Война.

в процессе войны богатейших ресурсов уже не одних армий, но и целых стран. Стратегия сокрушения и истощения, по Фрунзе, являются синонимами темпа войн и масштаба ресурсов, вовлекаемых в круговорот войны. Цели сокрушительных и истощительных войн близки; они решительны, но темп войн и масштаб вовлекаемых средств различен. Если в эпоху Наполеона одно сражение иногда решало войну, то в современную эпоху уже не достаточно одних сражений, но необходим целый ряд длительных кампаний, включающих в свою очередь целый ряд сражений.

Из вышесказанного следует, что привившееся в нашей русской военной литературе определение стратегии измора для обозначения практических линий поведения полководцев двух различных эпох — Фридриха и современной — не отвечает конкретному содержанию действительности: оно носит в себе зародыш постоянных теоретических споров и недоумений. Более отвечает современной действительности название стратегии истощения, принятое М. В. Фрунзе; оно должно войти в научный обиход, с целью точного размежевания различных линий поведения.

Такое толкование стратегии сокрушения и истощения имеет крупное значение для практики.

Из него вытекают следующие выводы:

1. При наличии непримиримых противоречий, лежащих в основе вооруженных столкновений двух взаимно исключающихся систем, цели будущей войны, которую навяжет капиталистический мир нашему Союзу, будут решительны. Для одной стороны целью будет уничтожение диктатуры пролетариата, для другой же — сохранение завоеваний революции, а при благоприятных условиях, ее дальнейшее развитие.

Оборонительный характер революционно-классовой войны не исключает, а даже обязывает, при соответствующем соотношении сил, к применению наступательных, с узко-военной точки зрения, методов. Здесь не безынтересно будет отметить слова Ленина, высказанные им в полемике с Мартовым на VIII С'езде Советов: „Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагали, что мы н[illegible]да не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками".

Таким образом, оборонительный характер революционно-классовой войны не исключает возможности в процессе таковой „нести на штыках" социализм, при наличии такой обстановки, когда угнетаемые массы других стран воспримут это „вмешательство", как братскую помощь.

2. При всеоб'емлющем характере будущей войны организация вооруженных сил страны должна строиться на таких началах, чтобы при

минимальных кадрах Красной армии обеспечить боевое обучение и воспитание максимального количества людского материала.

3. Центр тяжести по укреплению обороноспособности страны „должен отныне все более перемещаться в гражданские органы... Красная армия в своем теперешнем виде представляет только ядро для организации необходимых для войны миллионных масс. Обеспечить жизнь и успешную работу этих масс можно только при условии напряженной, систематической и планомерной работы по заблаговременной подготовке к этому всего гражданского и хозяйственного аппарата СССР“ [1]).

Время монопольного права военного ведомства на организацию обороны страны безвозвратно кануло в прошлое. В современных условиях подготовки обороны эта задача по плечу только коллективным усилиям всего государственного аппарата. Военное ведомство занимает в нем ограниченное место и ведет только ограниченную часть работ в указанной области.

Прав Фрунзе, когда он утверждает:

> „Мы теперешнее военное ведомство, теперешний аппарат Красной армии, должны рассматривать только как одну из спиц общего военного колеса.
>
> Эта будущая большая работа должна начаться с разработки соответствующих мобилизационных планов хозяйства страны, с проведения соответствующих подготовительных хозяйственных начинаний и мероприятий и должна закончиться проведением милитаризации во всей нашей советской работе, начиная от хозяйства и кончая народным просвещением.
>
> Употребляя слово „милитаризация“, я, конечно, понимаю его не в буквальном, узком смысле слова. Это не значит, что везде и всюду нужно прививать военные методы и навыки, нашу военную дисциплину,— словом, то, что можно охарактеризовать словом „военщина“. Это значит только, что при любом нашем государственном начинании руководители и инициаторы этого начинания увязывали бы его с задачами обороны страны. Только при таком подходе к делу мы сможем достичь достаточно высокой обороноспособности страны, несмотря даже на те сравнительно жалкие ресурсы, которые государство может уделять военному делу, и сможем не бояться любой военной задачи, которая встанет перед нами“ [2]).

Интересы укрепления обороны страны требуют выработки у гражданских работников известного военного чутья при всяких предпринимаемых ими хозяйственных и культурно-просветительных начинаниях:

---

[1]) М. В. Фрунзе Собрание сочинений. Том II, стр. 109.
[2]) Там же, стр. 30.

Всякий мельчайший шаг в последней области должен ими расцениваться и с точки зрения пользы, приносимой в известной доле общему делу обороны.

Эта область содействия гражданских органов поднятию обороны страны может вылиться конкретно в многообразнейшие формы практического применения. Сюда следует отнести вопросы накопления разнороднейших запасов (помимо узко-военных, необходимых на первых порах стратегического развертывания армии), как, например, накопление топлива в необходимом количестве органами НКПС на железнодорожных станциях, лежащих на главных направлениях развертывания армии, соответствующая дислокация складов хлеба с учетом потребностей военного времени и т. д. Вопрос дислокации и эшелонирования в глубину важнейших центров промышленности должен быть сообразован с интересами обороны. Все эти пути, ведущие к координации повседневных функций государственных органов и производственных актов самого населения с вопросами усиления обороны страны, охватываются одним названием **военизации**.

Военизация гражданских органов может вылиться не только в области внедрения в мирную экономику элементов военно-мобилизационной готовности, но и найти свое осуществление в расширенном строительстве Красной армии.

Фрунзе по этому поводу говорит:

„Программу нашей военной работы мы должны будем пересмотреть под углом зрения освобождения военного ведомства от всех обязательств и всех задач, которые могут быть осуществлены гражданскими органами. При теперешнем числе едоков и при теперешнем количестве наших войсковых единиц мы не можем пропустить через армию всего контингента лиц, подлежащих обучению. Здесь должна притти на помощь вневойсковая подготовка. То же самое относится к подготовке командного состава армии. Того, что могут дать наши военные школы, абсолютно недостаточно для цели большой войны, и тут на помощь армии должен притти Наркомпрос. Ему надлежит в ближайшее время озаботиться вопросом о соответствующей постановке дела образования в нашей высшей и средней гражданских школах.

Эта линия строительства усвоена сейчас всеми крупными буржуазными странами. Везде и всюду бюджетные соображения в первую очередь толкают государства к тому, чтобы изыскивать дешевые пути подготовки командного состава во вневойсковом порядке“ [1]).

Крупнейшие задачи по пропагандированию военизации среди населения и государственных органов и по распространению военных

[1]) М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Том II, стр. 135.

знаний и навыков, возлагаются на широкую сеть общественной организации — Осоавиахима.

4. Понятие мобилизации расширяется.

„Когда мы употребляем теперь слово „мобилизация", мы под этим не будем понимать мобилизацию армии, как таковой, мобилизацию личного состава, обмундирование его, перевозки и т. п. Нет, понятие мобилизации в том смысле, в котором это теперь вызывается нашим представлением о будущей большой войне, распространяется на весь наш рабоче-крестьянский тыл,— оно должно охватить все наше хозяйство в целом, оно должно охватить наше просвещение и т. д., и т. д. Только в этом смысле слова мы должны научиться сами употреблять теперь понятие мобилизации и должны к этому же пониманию мобилизации приучить всех наших гражданских работников" [1]).

5. В новых условиях подготовки обороны страны крупную роль приобретает наличие общего руководящего государственного центра по дозировке и нормировке усилий отдельных наркоматов, увязка функций военведа в области его оперативных мероприятий с хозяйственными программами гражданских госорганов и согласованию военно-мобилизационных планов с планами промышленных мероприятий.

„Теперешний СТО на новой схеме, выработанной Реввоенсоветом и в принципе уже принятой нашим правительством, должен превратиться в орган хозяйственного руководства. Что же касается вопросов обороны, то они должны рассматриваться в новом органе, в новом совете, который так же, как и СТО, должен обладать соответствующими правами и должен находиться непосредственно при Совнаркоме нашего Союза.

Эта реформа, несомненно, поможет нам сдвинуть с мертвой точки разработку мобилизационного плана, охватывающего всю страну, и тем самым позволит нам с гораздо большей твердостью и уверенностью встретить возможные военные осложнения" [2]).

В другом месте читаем:

„Мы уже теперь должны будем наметить такие условия, которые позволили бы нам в момент мобилизации сразу перейти на военное положение всем фронтом и не только фронтом военным, но и гражданским" [3]).

Переходя к изложению взглядов Фрунзе относительно основных баз войны, нам бы хотелось в первую очередь остановиться на оценке роли и места территориальных формирований в общей системе вооруженных сил нашего Союза. В области теоретического оформления путей развития и практического воплощения в жизнь общих предначертаний

[1]) М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Том III, стр. 133.
[2]) Тоже. Том II, стр. 29.
[3]) Там же, стр. 135.

по вопросам терстроительства, выраженных в соответствующих постановлениях партийных с'ездов, Фрунзе оказался величайшим мастером.

В то время, когда часть наших, порой и самых ответственных, военных работников относилась скептически в оценке целесообразности территориально-милиционной системы в наших конкретных условиях. Фрунзе без колебания выступил как горячий защитник новой системы.

Исходя из оценки социально-политической сущности нашего Союза и характера будущей войны, требующей от нашей страны подготовленных многомиллионных резервов для действующей армии на фронте, Фрунзе пришел к выводу, что в конкретных условиях нет другого выхода в организации армии, как решательный переход к строительству, основанному на сочетании принципов постоянной кадровой и милиционной системы.

Главными мотивами к этому мнению служили следующие моменты:

1) Численно ограниченный состав Красной армии, построенной исключительно на началах кадровой системы, не в состоянии пропустить через свои ряды всего годного к военной службе годичного контингента военнообязанных. А равным образом такая армия не в состоянии по недостаточному количеству войсковых единиц стать единственной основой по развертыванию боевых единиц в количестве, требуемом оперативными соображениями[1]).

2) Увеличение численного состава армии, построенной на кадровых началах, до размеров, обеспечивающих пропуск вышеозначенного контингента, встречает неопреодолимые препятствия к своему осуществлению по причине ограниченных финансовых возможностей, предоставленных военному ведомству, а равно и по принципиальным политическим соображениям: крупная постоянная армия служила бы опасным предлогом агитации против нас со стороны наших врагов, в других странах, на тему якобы развиваемого нами „красного империализма“[2]).

3) Единственным выходом из указанного положения является постепенный переход в строительстве Красной армии на все более обширные рельсы милиционной системы, расширяя последнюю по мере:

а) роста нашей социалистической экономики и коллективных форм хозяйства в деревне, как основ укрепления внутренней спайки и дисциплины в частях.

б) роста культурности и грамотности трудовых масс в деревне;

в) развития советской общественности в деревне, направленной на поднятие боевых и политических качеств переменников;

г) накопления слоя хорошо подготовленных лиц младшего командного состава, способных, с одной стороны, выполнить роль проводников смычки между рядовой массой переменников и кадровым соста-

[1]) См. М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Том III, стр. 263.
[2]) Там же, стр. 137.

Тов. Фрунзе производит смотр вновь сформированной Татарской бригады в мае м-це 1919 г. в Самаре. Рядом с тов. Фрунзе начснаб т. Фрейганг, дальше — комбриг Татарской т. Ибрагимов (в пилотке), инспектор артиллерии Туркфронта т. Радкевич, нач. Упраформа т. Быховский (в буденовке), последний сзади т. Добровольский, инспектор пехоты Туркфронта. После смотра бригада была брошена на фронт к Бугуруслану.

вом милиционных частей, а с другой — служить организующим центром советской общественности в деревне[1]);

д) укрепления связи военных работников с партийными и советскими низовыми органами на началах общей ответственности за линию воспитания и уровень боевой подготовки терармейцев, прикрепленных к данному территориальному округу[2]).

4) Учитывая большие пространства Союза и трудность быстрого сосредоточения многомиллионных масс на фронте, является целесообразным сохранение в составе Красной армии известной части боевых единиц на кадровых началах, как армии прикрытия в начале войны.

5) Строение Красной армии на смешанных началах, с сильным преобладанием милиционных, позволяет, за счет ограничения кадрового состава частей, сильно увеличить количество боевых единиц в соответствии с оперативными планами.

6) Большая ценность терформирований, кроме выше отмеченных моментов, заключается в приближении аппарата армии к производственным процессам трудовых масс и сравнительно недолгосрочном отрыве переменников, в целях обучения, от семейных очагов[3]).

Касаясь политических гарантий милиционной системы, Фрунзе указывает на несостоятельность имевшихся по этому вопросу колебаний. Желая найти ответ, Фрунзе углубляется в марксистский анализ политической сущности нашего Союза и констатирует:

> „Но следует иметь в виду, что такая постановка вопроса одинаково верна и по отношению к кадровым дивизиям, ибо одни их кадры без мобилизационного запаса выйти не могут.
>
> По существу же эта постановка вопроса не выдерживает никакой критики.
>
> Мы — государство рабоче-крестьянское с руководящей ролью рабочих. Вся мощь государства, в том числе и военная, держится на союзе, взаимной поддержке этих классов. Разрыв нашего союза означал бы и разрыв всей советской системы. Ни править государством, ни тем более воевать без крестьян и против крестьян рабочий класс не сможет. И здесь не поможет никакая система, никакие организационные выкрутасы. Это — азбука для всех и каждого и в коммунистической партии и в самых широких массах рабочего класса. Мы строим государство на завоевании доверия масс, на укреплении смычки основных сил страны — рабочих и крестьян... На этих путях нам нечего опасаться раз-

[1]) См. М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Том III, стр. 278.
[2]) Там же, стр. 279.
[3]) Там же, стр. 293.

> рыва в лагере трудящихся: нечего бояться и того, что крестьянство не выполнит своего долга перед рабоче-крестьянским отечеством. В час испытаний милиционные рабоче-крестьянские полки, несомненно, окажутся не хуже кадровых. Нужно лишь быть верными заветам Ильича"[1]).

Рассматривая вопрос, на чем должна базироваться крепкая дисциплина в Красной армии, Фрунзе, как испытанный ленинец, исходя из основ, на которых зиждется дисциплина в коммунистической партии, находит правильный ответ:

> „Первое условие — это самоотверженность и стойкость командного и политического состава: второе условие — сохранение живой органической связи этого командного состава с красноармейской массой, и третье — чтобы эта красноармейская масса видела на практике, на деле, правильность нашего руководства. Только наличие этих условий дает ту почву, на которой боевое воспитание армии принесет должные результаты и приведет к созданию крепкой, сплоченной, сознательной, революционной, дисциплинированной вооруженной силы.
>
> Только идя этим ленинским путем, мы сможем получить настоящую, крепкую, железную дисциплину в рядах Красной армии.
>
> Сказанное не исключает, конечно, необходимости применения некоторых элементов того, что у нас называют муштровкой. Опыт говорит, что не все военные работники умеют правильно подходить к вопросам дисциплины; у нас нередко наблюдается отношение к военной выправке, дисциплине строя, внешнему порядку, как к чему-то вредному, не революционному и ненужному. Это — абсолютная чепуха. Внутренняя сознательная дисциплина должна обязательно проявиться и во внешнем порядке. Добиваться этого порядка мы должны, и здесь совершенно неизбежны известные элементы муштры и административного нажима. Слово „муштра" многим кажется страшным, но это в значительной степени предрассудок. Сейчас приходится часто отмечать, что необходимой дисциплины строя у нас нет, а она, безусловно, должна иметь место. **Ленинский подход не в том, чтобы пренебрегать необходимыми внешними элементами дисциплины, а в том, чтобы эти внешние элементы не делать основою дисциплины**".

Приведенные выдержки ярко доказывают насколько советский военный работник должен владеть оружием ленинской критики, чтобы суметь решить любые вопросы жизни Красной армии.

Значение политической базы страны в общем сочетании факторов, влияющих на исход войны, общеизвестно. Гинденбург когда-то

[1]) М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Том III, стр. 290.

высказался, что в войне побеждает та сторона, которая обладает более крепкими нервами. Крепость революционно-пролетарских нервов берет свое начало от широкого доверия масс к коммунистической партии, как к своему вождю. Революционно-классовая база нашей страны выходит далеко за пределы Союза и охватывает лучшие слои трудовых масс других стран. В то же время нельзя закрывать глаза на то, что против нас будет действовать единый фронт внутренней и внешней контр-революции. Это усиливает до известной степени и политические рессурсы нашего противника. Но в конечном итоге будут решать массы. Правительство, не пользующееся доверием широких народных масс, не может ожидать победы, какие бы надежды оно не возлагало при ведении войны на губительную силу новой военной техники.

Интересно привести взгляд Фрунзе по данному вопросу:

„Мы должны будем сказать, что все-таки решающая роль принадлежит не технике,— за техникой всегда находится живой человек, без которого техника мертва.

Та сторона, которая будет обладать подготовленным во всех отношениях людским составом, составом, который имеет правильное представление о роли техники, об ее истинном значении и силе. никогда не будет подавлена техническим превосходством врага. Хотя и слабее вооруженная технически, она будет вполне способна драться, ибо в конечном счете решающее слово все же останется за человеком. По моему мнению, в области оценки материальной техники многими делается слишком большой перегиб. Конечно, недооценивать роль техники крайне опасно, но и позволить доводить себя до гипноза перед ней тоже нельзя“.

Возможности использования материальной базы находятся в прямой зависимости от состояния базы политической. Как, с одной стороны, факторы политические могут влиять умножающим образом на силу оружия через посредство человека, им владеющего, так, с другой, эти факторы могут свести ту же силу к нулю.

Наконец, нам придется остановить внимание на роли и значении территории среди общих факторов современной войны. Территория в качестве базы войны выполняет ряд функций.

В первую очередь она является носителем всех положительно ресурсов страны. В связи с этим обе стороны заинтересованы в сохранении целости своей территории и в переносе борьбы за пределы таковой. Последнее стремление обусловливается также и тем обстоятельством, что захват территории противника при дальнейшем развитии угрожает уничтожением основных питающих центров войны и отнятием у противной стороны возможностей дальнейшей обороны. С этой точки зрения **размер** территории играет громадную роль. Он позволяет отодвинуть, по возможности глубоко в тыл от действующего фронта, весь

наиболее ценный комплекс жизненных центров, при одновременном глубоком их эшелонировании. История нашей гражданской войны является ярким подтверждением этого положения. Сравнительно большие территориальные потери, которые мы имели в некоторые периоды гражданской войны, не давали, однако, противнику возможности подорвать жизнеспособность Красной армии и всей страны, так как обширность территории Республики позволяла сохранить необходимые питающие центры и продержаться, таким образом, до перехода в наступление и освобождения занятой противником территории.

Наличие довольно обширной периферии, вокруг основной группы жизненных центров страны, облегчает, в значительной степени, широко задуманные маневренные действия. В случае отступления, оно умножает сопротивление обороняющейся стороны, давая возможность выиграть необходимое время для изменения соотношения сил.

Перелом кризиса в соотношении сил наступает благодаря присоединению к армии на одном из тыловых рубежей новых сил или вследствие истощения противника в физическом, материальном или моральном отношении.

Фрунзе обратил внимание на значение большой территории Советского Союза, как на один из крупных факторов обороны страны:

> „Но, к счастью для нас, даже если бы обстановка сложилась очень неблагоприятно для нас, мы имеем целый ряд обстоятельств, которые не допустят возможности быстрой расправы с нами. Здесь в первую очередь мы, помимо союзников во вне, имеем такого мощного союзника, как размеры нашей собственной территории. Надо считать абсолютно исключенной возможность нанесения нам смертельного удара в первый же период кампании при любом количестве врагов, которые выступят против нас.
>
> Вот почему, если дело дойдет до вооруженного столкновения, то ясно, что мы будем иметь перед собой длительную и затяжную борьбу, и из такого рода перспективы мы должны исходить, когда ставим вопрос об укреплении нашей советской мощи об укреплении обороноспособности рабоче-крестьянского государства“ [1]).

Теоретическая деятельность М. В. Фрунзе дает нам крупнейший материал для осмысления нашей текущей военной практики и осознания ближайших путей углубления военной мощи Союза. В рамках статьи трудно охватить весь простор теоретической мысли М. В. Фрунзе; поэтому мы ограничили нашу задачу извлечением и указанием самых существенных моментов из богатого теоретического наследства, оставленного нам великим вождем.

---

[1]) М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Том III, стр. 113.

М. ТУХАЧЕВСКИЙ

ЗАДАЧИ ОБЩЕВОЙСКОВОЙ ПОДГОТОВКИ [1]

(К новому учебному году)

Мы закончили 1926/27 учебный год. Осенние маневры позволили нам подвести окончательные итоги нашей годовой работе. В программу прошлого учебного года мы не вкладывали большого количества задач. Наоборот, число их было крайне ограничено, чтобы путем сосредоточения на них общих решительных усилий можно было бы наиболее уверенно достигнуть поставленных целей. Эти задачи предполагали прежде всего основательное усвоение армией того тактического ремесла, без которого невозможно никакое тактическое искусство. Прежде всего дело касалось искусства построения боевого порядка и взаимодействия различных составляющих его родов войск. Быстрота развертывания колонн, непрерывное питание боевого порядка, наступательный удар стрелковыми эшелонами из глубины, взаимодействие пехоты и артиллерии—вот основные задачи, которые ставили мы перед собой в области общевойскового обучения армии. К этим основным, узловым пунктам программы, конечно, присоединилось еще большое число различного рода задач, как-то: взаимодействие стрелковых войск с конницей, пехоты и конницы с авиацией, морским флотом и т. д. Но из всех этих задач главнейший учебный удар мы наносили по вышеперечисленным немногим задачам. Со времени окончания гражданской войны, а вернее сказать — и во время гражданской войны,—тактическая сноровка в этих вопросах была нашим слабым местом. Столь же слабой она была и в старой царской армии. Таким образом, нам пришлось преодолеть тяжелую задачу, которая прежде всего требует длительной и методической тренировки войск. Несмотря на это, результаты маневров текущего года показали нам громадные достижения Красной армии в этих вопросах. Напряжение всеобщего внимания, всех сил и средств на этих немногочисленных задачах позволило нам одержать крупнейшие учебные победы в труднейших вопросах тактического воспитания и обучения: быстрота развертывания колонн, искусство построения и питания боевого порядка из глубины в процессе наступательного боя и постоянное взаимодействие пехоты и артиллерии на всем

[1] Актуальность рассматриваемых в статье вопросов и желание (в связи с новым учебным годом) возможно быстрее ознакомить с ними читателей. послужили причиной помещения статьи М. Н. Тухачевского в виде приложения к настоящему № журнала, посвященному десятилетию Октябрьской революции.

Ред.

его протяжении — вот что характеризует состояние нашей подготовки к осени этого года. В нескольких словах наши достижения можно охарактеризовать, как овладение, в основном, тактическим ремеслом общевойскового боя. Это достижение чрезвычайно важно в том смысле, что оно обеспечивает, во-первых, грамотное ведение боя и, во-вторых, проявление высокого тактического искусства и высокой самодеятельности войсковых частей.

Но, определяя таким образом наши учебные достижения, мы абсолютно не должны увлекаться нашими успехами. Ни на одну минуту не можем мы остановиться на достигнутых результатах. Мы ставим перед собою задачи достижения гораздо более высокого уровня тактической подготовки войск. Уровень западно-европейской подготовки мы не считаем пределом наших возможных успехов. Нам необходима трезвая и спокойная оценка наших достижений для того, чтобы наметить новый учебный план наступающего учебного года.

Оценивая результаты истекшего учебного года, необходимо принять в расчет и целый ряд условий организационного порядка. Боевой устав пехоты поступил в войска лишь в начале лагерных сборов. Боевой устав артиллерии появился незадолго до маневров. Только предварительные циркуляры и указания позволили войскам в кратких чертах немного ранее ознакомиться с этими уставами. Вследствие этого на общих войсковых сборах, когда возможно было проработать детально общевойсковую тактику и, в частности, вопросы взаимодействия согласно новых уставов, практически полностью не удалось этого осуществить, и на маневры войска вышли лишь с большим или меньшим знакомством с уставами, но не с основательным их изучением. Все же, несмотря на эти недочеты, Красная армия сумела в основном выполнить тот учебный план, который перед нею был поставлен. Это доказывает нам громадную тактическую жизнеспособность армии, настойчивость и восприимчивость ее начальствующего состава и красноармейцев. Оценка наших достижений без увлечения и преувеличения говорит, что армия усвоила наиболее сложные моменты общевойскового боя, усвоила их во всем разнообразии динамического развития боя. Для того, чтобы с полным эффектом использовать эти достижения, нам необходимо поставить перед собой достижение таких задач, которые давали бы армии возможность использовать все преимущества своих знаний и навыков. Грамотная армия может быть, а может и не быть боеспособной. Не говоря уже о политико-моральном ее уровне, в чисто тактическом отношении грамотная армия только тогда может делать большие дела, когда она во всех своих действиях развивает предельную активность, когда она способна проявлять высшую ступень в тактическом искусстве и когда, наконец, во всей своей деятельности она подчиняется безотка-

зному управлению при любых темпах развития боевого процесса. Гражданская война оставила нам в наследство молодого и энергичного командира. Она оставила нам простое, без прикрас и выкрутасов, тактическое творчество, и лишь в области управления она нам оставила весьма невысокое качество. Однако, современный уровень подготовки армии требует от нашего командного состава резкого повышения качества подготовки по всем трем перечисленным условиям и выдвигает в качестве основных следующие три важнейших задачи: повышение активности командно-политического состава, поднятие на высшую ступень тактического искусства и овладение искусством управления.

Конечно, практическая работа армии не может ограничиваться только этими тремя задачами. На практике мы будем изучать большее число задач: тактика дымовых завес, тактика танков, химия, авиация, работа войскового тыла, дальнейшее усовершенствования взаимодействия пехоты, конницы и артиллерии, окончательное усвоение боевого устава пехоты и артиллерии, 1927 года, и наставления по службе постов воздушной связи и наблюдения, дальнейшее развитие и усвоение методики общевойскового обучения, совместная работа с морским флотом и пр. и пр.—все это должно составить программу общевойскового обучения армии. Но из всего большого числа задач—на этих трех основных мы должны заострить общественное внимание армии и на них сосредоточить основной нажим методики общевойскового обучения. В дальнейшем, попробуем кратко остановиться на этих важнейших наших задачах.

Вполне естественно задать себе вопрос—выполнимо ли развитие активности путем тактического воспитания? Социальный состав армии, ее политико-моральный уровень и пр. могут создать такие условия, когда никакая активность в армии не может быть привита. Австрийская и царская армии в империалистической войне являются тому наглядными примерами. Но когда социальный состав армии делает ее готовой защищать интересы своего государства, а это в первую очередь касается революционных армий с их молодым командым составом, то для развития активности имеются все предпосылки, все достаточные основания. При этом правильная тактическая установка и верная методическая линия могут обеспечить исключительное развитие активности. В частности, для Красной армии развитие активности непосредственно связано с выяснением всего значения тактической самодеятельности, всех тактических преимуществ, проистекающих из смелых решений, всех преимуществ быстроты реагирования на поставленную задачу, быстроты темпа действия и, наконец, упорства в достижении поставленных целей. Эти качества во всей их совокупности и составляют столь необходимую для армии активность.

Развитие самодеятельности прежде всего должно вытекать из понимания ее тактической целесообразности. Наши уставы построены на непременном ее требовании. Обучение войсковых частей и их командиров самодеятельности, или иначе — инициативе и частному почину, должно производиться на ряде тактических тем, которые проходятся с обучаемыми прежде всего на ящике с песком, на плане или карте и на местности. Разумеется, для проявления самодеятельности имеется совершенно неограниченное поле деятельности. Трудно предвидеть и перечислить все те формы, в которых, вообще, самодеятельность может фактически проявить себя. Составляя учебную программу по развитию этого боевого качества, не требуется пройти с обучаемым все эти разнообразные формы ее проявления. Совершенно достаточно наметить ряд наиболее характерных типических положений, в которых командир должен проявлять свою самодеятельность. Эти задачи, как и обычно, выгоднее всего начинать с более простых и постепенно переходить к более сложным и трудным. Каждый тактический тезис по самодеятельности может быть разобран и показан обучаемому при односторонних занятиях большим числом вводных данных и создаваемых ими новых положений.

Обучающий, например, дает обстановку и задачу для наступления. Командир части получает общую задачу, а также промежуточный рубеж, на который он должен выйти в течение кратчайшего срока. Обучаемый организует огонь и движение и выходит на намеченный его начальником рубеж. Обучающий дает вводные данные о том, что соседние части отстали, вместе с тем, огонь противника не слишком мешает продвижению обучаемого, — от начальника новых указаний нет. В данном случае обучаемый уже имеет конечную цель своего наступления. Поэтому рубеж, который ему назначен для скорейшего достижения, не должен его гипнотизировать, как какая-то притягательная сила. Обучаемый, учитывая обстановку и, прежде всего, возможность дальнейшего движения, сам должен наметить себе дальнейший рубеж для продвижения и продолжать наступление, донося об этом своему начальнику и поставив в известность соседей, приняв также меры к их подталкиванию. Это положение, несмотря на свою простоту и несмотря на то, что предусматривается уставами, — далеко не всегда находит себе практическое применение. Промежуточный рубеж очень часто затмевает последнюю, конечную цель и тем самым притупляет активность. На ряде таких задач обучаемый основательно усваивает действительное назначение промежуточного рубежа и в дальнейшем совершенно сознательно будет легко и быстро продвигаться вперед, пользуясь покровительством обстановки и мало считаясь с геометрическими рубежами и ленивыми соседями.

От такой простейшей задачи можно переходить к более сложной. Наиболее сложными и трудными условиями проявления самодеятель-

ности является самостоятельное изменение ранее поставленной конечной цели в связи с изменившейся обстановкой. Обучаемый приучается к тому, что боевая обстановка зачастую нарушает управление и очень редко позволяет своевременно посылать запрос и получать во-время соответствующий ответ,— тогда приходится самостоятельно изменить ранее поставленную задачу. Поэтому, он всегда должен быть готов к самостоятельной оценке положения и принятию, на свой риск и страх, под свою личную ответственность нового решения, вытекающего из изменившейся обстановки. В проявлении такого частного почина имеется не мало отрицательных сторон: внесение расстройства в общий план действий, потеря координации действий с соседями и т. д.

Указанные данные нужно пред'являть к каждому командиру, когда он должен самостоятельно принять новое решение. Сомнения командира в выборе решения, как нельзя более кстати, подкрепляются опаской поколебать свой престиж переоценкой сложившийся обстановки и неверно принять решение. Между тем, все же основной тактический принцип — это действовать сообразно обстановке. Обучающий создает обстановку, изменение которой требует нового решения командира, нарушающего ранее поставленную ему задачу. Конечно, при этом всячески надо избегать возможности приучения командира к легкомысленной переоценке обстановки. Учение должно навести его на ряд мероприятий по дополнительному выяснению обстановки для того, чтобы окончательно убедиться в верности отмеченного им факта. Только после того, как командир окончательно придет к убеждению, что обстановка изменилась и что время не допускает никаких дополнительных запросов,— он принимает самостоятельное решение и изменяет поставленную ему задачу. При этом командир не может ограничиться одними своими действиями. Конечно, он немедленно доносит о принятии решения своему начальнику и принимает немедленно все необходимые меры для информации своих соседей, прося у них в случае необходимости поддержки в выполнении его новой задачи.

Я нарочно останавливаюсь на подчеркивании того факта, что чрезвычайно вредно и опасно допустить развитие у командира легкомысленного реагирования на изменения обстановки. Наоборот, упорство и настойчивость в достижении всей поставленной задачи зачастую в состоянии перебороть любые невыгодные обстоятельства в слагающейся, в связи с изменением, обстановке. Поэтому требуется большой такт и понимание дела от руководителя, чтобы он сумел развить в обучаемом и крайнее упорство и, вместе с тем, сумел бы научить его отличать упорство от упрямства. Развитие обстановки следует делать таким, чтобы картина резких изменений ее создавалась постепенно и давалась бы в соответствии с принимаемыми на этот счет мерами

со стороны обучаемого. Проведение на эту тему нескольких задач основательно может внедрить в сознание обучаемого умение и готовность самостоятельно изучать боевые явления и самостоятельно, на свой страх и риск, принимать необходимые решения. В амплитуде между этими двумя задачами и в духе их, конечно, может и должно быть проработано большое число задач на различные темы, как-то: самостоятельная высылка разведки, проникновение в интервалы между центрами сопротивления в период артиллерийской подготовки, самостоятельный выход из колонны и принятие соответствующего строя, или укрытие в скрытом подступе в случае остановки колонны на открытом месте и открытия огня противником и т. п. Весьма важно, конечно, при выработке привычки к тактической самодеятельности разобрать не одно—два положения, а достаточное число задач, характеризующих наиболее частые типичные случаи проявления самодеятельности. Какой-нибудь десяток типичных задач поможет легко и просто проявлять командиру инициативу во всем многообразии обстановки, когда он выработает в себе привычку к принятию самостоятельных решений. Только тактическое понимание этого вопроса может сделать активного и решительного командира действительно самостоятельным и инициативным. Без такой подготовки даже решительный и смелый командир может поддаться рутине псевдо-упорядоченного боя.

Точно такими же путями развивается и смелость. Командир должен понимать, что за ним, за его смелым решением, которое он примет на свой страх и риск, стоит вся сила воспитания армии. Он должен знать и понимать, что тень неуважения может пасть на него только в том случае, если он проявил бездеятельность, если он своей нерешительностью не позволил одержать той победы, которой можно было бы достигнуть при более активных действиях. Он должен знать, что за неудачу, постигшую его часть, в результате его смелых действий, а неудачи не могут быть исключены на войне, он встретит не упреки и дознание, а общее сочувствие и моральную поддержку. Эту поддержку обучаемый всегда должен встречать в своем руководителе и, наоборот, должно выработаться общественное мнение порицания и неприязни ко всяким нерешительным действиям и проявлениям слабоволия. Конечно, воспитание это достигается не общими разговорами и нравоучениями; оно осуществляется на изучении различных обстоятельств боя, различных тактических форм, в которых проявление смелости может оказать решающее влияние на достижение боевого успеха. В задаче на встречный бой такая смелость требуется в действиях авангарда. Обстановка не поддается точному выяснению. Общая задача колонны может быть лучше осуществлена, если авангард противника будет сбит. Поэтому смелость атаки против невыясненных сил противника, соединенная с решительным маневром и охватом его фланга,

івляется высшим качеством начальника авангарда. При наличии голых флангов у обороняющегося противника и при возможности прорваться в интервалы между его центрами и пунктами сопротивления иногда смелые действия какого-нибудь стрелкового взвода могут решить участь крупного боя. Не бояться оторваться от своих сил, выйти во фланг и тыл противнику и поразить его в наиболее уязвимые места проглядываемого тыла — вот чем должны руководствоваться смелые действия частей. Смелость при прорыве оборонительной полосы выражается в стремлении смешать, спутать, нарушить оборонительную систему противника. Стремление вперед, не оглядываясь на соседей, а пользуясь возможностью продвижения вперед, создает для смелого командира условия, когда он своими решительными действиями даже незначительными силами может нарушить обороноспособность противника и обеспечить общее продвижение вперед. Использование каждой возможности продвижения, каждого ослабления огня и при том не боясь отрыва вперед от главных сил,—вот смелость, культивируемая при прорывах. В тяжелых обстоятельствах, когда противник выходит в тыл, а с фронта наседают его превосходные силы, каждая отходящая часть должна носить в себе достаточно риска и смелости по собственной инициативе, не ожидая никаких подбадриваний и целеуказаний, смело броситься на вышедшего в тыл, смять и опрокинуть его, несмотря на невыгодное соотношение сил, ибо только этим путем можно избежать огневого кольца и обеспечить прорыв главных сил.

Смелость—не одно и то же, что храбрость. Храбрым может быть и бестолковый в тактических вопросах человек. Смелым может быть только понимающий тактическую динамику боя. Боец, который понимает, что прорыв вперед основан на действительной возможности, обещает гораздо больше успеха, чем поражения.

Тактическая самодеятельность, смелость и упорство практически приносят успех только при условии, когда войска воспитаны и тренированы на принципе предельной быстроты действий и четкости. Приказ должен отдаваться твердо и властно без всяких прологов и эпилогов, без всякой философии. Уяснение приказа, его передача, начало выполнения должны производиться без всякого промедления, с полным напряжением темпа. Предварительные распоряжения являются основой основ быстроты действий. Еще до окончательного решения подчиненный должен быть предупрежден о предстоящей задаче и должен изготовиться к немедленному ее выполнению. Необходимо добиться того, чтобы от момента отдачи приказа и до момента фактического выполнения его, т.-е. до начала движения строевых частей, прошел минимальный срок. Привычка к быстроте и четкости начинает вырабатываться уже на занятиях по картам и на ящике с песком. Твердость отдаваемых приказов, повторение их и т. д. внедряется в неизменную привычку при занятиях с войсковыми частями. Быстрота сбора части,

быстрота начала движения после отдачи приказа и т. д. и т. п.—все это должно быть постоянным предметом обучения и тренировки на всех занятиях командного состава и войсковых частей.

Вот те основы, на которых должна развиваться до своей высшей нормы активность Красной армии. Не муштра, а тактическая тренировка — от занятий на планах, через военные игры, выходы в поле к общевойсковым учениям и, наконец, к маневрам—должна быть путем ее осуществления.

Достижение высшей ступени тактического искусства подготовляется сложным сочетанием различных методов обучения и большим ассортиментом задач. Учебный курс командира слагается из индивидуальных занятий, групповых задач, военных игр, выходов в поле, полевых поездок, общевойсковых учений и высшее завершение свое находит в маневрах. Для наилучшего усвоения тактического искусства обучающий должен уметь разложить весь этот курс, весь этот учебный план на такие составные элементы, которые помогли бы обучаемому легко и привычно разобраться в отдельных этапах обучения и из которых с тем большей стройностью и законченностью должно будет компановаться общее тактическое построение.

Начиная с односторонних учений, тактика, постепенно совершенствуясь и усложняясь, переходит к двухсторонним учениям. Наибольшее значение в деле подготовки и анализа отдельных тактических форм имеют односторонние учения. Руководитель при этом имеет возможность бесконечно разнообразить вводными данными обстановку и тем самым создавать поучительность отдельных элементов боя. Только тогда, когда эти элементы усвоены достаточно обстоятельно, обучаемый сумеет извлечь полную пользу из двухсторонних учений, где, с одной стороны, он только на основании своих личных усилий сможет собрать достаточно сведений об обстановке, а, с другой стороны, будет вполне самостоятелен в своих действиях.

При изучении элементов боевых положений, необходимо начать с простейших приемов. Например, можно начать занятия с оценки имеющихся данных об обстановке, на основании которой обучаемый выбирает направление главного удара. Этот выбор должен быть основан, как на расположении главных сил противника, так и на возможности в соответствии с местностью наивыгоднейшим образом использовать свои артиллерийские и пехотные средства. После того, как основы выбора направления главного удара будут достаточно усвоены обучаемым, можно перейти к изучению следующего этапа, а именно, определению ширины фронта главного удара в соответствии с имеющимися силами и средствами. Ширина фронта удара, в основном, при данной силе боевого порядка противника, определяется наличием артиллерии и танков. Уставы дают все необходимые данные для соответствующих расчетов. При избрании ширины полосы главного удара

необходимо умело сочетать довольно противоречивые условия, а именно: наступление пехоты тем легче, чем свободнее ее маневр, т. е. чем шире полоса; с другой стороны, движение пехоты будет обеспечено только тогда, когда оно поддержано определенной мощности артиллерийским огнем, а это на практике требует узких полос наступления. Далее, последует изучение соответствующего построения боевого порядка: распределение сил и средств на ударную и сковывающую группы, распределение артиллерии, постановка задач различным эшелонам в ударной группе, заранее предусматривающая развитие боя из глубины боевого порядка и ввод всех сил и средств к решительному моменту боя. Далее должны быть проработаны условия развития успеха и преследования. Развитие прорыва на 12—18 *км* в глубину на плечах отступающих должно быть явлением обычным и должно быть изучено организационно вполне исчерпывающе.

Наступление на остановившегося противника, с отходом его открытых или слабо прикрытых флангов точно так же должно быть проработано по элементам. Должны быть изучены условия:

а) сковывания на широком фронте,

б) удара по отходящему флангу с фронта с тем, чтобы обеспечить его полный разгром обходом,

в) обход и удар во фланг главным силам противника,

г) организация мероприятий для отрезания противнику путей его отхода,

д) меры обеспечения обходящей группы от контр-удара из глубины противника.

В соответствии с этим должно быть проработано построение боевого порядка, распределение задач по эшелонам в ударной группе, распределение и организация управления артиллерии и т. д.

Помимо этой части, предусматривающей статику намечаемого плана, должна быть проработана и динамика наступления с обходом фланга противника. В процессе обхода должны быть основательно изучены возможные действия эшелонов, наиболее выгодные условия нанесения главного удара во фланг главным силам противника и лучшие условия взаимодействия наступающей с фронта и обходящей с фланга части. Согласованные усилия фронтального и флангового ударов приводят к окончательному поражению главных сил противника, при соответствующем воздействии на пути его отхода и сочетании группировки своих сил с ускорением их действий.

В начале проработки наступления должно быть обращено особое внимание на следующие элементы: значение открытой и пересеченной местности днем и ночью (ночь нивелирует качества местности, днем—наступление по интервалам между расчленениями противника), план ночного вклинения в оборонительное расположение противника, изготовление артиллерии для поддержки наступления пехоты с

рассветом из ее вклиненного положения, расстройство оборонительной системы противника путем ночного вклинения в его оборонительную полосу, дымовые завесы на рассвете для затруднения противнику ориентировки в результатах ночного боя, борьба с прожекторами противника дымовыми завесами и пр.

По тем же принципам, с расчленением изучаемого предмета на отдельные элементы, как это рекомендуют наши уставы, должны быть проработаны: встречный бой, оборонительный бой и выход из боя.

По отдельным элементам должен быть разработан специальный вопрос форсирования рек: разведка грунтов и течения, подступы, исходящие излучины реки в линии обороны противника, районы возможной переправы, наблюдаемые лишь с ближайшего берега, но не из глубины расположения противника, скрытые подступы к переправе, выбор места перехода переправы, ширина фронта переправы, артиллерийские и переправочные средства, изучение ветра, план „улучшения местности" путем дымовых завес, план артиллерийского подавления, глубина проникновения одним броском, переправа главных сил, план демонстрации на основе определения расчленений противника с целью задержать прибытие резерва противника к главной переправе на время, обеспечивающее ее успех, закрепление за собою реки: — большое число мостов на широком фронте и т. п.

Во всех этих занятиях необходимо тренировать на искусстве изменения направлений движения и атаки, что наиболее трудно дается в соприкосновении с боевым порядком противника.

Распределение различных тактических эпизодов между различными видами обучения, т.-е. индивидуальными задачами, военными играми, выходами в поле, общевойсковыми учениями и пр., производится руководителем с таким рассчетом, чтобы к каждому более сложному и самостоятельному виду обучения обучаемый был бы подготовлен по всем элементам, встречающимся в этих упражнениях: от изучения отдельных элементов—переходить к обобщению их, нанизыванию их один на другой, т.-е. к более сложным динамическим условиям боя. Эти обобщенные занятия в свою очередь последовательно переходят от более простых видов обучения, например, военных игр, к более сложным — двухсторонним, общевойсковым и, наконец, к маневрам. Изучение боевых элементов расширит тактический кругозор командира и позволит ему болеее легко оценивать изменения обстановки и реагировать на нее соответствующими формами маневра, сосредоточением сил и средств в целях достижения поставленеой задачи и нанесения противнику наибольшего урона.

Третья важнейшая задача, которая встает перед нами во весь рост на предстоящий учебный год — это боевое управление. В боевом управлении мы различаем две стороны: во-первых, управление, как

приведение войск в мобильное состояние, т.-е. осуществление на практике, в динамике тех предположений, которые в связи с боевой обстановкой родились на карте. Задачей управления является достижение того, чтобы все передвижения войск вполне соответствовали намеченному плану и производились бы в кратчайший срок. Это управление не может прерваться в течение всего процесса боя. С другой стороны, управление мы понимаем, как организацию работы командования и его штаба, как органа боевого управления.

Вторая часть задачи, т.-е. организация полевой службы штабов — чрезвычайно сложная и трудная, но, тем не менее, она все же, пожалуй, легче первой. Организация разведки, постановка задач в соответствии с теми данными, которые требуются для принятия решения, систематизация этих данных, характеристика расчленений боевого порядка противника, изучение наивыгоднейших условий маневра, развертывание боевого порядка и развитие боя по этапам, соответствующая организация службы связи, отдача предварительных и окончательных распоряжений, организация тыла и пр. работы — все это является основными вопросами организации полевой службы штаба. Разделение труда и, вместе с тем, постоянное на всем протяжении бо[illegible] обобщение его является задачей трудной, сложной, но без решения которой не может быть хорошего аппарата управления. Тренировка в организации штабной службы начинается с групповых задач и постепенно переходит на выходы в поле, общевойсковые учения и маневры.

Непрерывность, четкость, своевременность управления в форме осуществления распоряжений командира — является задачей наиболее трудной. Эта задача теснейшим образом связана с быстротой, четкостью и расторопностью войсковых частей и командиров всех степеней. Хорошее высшее управление сорвется, если войска не дисциплинированы, медлительны, любят мешкаться и терять время. Таким образом, усовершенствование методов управления теснейшим образом связано с выработкой быстроты в действиях, четкостью и расторопностью командного состава и войсковых частей. Наиболее практический вид выработки динамики управления представляется в виде выходов в поле, когда две инстанции штабов ведут работы: первое время без телефонной связи. При этом они должны достигнуть действительного управления путем посылки штабных работников, а не ординарцев, велосипедистов и мотоциклистов. Только тогда, когда эта техника усвоена войсками полностью, им должны придаваться телефонные средства связи. Эти последние являются большим подспорьем в работе, должны еще ускорить и усовершенствовать управление, но отсутствие их не означает порыва управления. В этом войска должны быть натренированы особенно четко. В дальнейшем живое управление должно быть перенесено на общевойсковые односторон-

ние учения. Эти два вида упражнений должны дать наиболее высокую тренировку войскам в боевом управлении. Только тогда, когда методы управления усвоены вполне, можно с пользой для дела перейти на двухсторонние учения.

Для достижений наибольших результатов руководитель должен наметить целую систему последовательных задач и учений. Стремления руководителя не должны быть абстрактны. Он должен на каждом определенном участке времени поставить себе вполне конкретные задачи — чего и как он может достигнуть, т.-е какой скорости и надежности в управлении может он добиться в указанный период. От момента отдачи первого распоряжения и до начала фактического движения частей в масштабе дивизии проходит одно время, в масштабе полка — другое и т. д. Руководитель должен поставить перед собой определенную задачу по упорядочению этой быстроты и доведению ее до предельной скорости.

Приведенные замечания и соображения по постановке обучения по элементам, разнообразящимся, с одной стороны, с точки зрения тактической и, с другой стороны, по учебным приемам и методам, конечно, не могут считаться вполне законченными и достаточными для построения любого плана обучения в той или другой части, той или другой группе командиров. Все эти соображения и замечания, мне кажется, дают метод подхода к вопросу, по которому руководитель занятий может составить себе конкретный план обучения. Только при самостоятельной творческой работе руководящего состава могут быть получены крупные достижения в области общевойсковой тактической подготовки. Само собой разумеется, ничего не может быть более вредного во всей системе обучения, как неопределенность тактических взглядов и требований руководства и сомнительность создаваемых им тактических положений. Руководитель должен работать над собою для упорядочения руководства не меньше, чем он работает над воспитанием обучающихся.

Задачи начинающегося учебного года должны быть поставлены в строгие рамки реальных возможностей и вместе с тем на путь наибольших организационных достижений. Тактические задачи, которые мы ставим перед собою в обучении армии, требуют длительной работы, рассредоточенной на всем протяжении года. Зимняя работа на планах, на выходах в поле и пр. должна подготовить наш командный состав к руководству общевойсковыми учениями в лагерный период на общих сборах. Эти общие сборы должны быть нами всемерно усовершенствованы. Программа их должна охватить все стороны тех учебных задач, которые мы перед собой ставим. Между прочим, громадные результаты, несомненно, может дать возложение общевойсковой подготовки на отряды войск с соответствующей конкретно выработанной программой, а именно: в период ротных учений необходимо

создать ротные отряды из стрелковой роты и батареи артиллерии с возможной придачей небольших частей других родов войск. Командир роты совместно с командиром батареи и представителями других родов войск заранее разрабатывает план обучения отряда и после проводит его в жизнь. С началом батальонных учений такую же работу проводит командир батальона, в составе батальонного отряда из батальона, дивизиона артиллерии и т. д. Это не только даст возможность совместных действий различных родов войск во время общевойскового учения, но и заставит командиров взаимно изучить тактику и методику обучения соответствующих родов войск. Весь цикл общевойскового учения на общих сборах должен подготовить нашу армию к маневрам с полной обстоятельностью. Общевойсковые учения точно также могут быть односторонними и двухсторонними и должны постепенно охватить все отдельные элементы боевых положений, переходя в дальнейшем к их обобщению на протяжении всего процесса боя. Тщательно выдержанная программа позволит войскам выйти на маневры в значительной степени подготовленными. Это облегчит нам развитие активности, высшего тактического уровня и боевого управления в войсках, ибо на маневрах они получат возможность с полным знанием своего дела широко и свободно маневрировать. Маневры будущего года при осуществлении общего плана будут протекать значительно живее, в более свободных условиях для действия сторон, и явятся высшей школой для свободного боевого творчества командиров и их частей.

Новая постановка занятий на КУВНАС'е, сборы комсостава по округам дадут в этом году значительно большие возможности по осуществлению нашего учебного плана, чем мы имели в прошлом году, так как практическую программу обучения на КУНВАС'е и на окружных сборах мы строим под углом зрения программы предстоящего учебного года. Мы будем стремиться создавать себе во можно более широкие кадры лиц, способных осуществить нашу учебную программу. Углубление работы на общих сборах, опыт, который приобрела армия в общевойсковой подготовке, далее, сложившийся уже кадр инструкторов, проводников учебного плана—все это создает нам более широкие возможности при воспитании и обучении Красной армии и позволяет итти более быстрым темпом, чем это было в прошлом году. И если в прошлом году мы достигли крупных успехов и осуществили нашу учебную программу, то в настоящем году мы справимся со всеми стоящими перед нами задачами с еще большим успехом и с еще большей уверенностью.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ВОЕННЫМ И МОРСКИМ ДЕЛАМ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

(1918—1921 гг.)

В ТРЕХ ТОМАХ

Под общей редакцией: А. С. Бубнова, Р. П. Эйдемана и А. Н. де-Лазари

Том I.—БОЕВАЯ ЖИЗНЬ КРАСНОЙ АРМИИ.

Очерки и воспоминания

Наиболее характерные и яркие эпизоды из боевой жизни и быта Красной армии эпохи гражданской войны в популярном изложении.

Под редакцией: т.т. В. А. Мелникова, Н. А. Русанова и А. Н. де-Лазари, **при участии:** т.т. Бубнова, Буденного, Вацетиса, Венцова, Гая, Егорьева, Жлобы, Какурина, Котова, Кузьмина, Кутякова, Меженинова, Мелникова, Парфенова, Сергеева, Стуцка, Тодорского, Урицкого, Фабрициуса, Шиловского, Шорина, Щаденко и Эйхе.

Об'ем—ок. 20 печатных листов большого формата; свыше 60 иллюстраций

Том II.—ВОЕНКОЕ ИСКУССТВО в ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Научное исследование важнейших узловых тем эволюции военного искусства.

Под редакцией: т.т. С. М. Белицкого, Н. П. Брюханова, А. А. Свечина; и Ф. П. Никонова; **при участии:** т.т. Анулова, Барского, Белицкого, Блюменталя, Варфоломеева, Вольпе, Геронимуса, Ефимова, Зеленцова, Коссогова, Котова, Мовчина, Никонова, Никулина, Орлова, Подшивалова, Стасевича, Триандафиллова, Цяффера.

Об'ем—ок. 20 печатных листов большого формата, с иллюстрациями.

Том III.—ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

Описание важнейших операций гражданской войны.

Под редакцией: т.т. М. Н. Тухачевского, Н. Е. Какурина и И. И. Вацетиса; **при участии:** т.т Анулова, Вацетиса, де-Лазари, Какурина, Лесовицкого, Свечникова и Тухачевского.

Об'ем—ок. 20 печ. листов; многочисленные схемы в 3 краски.

Срок выхода из печати: I тома—ноябрь 1927 г., II тома—декабрь 1927 г., III тома—январь 1928 г.

Подписная цена всего издания (3 тома)—9 р. в переплете.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

при подписке—2 р. 50 к., при получении I тома—3 р. 50 к., при получении II тома—2 р. и при получении III тома—1 р.

Стоимость пересылки—за счет Издательства.

ОТДЕЛЬНЫЕ ТОМА В ПРОДАЖУ НЕ ПОСТУПЯТ.

ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ:

Издательству „Военный Вестник" (Москва 19, Манежная, 7) и во все отделения и представительства Издательства.

Цена отдельного номера 2 р. 50 к.

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
Москва 19, Манежная, 7